

Виталий Гладкий

Кровавый узел

1. ВМЕСТО ПРОЛОГА

Ветер врывается в ночные улицы с разбойничьим свистом, сметая с пустынных мостовых опавшие листья. Тонкий лунный серп наконец вспорол полупрозрачную вуаль туч и величаво поплыл к центру звездного купола, опрокинутого над городом – время было полуночное. Тусклый свет уличных фонарей высвечивал щербатые улицы, черные провалы подъездов, мрачные коридоры переулков.

Звуки быстрых шагов нарушили тишину улицы, и из-за угла показалась пара: мужчина в плаще и худенькая женщина в меховом жакете. Вцепившись мертвой хваткой в рукав своего кавалера, она тащила его, как погонщик упрямого мула, – мужчина был дороден и навеселе.

– Какого ч-черта... – бормотал он, пытаясь свободной рукой достать из кармана сигареты. – Погоди, з-заку-рю... Торопись, как голая в баню...

– Идем, ну идем же... – вполголоса уговаривала его женщина, пугливо оглядываясь по сторонам. – Уже поздно. Дети дома одни остались...

– Т-такси... Я сейчас такси п-поймаю... – Он хотел освободиться, но потерял равновесие и едва не растянулся на мостовой. – Елки-палки... Вся дорога в колдобинах.

– А ты бы еще одну рюмку выпил, – не сдержалась женщина и со злостью дернула его за руку сильнее, чем следовало бы. – Горе мое...

Мужчина хотел было что-то сказать ей в ответ, но тут перед ними словно из-под земли выросли три фигуры. С тихим возгласом "Ой!" женщина отпрянула назад.

– Ша, мадам! – с угрозой произнес хриплый прокуренный голос, и один из троицы, кряжистый, с бычьей шеей, подошел к ним вплотную.

– Что... что вам нужно? – пролепетала испуганная женщина.

– А ничего особенного, – криво усмехнулся кряжистый. – Перстенечки, камушки. И шкурку, она у тебя клевая, – он показал на жакет.

– Эй, ты... т-ты кто такой? – наконец очнулся и кавалер, до которого дошло, что происходит неладное. – П-пошел отсюда... – он попытался оттолкнуть кряжистого.

– Фраер чудит... – негромко бросил тот, и кто-то из его подручных резко и сильно ударил мужчину в солнечное сплетение.

Мужчина, хватая воздух широко раскрытым ртом, медленно осел на мостовую.

– Не нужно! Умоляю, прошу вас! – женщина начала плакать. – Вот, возьмите... – Она

торопливо сорвала с себя жакет, сняла сережки, достала из сумочки кошелек. – Все заберите, только не трогайте нас.

– Понятливый бабец... – коротко хохотнул один из подельников кряжистого и попытался раскурить папиросу.

Страшной силы удар, пришедшийся в подбородок, отшвырнул его к стене дома, по которой он сполз вниз уже без сознания.

Второй бандит шарахнулся в сторону, но невесть откуда появившийся высокий парень в кожаной куртке точно рассчитанным движением захватил его руку и буквально воткнул растерянного громилу головой в мостовую.

Кряжистый, негромко ругнувшись, выхватил нож. Не обращая внимания на зловеще блеснувший клинок, парень неторопливо приблизился к нему и сказал:

– Вот и встретились, Валет... Долго я тебя искал...

– Ты!?

– Что, не верится? Похоронил, а я тебя и на том свете нашел бы, можешь не сомневаться.

– Н-но как..? – Голос кряжистого дрожал.

– Судьба, Валет. Впрочем, тебе этого не понять. Да и незачем. Чересчур поздно...

Словно опомнившись, Валет вдруг пригнулся и с хриплым рыком кинулся на парня, целясь ножом ему прямо в живот. И наткнулся на вихрь ударов, сила и точность которых ошеломила бандита. Звякнул о камни мостовой нож, который не смогла удержать сломанная рука Валета, резкая боль пронзила его сердце, когда удар ногой протаранил грудь... Эта боль была последним, что успел ощутить в своей жизни бандит. Когда грузное тело Валета рухнуло на мостовую и из горла хлынула кровь, он был уже мертв.

Парень в кожаной куртке не спеша поднял воротник, задернул "молнию", мельком посмотрел на недвижимые тела подельников Валета и скрылся в чернильной тьме проходного двора.

Безмолвная женщина, которая словно в трансе наблюдала за схваткой, снова заплакала и принялась тормозить своего кавалера, все еще не оправившегося от удара.

Где-то над ее головой заскрипели створки окна, и вскоре вдалеке замелькали огни милицейской патрульной машины.

Отступление 1. 1953 год

Красный свет фонаря наполнял небольшую каморку таинственными полутенями. У стола сидел Костя и печатал фотографии. Слегка высунув язык от чрезмерного усердия, он терпеливо и осторожно окунал в кюветы листы фотобумаги. Белое глянцевое поле покрывалось сначала беспорядочно разбросанными пятнами, полосами, затем постепенно появлялись фигуры, лица. Весь процесс проявления для Кости был тайной, удивительной, непостижимой, и от этого сладостно-приятной. Вот и сейчас он пытался представить, какая картинка образуется из пока что неясных, размытых очертаний, испещривших фотобумагу. Подцепив пинцетом бумажный прямоугольник, Костя с радостным удовлетворением вздохнул – получилось! На него смотрели добрые мамыны глаза; она уютно примостилась у папиного

плеча, а отец широко улыбался и подмигивал. Почему-то вспомнился тот вечер...

Они возвратились из эвакуации в марте 1946 года. Им здорово повезло – в городе осталось мало не разрушенных бомбежками и артобстрелами зданий, и одним из них был дом, в котором они жили до войны. Мама устроилась работать в конструкторское бюро ремонтного завода. Домой она приходила поздно, уставшая, насквозь пропыленная – после работы заводчане дотемна помогали убирать останки сожженных танков, орудий, другой военной техники, которая ржавела на окраинах города.

Костя ходил в первый класс. В городе не осталось ни одного школьного здания, мало-мальски пригодного для занятий. Городские власти с трудом нашли выход из положения – приспособили под классы городскую баню. Детей было много, помещений не хватало, и Костин класс занимался вместе со вторым и третьим. В холщовой сумке, которую мама сшила еще в эвакуации, лежали старый потрепанный букварь и пожелтевшие от времени газетные листочки. Тетрадей не было, поэтому приходилось выискивать довоенные газеты и писать между строчек и на полях жиденькими фиолетовыми чернилами, плоские круглые таблетки которых можно было купить только на толкучем рынке, втридорога.

В тот вечер Костя долго не мог уснуть: ворочался, кряхтел, как старик, наконец попытался перебраться на мамин диван, но она была неумолима. И, повздыхав, он опять отправился на свою издавшую виды кровать с медными шишечками на спинках.

Последнее письмо от отца они получили как раз перед Новым годом. В нем была фотокарточка – папа возле рейхстага в окружении друзей. Костя недоумевал: война закончилась, все возвращаются домой, и как понять причину папиной задержки? Может, он не соскучился по ним? На его расспросы мама отвечала коротко: "Так надо. Жди". А затем, закрывшись в ванной, плакала...

Проснулся Костя от голосов: радостного, звенящего весенними ручейками маминого и мужского, раскатистого, чуть хрипловатого:

– Ну, где он там? Показывай!

– Витенька, обожди до утра. Уснул, спит Костик... Костю словно ветром сдуло с кровати. Он выскочил из своей спаленки и застыл в дверях.

– Костя, папа...

Он узнал его, узнал сразу. Отец был точь-в-точь как на фотографии – высокий, широкоплечий, грудь в орденах и медалях, а лицо доброе, обветренное и уставшее. Костя неуверенно сделал шаг вперед, затем другой, и тут сильные руки подхватили его, и он взлетел под самый потолок.

– Папа... Папочка... Я тебя так ждал... – лепетал Костя.

У него кружилась голова, он всей грудью вдыхал крепкий мужской дух, которым была пропитана гимнастерка: смесь запахов табака, порохового дыма, соленого пота и утренних заморозков...

Счастье в тот вечер переполнило их квартиру доверху, расплескалось в переливах гармошки по всему дому. Соседи разошлись только под утро. Костя так и уснул одетый, прижимая к груди отцову гимнастерку...

С той поры прошло семь лет. Мама по-прежнему работала на ремонтном, а отец – главным инженером нового хлебозавода, построенного вместо разрушенного гитлеровцами при отступлении. На летние каникулы Костю отвозили в деревню к бабушке, которая ни под каким

предлогом не соглашалась оставить свой домишко на берегу реки и перебраться к сыну в город. Война забрала у нее троих: муж партизанил и погиб где-то на Брянщине, старшего сына убили под Варшавой, а дочку немцы угнали в Германию, и с той поры от нее не пришло ни одной весточки. Так и жила бабушка Лукерья в своем тесном мирке среди старых выцветших фотографий, которые привечали ее поутру улыбками довоенного счастья.

Сегодня папа с мамой ушли в кино на вечерний сеанс, а Костя, воспользовавшись их отсутствием и чтобы скоротать время, решил отпечатать фотографии – проявленная пленка, отснятая летом, в деревне, до сих пор покоилась в камерке, где они с отцом оборудовали фотолабораторию.

Неожиданно скрипнула дверь из прихожей в гостиную. Пришли! Но почему так рано? Костя торопливо ополоснул свежий отпечаток, сунул его в кювету с фиксажем и уже хотел было открыть дверь камерки, как вдруг раздался чей-то чужой гнусавый голос:

– Кто на стреме?

– Лупатый... – ответили ломким басом.

– Успеем?

– Должны...

– Когда кино заканчивается?

– Где-то без четверти одиннадцать.

– Точно?

– Спрашиваешь...

– Где пацан?

– Допжен быть в спальне.

– Займись...

Кто-то потихоньку прошен в спальню. Луч фонаря скользнул по комнате, на долю секунды заглянул в щелку двери камерки.

Воры! Костя мигом потушил фонарь, выдернул шнур увеличителя из розетки и, почти не дыша, затаился возле двери.

– Никого нет!

– Как – нет? Ищи, мать твою... – грязно выругался гнусавый.

– Ищу, ищу... – недовольно пробасил второй вор.

– Поторапливайтесь! – прикрикнул на них третий, входя в комнату.

Костя осторожно прильнул к щели. Два вора стояли неподалеку от двери камерки, третий рылся в шкафу, а четвертый выглядывал из-за шторы на улицу.

– Говорю вам, никого, – наконец раздался бас второго вора.

– Может, к соседям отправили? – высказал предположение гнусавый.

– Хрен его знает...

– Лады... – третий из этой жуткой компании нетерпеливо прищелкнул пальцами. – Приступили.

– Чемоданы есть? – спросил бас.

– Всего два, – ответил гнусавый. – Ну да ладно, в одеяла остальное сложим да в узлы свяжем.

– Интересно, какой паразит наколку на эту хазу дал? – выматерился бас. – Барахла – кот заплакал, все стирание-перестирание.

– Кто думал... Начальник все-таки. На рыжевые [1] и башли [2] был расчет.

– Эй, гляди, еще одна дверь! – кто-то пнул дверь каморки.

– Заперта... – пробасил вор. – Не найду, где замок.

– Дай я попробую, – отстранил его гнусавый. Костя, обливаясь холодным потом и едва дыша с испугу, зажмурил глаза – воры пытались отворить дверь каморки, которая была заперта на прочный засов. Во время оккупации в этой квартире жил начальник районной полиции, который и приспособил каморку под тайник. С внешней стороны трудно было заметить дверь, которую к тому же он оклеил обоями. А засов открывался хитромудрым приспособлением, системой рычагов, вмонтированных в пол.

– Может, взломаем? – предложил кто-то из воров.

– Ты что, дурак? Грохоту будет на весь дом, – зло ответил гнусавый. – Тут дверь, как в танке... – Он выругался.

– А если там медвежий шнифер [3]? – спросил обладатель басовитого голоса.

– Не похоже... – заколебался, судя по голосу, гнусавый. – По-моему, хаза на якоре [4].

– Ну тогда покати отсюда, – решительно сказал третий вор, видимо, главарь. – А то вместо товара вшей наберемся...

И тут с улицы раздался свист.

– Шухер! Мотаем! – чей-то незнакомый Косте голос, видимо, того вора, который наблюдал за улицей.

– Барахло возьмите! – вскричал бас.

– Оставь, придурок! Ходу! – приказал главарь.

В это время на лестнице послышались шаги и звякнул ключ, которым пытались найти замочную скважину – лестница не была освещена.

– Лупатый, падло, проворонил! – зашипел страшным голосом главарь. – Я его в душу... печенку... селезенку... – отвел он злобу в трехэтажном мате.

– Что делать будем? – шепотом спросил бас.

– Что, что! Сам знаешь... Да не трясись, как шелудивый пес, не впервой! К двери, быстрее!

Заскрипели петли входной двери, щелкнул выключатель... Костя попытался крикнуть, но язык

стал непослушным, и вместо слов он выдавил слабый писк.

И в это время раздался испуганный возглас мамы, затем послышался шум борьбы, что-то упало... и гулко, страшно громыхнули два выстрела подряд.

– Папа! Папочка-а! – наконец прорвало Костю; он с недетской силой рванул тяжелый засов, выскочил из кладовой и бросился в прихожую. – Ма-а-а!..

– Пацаны! Быстрее! – заорал кто-то из воров.

Третьего выстрела Костя уже не слышал – нестерпимая боль расколола его сознание, и он погрузился в звенящую пустоту...

– Мне это надоело! Слышишь – надоело! Я его видеть не желаю!

– Вирочка, милая, как ты можешь так говорить? Как тебе не стыдно?!

– Не стыдно! Он чужой нам, чужой! Ты понимаешь это, олух царя небесного?

– Эльвира! Перестань! Он мой родной племянник, и я не допущу...

– Вот и катись ты... со своим племянником куда подальше! Он дефективный какой-то, я его даже боюсь. Все время молчит, волком смотрит, того и гляди ножом пырнет.

– Он сирота, Эльвира... Он столько пережил, столько страдал.

– Ах, сирота, ах, страдалец! Отдай тогда его в детдом, ему там самое место. Забьется, паразит, в угол и сидит сиднем, не улыбнется никогда, не поможет. А жрет в три горла...

– Эльвира, ты к нему несправедлива. Он очень способный, умный мальчик. И к тебе он хорошо относится. К тому же эта квартира... м-да... ну ты сама знаешь...

– Квартира?! А вот фигу не угодно ли тебе, охломон! Ишь как запел, сродственничек. А мне плевать, слышишь, плевать! Да если я захочу...

Костя не выдержал, отвернулся к стене и накрыл голову подушкой. Голоса в соседней комнате приутихли и стали напоминать ворчание вечно ржавой воды в унитазе...

С той поры, как Костя очнулся на больничной койке, он будто закаменел. Ему повезло – пуля лишь скользнула по голове, выдрвав клоч волос вместе с кожей. На похоронах отца и матери он не проронил ни слезинки – стоял молча, с потухшим взглядом и прямой спиной. После поминок куда-то исчез и вернулся домой только через три дня. На расспросы, где он был, не мог ответить ничего вразумительного. Похоже, что он и сам не помнил. Со дня похорон в его курчавых волосах появились седые волоски, а виски и вовсе побелели.

На школьных переменах Костя уходил подальше от шумных сверстников и, спрятавшись среди развалин, которых еще немало осталось от военного времени, о чем-то мучительно думал, а иногда вспоминал. В такие минуты его лицо с резко очерченными скулами кривилось в гримасе, отдаленно напоминающей плач, но черные как ночь глаза оставались сухими, неподвижными, и лишь холодный беспощадный огонь бушевал неслышно в глубине зрачков да ногти впивались в ладонь до крови. И никто и никогда не видал на его лице даже подобия улыбки.

После смерти родителей его забрал к себе дядя, Олег Сергеевич, родной брат матери. Эльвира, жена Олега Сергеевича, существо злобное и недалекое, невзлюбила Костю с первого дня их знакомства. Правда, до поры до времени, пока они не обменяли свою коммуналку и квартиру Костиных родителей на просторную трехкомнатную квартиру в центре

города, Эльвира помалкивала, даже пыталась быть доброй и приветливой. Но потом ее отношение к Косте резко изменилось. По любому поводу, а чаще просто так, из-за своего дурного характера, она начала на него покрикивать, однажды даже хотела ударить. Но, встретив во взгляде рано повзрослевшего подростка холодную ярость, стушевалась и свою злобу стала вымещать на муже.

Костя часто слышал их перепалки на кухне, когда Кобра (так про себя он прозвал Эльвиру), швыряя на пол жестяные миски, шипела: "Не-на-ви-жу. Почему я должна на него работать? Паразит..." В такие моменты она и впрямь смахивала на змею: неподвижные коричневые глаза под низким скошенным назад лбом излучали жестокость, необъятный бюст и жирные складки туловища колыхались под замусоленным халатом, как плохо застывший студень, длинные тощие ноги, которые она тщательно брила едва не каждый день, казались раздвоенным хвостом неведомой науке огромной змееподобной рептилии.

Однажды Костя не выдержал и сбежал к бабушке Лукерье. Горе совсем согнуло ее, но она не роптала на свою судьбу, лишь подолгу молилась перед иконами в красном углу избы да все сокрушалась: вот, в церковь бы сходить, да уж больно далеко, в райцентре, туда, поди, верст двадцать будет, не меньше, а силенок маловато, ноги не носят; была в деревне церквушка, да вот беда-то какая, сломали ее в двадцатые годы коммунары, прости их, неразумных, Господь...

Косте бабушка обрадовалась несказанно. Угощала его ватрушками, парным молоком (соседи приносили), а по вечерам подолгу сидела у изголовья Костиной постели, гладила сухонькой морщинистой рукой его кудри и рассказывала, рассказывала... О чем? О многом, что она видела-перевидела на своем веку, но Костя мало вникал в смысл ее речей, которые сплетались для него в кружевное узорочье добрых, ласковых сновидений.

Недолгим было Костино счастье – вскоре приехали Олег Сергеевич с Эльвирой и увезли его в город. Бабушка Лукерья стояла у ворот, прижав кулачки к груди, и беззвучно плакала. Такой она и осталась в его памяти. Месяц спустя ее не стало. Костю на похороны не пустили.

Развязка случилась совершенно неожиданно. И причиной событий, которые круто изменили жизнь Кости, стал его двоюродный брат Георгий, или Жорж, как его выпендренно величала любвеобильная мамочка Эльвира. Жорж был погодок Кости, учился с ним в одном классе и слыл среди учеников отпетым негодяем, хотя в учебе был прилежен и пользовался расположением классной руководительницы, подружки Эльвиры.

Жорж, который, как и его мамочка, считал Костю "пришибленным", особо с ним не церемонился. Был он покрупнее Кости, пошире в плечах, хорошо кормленный и отличался наглой вальяжностью, присущей городским отпрыскам номенклатурных семей, – Олег Сергеевич занимал весьма важный пост в партийной иерархии области. Жорж помыкал Костей, как хотел, доводил его издевками до белого каления. Но Костя сносил все с удивительным терпением и, по своему обыкновению, молча, что только раззадоривало Жоржа и подвигало на новые подлости.

И однажды Жорж все-таки нашел самое уязвимое место в глухой защите Кости: он коснулся памяти погибших отца и матери, светлые воспоминания о которых служили Косте единственным прибежищем в удушающей атмосфере неприятия и злобы, воцарившейся по милости Кобры в квартире сродственников. Это была обычная сплетня, грязная, гнусная, которая приплелась из завшивевших коммуналок в respectable квартиру, где и нашла подходящую почву. Сплетня попала на зубок Эльвире, и она свой язык в присутствии Жоржа не придерживала. Ну и ее достойный сынок в один из вечеров не преминул все выложить Косте, присовокупив кое-что и от себя.

Дикая, всепоглощающая ярость на какое-то мгновение помutilа рассудок Кости. Не помня

себя, он вlepил страшный по силе удар прямо в подленькую ухмылку Жоржа, и пока тот, валяясь на полу, выплевывал вместе с кровью выбитые зубы, Костя собрал в отцовский вещмешок свои скудные пожитки и ушел из ненавистной квартиры навсегда.

2. КРАПЛЕННЫЙ

Дом словно затаился среди низкорослых деревьев небольшой рощицы. Неподалеку расплозились невзрачные постройки окраины, все в проплешинах обвалившейся штукатурки, крытые ржавым железом, обросшей зелеными лишайниками, черепицей или насквозь прогнившим рубероидом. Дощатые заборы, слепленные на скорую руку, едва державшиеся на изъеденных древоточцами столбах, отделяли захламленные подворья от пыльных улиц и переулков, которые в ненастные дни превращались в зловонные непроходимые болота.

Коренастый мужчина, одетый в какую-то невообразимую смесь, состоящую из топорщившегося нелепыми складками пиджака явно не по росту, из-под которого выглядывала замызганная голубая рубаха, и широченных брюк-клевш, давно вышедших из моды, стоял в переулке у калитки дома, сторожко прислушиваясь к ночному дыханию окраины. Его круглую голову с короткими, небрежно остриженными волосами оседлала шерстяная кепка с пуговкой на макушке, засаленная и местами прожженная. Заросшее щетиной лицо изредка подергивалось от нервного тика, хищные, глубоко посаженные глаза отсвечивали перламутром белков, крупные зубы щерились в оскале злобного недоверия и настороженности.

Наконец, шумно выдохнув, он шагнул вперед. Кособокая калитка, которая висела на двух кусках транспортерной ленты, заменяющих завесы, отворилась бесшумно, и он зашел на подворье. Пригибаясь, неслышно прошмыгнул под окнами в запущенный старый сад, обошел вокруг дома, заглянул в покосившийся угольный сарайчик. Возвратился к воротам, еще раз внимательно осмотрел переулок и, уже не таясь, размашисто зашагал к дому. Некоторое время помедлив, постучал в окно коротким дробным перестуком. Затем быстро отскочил от окна и притаился за углом веранды.

В доме зажегся свет. Сквозь плотно зашторенные окна проскользнул узкий, словно лезвие ножа, лучик и вонзился в заросшее травой подворье. Скрипнула входная дверь, и чуть хрипловатый спросонья женский голос спросил:

– Кто там?

– Открывай, свои...

– Федор?

– Тихо, ты!.. Он самый...

Дверь отворилась пошире, и на пороге белым привидением стала пухлая курносая женщина в длинной ночной сорочке.

– Ты... ты как? Откуда?

– Оттуда, дура! У тебя все путем?

– Д-да... – дрожащим голосом ответила женщина.

– Ну тогда впускай.

– Входи...

Небольшую комнату освещала люстра под шелковым зеленым абажуром с кистями. Круглый стол, застеленный вышитой скатертью, несколько старых, потертых стульев, диван с высокой деревянной спинкой и застекленный буфет с горкой посуды составляли всю ее меблировку. Из спальни, дверь в которую прикрывали бархатные шторы, подвязанные красными лентами, доносился смачный мужской храп.

– Стерва... – тяжелый взгляд ночного гостя буквально пригвоздил хозяйку к полу. – Раскладуха паршивая...

– Федя, Феденька, миленький, п-прости... – заскулила женщина, протягивая к нему руки.

– Нышкни! Кто там у тебя?

– Свои, свои, Феденька. Зуб...

– Старый кореш, мать твою... Присуседился... – Ночной гость швырнул кепку на стол. – Буди.

– Сейчас... Я сейчас... – женщина скрылась в спальне. Храп затих. Некоторое время спустя на пороге спальни появился высокий черноволосый мужчина с косым шрамом на подбородке и, добродушно ухмыляясь, сказал:

– Вот те раз. Крапленый, это ты или твоя тень?

– Паскудник... Присосался к моей марухе и фиксы кажешь?

– Брось, не заводись, здесь все свои. Не держи зла на меня: баба есть баба. Ей тоже сладенького, гы-гы... – заржал он, – временами хочется.

– Так-то вы меня ждали, суки поганые. Думали, в зоне загнусь?

– Ну ты скажешь... – Зуб потянулся, хрустнув костями. – Эй, Софа! – позвал хозяйку. – Мечи на стол, что есть в заначке. И водочки не забудь. Дорогого гостя встречаем. Раздевайся, Федя, садись. Сколько лет...

– Да уж... – скрипнул зубами Крапленый, хотел было что-то еще сказать, но передумал и, нахмурившись, присел к столу.

Вскоре на столе появились соленые огурцы, нарезанное крупными кусками сало, картошка в "мундирах", черный хлеб и бутылка "Московской".

– Извини, Федя, чем богаты... – Зуб картинно развел руками. – Живем по средствам.

– Вижу. – Крапленый со злостью содрал пробку и налил полный стакан. – Будем... – не отрываясь, выпил, загрыз огурцом.

– Стосковался... – ухмыльнулся Зуб и последовал примеру своего приятеля. – Хороша, – крякнул и потянулся за картофелиной.

– Зуб, мне нужна ксива [5].

– Умгу, – кивнул Зуб, усиленно орудуя челюстями. – Будет.

– Где Валет?

– В норе [6]. Менты [7] на хвост упали.

- А остальные?
- Кривой масть [8] сменил, щипает [9] помаленьку, на харчишки сшибает. А Щука на барахолке приторговывает.
- Та-ак... На пенсию, значит, вышли?
- Трудно работать стало, Крапленый. Времена переменялись. Метут всех подряд.
- Мандраж [10] шибает?
- Не так, чтоб уж очень. Просто стоящее дело не подворачивается.
- Будет дело, Зуб, будет... У Маркизы чисто? -Да.
- Собери у нее послезавтра всех троих. Потолкуем.
- Лады, – Зуб опять наполнил стаканы. – Еще по одной... Ты как сорвался?
- Любопытствуешь? Может, по нарам соскучился?
- Ну, ты даешь, Крапленый! Что я, шизанутый?
- То-то... – Крапленый помолчал. – Удачно попучи-лось. Рванули когти втроем...
- А где остальные?
- Там. – Крапленый показал на потолок. – И меня туда же отправят, если заметут.
- Что так?
- Часовых. Двоих. Ногами вперед...
- Ого! Вышку[11] на плечах носишь, Крапленый.
- Двум смертям не бывать... Еще погуляем, Зуб! – Крапленый повернулся к хозяйке, которая робко выглядывала из кухни. – Софа! Садись к нам, чего столбом стоишь. За мое возвращение выпей.
- Спасибо, Федя...
- Моя заначка цела?
- Конечно, Феденька.
- Ты мне завтра одежонку попрличней справь. Да смотри, чтобы не усекли!
- Все сделаю, Федя, как надо.
- Зуб, мне клева пушка нужна.
- "Парабеллум" устроит?
- Вполне. И патроны.
- Когда?
- Еще вчера.

- Понял. Завтра к обеду притарабаню.
- У тебя есть на примете подходящие волчары [12]?
- В общем есть... – Зуб заколебался. – Но...
- Что – "но"?
- Народ измельчал, Крапленный. Так, сявки [13]. Деловых[14] мало.
- Обмозгуем и это. Найдем. Как Профессор?
- Кряхтит. Цветочки стал выращивать. Дедушка. Только внуков не хватает.
- Вот ты его и поспрашивай... насчет "внуков". У него глаз наметанный, гляди, посоветует кого для дела.
- Спрошу.
- Все, вали отсюда. А я тут с Софой... потолкую.
- Застоялся? – понимающе осклабился Зуб.
- Что, свое забыл?
- Такое не забывается...
- Так я жду тебя к двенадцати дня.
- Покеда. Приятных сновидений... гы-гы...
- Пошел к черту!
- Уже иду...

Отступление 2. Первая встреча

Дороги, дороги, дороги... Пыльные, унылые, в колдобинах и рытвинах грунтовые, и стремительные, с просинью у горизонта асфальтированные; горбатые, осклизлые от ненастья булыжные мостовые и узенькие незаметные тропинки, неведь кем протоптанные среди полей и лесных разливов. Они неторопливо разматывали полотнища, укладывая их под ноги Косте, куда-то влекли, манили в неизведанное, непройденное...

С той поры, как Костя ушел от родственников, минуло четыре месяца. Палящий летний зной постепенно уступал место зябкой ночной прохладе, умытой обильными росами, и тонкое потертое пальтишко уже не спасало от холода. Пока было тепло, Костя спал прямо на земле, у костра, подложив под голову свою котомку. Ближе к осени он старался разыскать стог сена или соломы и, зарывшись, как крот, в нору, блаженствовал в мягкой и ароматной теплыни.

За лето, несмотря на свои скитания, Костя заметно вырос и окреп. Голодным он не был никогда. Год выдался урожайным, земля щедро делилась с Костей своими богатствами: ягоды, грибы и орехи в лесу, овощи на колхозных полях, фрукты в заброшенных садах. Он научился добывать яйца и рыбу. Большой хитрости в этом не было. Возле каждого деревенского пруда обычно копошились стаи домашних уток, которые поутру неслись в

камышовых зарослях, куда их хозяева забредать не догадывались. А с рыбой было и того проще: пройдешь вдоль обрывистого берега или плотины, нащупаешь промоину или нору под водой – вот тут уж не зевай, юркие караси долго ждать не станут. Ловил Костя голыми руками и щупаков, которые таились в мелких речных заводях среди длинных и упругих стеблей водяных лилий и кувшинок.

И только хлеб и соль Косте доводилось видеть не часто. Замкнутый и очень стеснительный, он даже в мыслях не мог представить себя попрошайкой или вором. А иного пути добыть хлеб и соль не было.

С солью однажды Косте здорово повезло. На колхозном пастбище, у загона для скота, он нашел несколько кусочков каменной соли, "солонцов", которые с видимым аппетитом лизали дойные коровы. Обшорканные шершавыми коровьими языками до матово-серого блеска, величиной с гусиное яйцо, солонцы приятно отягощали вещмешок беглеца. На привалах Костя доставал свое соленое сокровище, раскладывал на носовом платке, в который раз пересчитывал куски, а затем, выбрав самый лакомый с виду, сосал его, как леденец.

Но хлеб... Хлеб оставался для него недостижимо-прекрасной мечтой, которая в ночные часы уводила в такой далекий теперь мир детства, согретый любовью и лаской отца и матери. Ему часто снились пышный, душистый, с золотистой корочкой ржаной каравай, испеченный на капустном листе в печи бабушкой Лукерьей, и запотевшая крынка холодного молока из погреба.

Как-то среди лета он не выдержал и подошел к костру, возле которого сгрудились сельские пацаны-пастушки, выгнавшие колхозных лошадей в ночное. Приняли его приветливо, без особых расспросов. Просидел он с ними всю ночь, слушая всякие деревенские побасенки и истории. Краюху хлеба, которой его угостили, Костя бережно спрятал за пазуху. На ходу отщипывая крохотные кусочки, он совал их в рот и, перекатывая вязкий комочек языком, не осмеливался его проглотить, стараясь подольше насладиться невероятно желанной хлебной кислинкой...

Осень уже властно напоминала о себе седыми заморозками, когда Костя решил возвратиться в город – нужно было искать теплое пристанище и крышу над головой. После недолгих поисков он облюбовал старый заброшенный пакгауз на железнодорожной станции, где в чуде сохранившейся каморке кладовщика стояла железная печка-буржуйка с длинной, местами проржавевшей трубой. В топливе недостатка не было – возле запасных путей высились горы угля.

Едва обустроившись, Костя начал искать работу. Не по годам серьезного и не улыбчивого юношу приняли в свою бригаду станционные грузчики, потому что людей не хватало и им часто приходилось работать в две смены. Разгружал Костя вагоны с песком, цементом, углем, лесом. Первое время было трудновато. Еще не вполне сформировавшийся организм подростка с трудом переносил огромные физические нагрузки. Но, наделенный от природы неистовым упрямством и недюжинной силой, Костя вскоре приобрел и необходимую выносливость, чтобы работать наравне со взрослыми. Он возмужал, раздался в плечах. Питался теперь он хорошо – в заработках грузчиков не обижали. Так прошли осень, зима, весеннее половодье... Длинными одинокими вечерами Костя запоем читал. Это была его единственная отдушина в размеренной, небогатой событиями, нелегкой жизни. Большую часть своей зарплаты он тратил на книги, в основном приключенческие, выискивая их на книжных развалах и в неприметных магазинчиках городской окраины.

Так прошел почти год. Однажды летним вечером Костя возвращался с работы. Пронырнув через знакомые проломы в стенах пакгауза, он подошел к своей каморке – и застыл. Из-за неплотно прикрытой двери раздавались чьи-то чужие голоса. Поколебавшись, Костя решительно потянул на себя грубо сколоченный щит, заменяющий дверь, и шагнул внутрь.

Четыре подростка, по виду сверстники Кости, расположились вокруг стола и с увлечением играли в "двадцать одно". На столе стояли бутылки с водкой, лежала закуска. Скатертью служила мягкая газета.

– Что вам здесь нужно? – негромко спросил Костя, подходя к столу.

Непрошенные гости, как по команде, бросили карты и уставились на Костю. Наконец рассмотрев, кто перед ними, успокоились и нагло заулыбались.

– Ба-а! Кажись, хозяин? А мы тут думаем, кто это такую козырную норку себе приспособил? – Невысокий, коренастый парень с модной челкой и узкими слегка раскосыми глазами поднялся со скамьи и шагнул навстречу Косте.

– Это не норка, и я вас сюда не приглашал, – спокойно ответил Костя, угрюмо глядя на собравшихся.

– Вева! Мы ему не нравимся! – долговязый прыщеватый подросток, криво ухмыляясь, налил себе в стакан водки и одним махом опрокинул в рот.

– Ага, – подмигнул Вева прыщеватому. – Ну-ка, плесни ему, Фуфырь, для знакомства.

– Я не пью.

– Во дает! Молокосос... – заржал третий, рыжий, нескладный, с плоским рябым лицом.

– Заткнись, Клоун! – Вева недобро зырнул на рябого, тот, икнув, прикрыл ладонью щербатый рот и засопел обиженно. – Так, значит, компания наша тебя не устраивает?

– Угадал. Не устраивает.

– Что-о! Ах ты!.. – выскочили из-за стола Фуфырь и Клоун.

– Тихо! Ша! – хрипловатый голос четвертого, который до сих пор молча сидел в углу, в тени, заставил вздрогнуть подростков, которые уже были готовы броситься на Костю. – Тебя как кличут?

Только теперь Костя как следует разглядел этого человека. Щуплый на вид, с маленьким птичьим лицом, он и впрямь казался подростком. Только морщинистый лоб, мешки под тазами и обрюзгшие щеки указывали на то, что ему уже немало лет. Он оценивающе осматривал стройную мускулистую фигуру Кости, будто собирался его купить, и это вызвало у подростка чувство брезгливости.

– Какая вам разница.

– Обиделся? Зря-а... – протянул щуплый и потянулся за бутылкой. – Садись. Угощайся. Коль не пьешь – перекуси. Потолкуем...

– Мне не о чем с вами толковать. Я пришел с работы и хочу отдохнуть.

– Вот ты как... Нехорошо, малыш, нехорошо так гостей привечать... – Щуплый нахмурился и забарабанил пальцами по столу.

Костя успел заметить, как он слегка кивнул Вева, и тот, словно его подхлестнули невидимым кнутом, бросился вперед, целясь кулаком в Костину челюсть.

Встречный удар, молниеносный и точный, пришелся Вева прямо в переносицу. Ошалело выпучив от боли глаза, он опрокинулся навзничь, завалив на пол и Фуфыря. Вторым ударом Костя расплющил рябой нос Клоуна, и тот, скуля, как побитый пес, упал на стол, опрокидывая

бутылки и стаканы. В это время из-под Вевы выкарабкался Фуфырь – и тут же полетел в угол от сильного удара в скулу.

– Убирайтесь! – в ярости крикнул Костя щуплому, который, как ему почудилось, с неподдельным интересом наблюдал за происходящим.

– Хоро-ош... – словно не слыша Костиных слов, тихо проронил щуплый. – Силен, малыш, силен... А это ты видел? – длинное узкое лезвие засеребрилось в его руке.

Костя медленно отступил к печке и схватил стоящую в закутке увесистую кочережку.

– Ого! Да ты и впрямь не робкого десятка, – довольно ухмыльнулся щуплый и спрятал нож. – Лады. Мы сваливаем. Пошли, вы, лопухи! – Он помог подняться Веве, который с ошалевшим видом мотал головой. – До встречи, малыш! Шевелитесь, мазурики!

– Деньги заберите! – крикнул им вслед Костя – на столе, вперемешку с картами, валялись полусотенные, мятые трешки, пятерки, рубли.

– Оставь себе. Квартплата... – закуривая, ответил щуплый и исчез в сгустившихся сумерках среди старых товарных вагонов, которые громоздились в тупике около пакгауза.

3. ГРАБЕЖ

Тусклая электролампочка сиротливо мигала внутри огромного жестяного колпака, который под напором ненастья болтался на крюке и жалобно поскрипывал. Неяркий желтый свет сеялся вместе с дождем на замусоренный пяточок растрескавшегося асфальта, изредка выхватывая из непроглядной темени разломанный палисадник, за которым угадывались очертания длинного приземистого здания. Его широкие окна сумрачно смотрели темными стеклянными глазницами на небольшую, в блестящих оспинах лужиц, площадь. Если подойти поближе, то можно было заметить над входной дверью здания вывеску с облупившейся надписью "Магазин №..." Какой номер, нужно было гадать: на месте цифры расплзлась уродливая ржавая проплешина. К торцу здания была пристроена крохотная деревянная будка-сторожка. Сквозь ее щелястую дверь пробивались полоски света, исчертившие мокрый асфальт.

Из темноты переулка напротив магазина вышли двое – мужчина и женщина. Внимательно осмотревшись, они быстро пересекли площадь и подошли к зданию. Некоторое время помедлив, женщина, не таясь, зашпешила к сторожке, а мужчина, мягко, по-кошачьи, ступая, нырнул в кустарник, который щетинился вдоль палисадника.

Женщина постучала в дощатую дверь. Внутри сторожки отрывисто и зло залаял пес.

– Кто там? – спросил хриплый полусонный голос. – Чаво надобно?

– Извините, пожалуйста, мне нужно срочно вызвать "Скорую"! – нервно вздрагивая всем телом, ответила женщина.

– Эх, среди ночи угораздило... – недовольно прохрипел голос из сторожки. – Покоя нетути с этим телефоном... Из автомата звонить надобно.

– Не работает, кто-то трубку оторвал... – принялась торопливо объяснять женщина, бросая гупливые взгляды по сторонам. – Пожалуйста, прошу вас...

– Вот паразиты, – выругался сторож. – Им бы все ломать. Сучьи дети... – слышно было, что он колеблется.

– Ладно, заходи... Тузик, пошел на место! – прикрикнул на пса, который заходился лаем.

Звякнул крючок, и на пороге сторожки появился дед, бородатый, заспанный, одетый в стеганую безрукавку. В руках он держал "берданку". Пальцы его широкой узловатой ладони лежали на курке.

– Погодь! – строго осадил он женщину, которая тут же попыталась мимо него проскользнуть внутрь сторожки.

– Шустрая... – добавил он с осуждением и внимательно оглядел площадь и палисадник. – Входи, молодуха, – наконец смилостивился над насквозь промокшей женщиной.

– Эк, поливает... – недовольно крякнул и поспешил набросить крючок.

Женщина подошла к телефону, сняла трубку, начала торопливо набирать номер.

– Тихо, Тузик, тихо! – строго приказал сторож псу, который злобно зарычал, уставившись на дверь. – Что, не отвечают? – спросил у женщины – и застыл, вытаращив на нее испуганные глаза. – Ты... ты это... чаво? – Черный зрачок пистолетного ствола смотрел ему прямо в лицо.

– Спокойно, дед, спокойно... Положи ружье! Только без шуток, а не то...

Она попятилась, держа сторожа под прицелом, к двери и открыла ее. Напарник женщины быстро вошел внутрь. Пес залаял и бросился на пришельца. Тот привычным движением схватил его за загривок и всадил нож по самую рукоятку в мохнатую грудь. Сторож попытался что-то сказать, но напарник женщины, злобно оскалившись, ударил его ножом точно в сердце. Чуть слышно простонав, сторож медленно завалился на скамью.

– Зачем?... – женщина побледнела и закрыла лицо руками.

– Только мертвые молчат, – цинично ухмыльнулся мужчина, вытирая лезвие ножа о безрукавку старика. – Так спокойней. Это для того, чтоб он в ментовке наши портреты не нарисовал. Ладно, пошли. Спешить надо. Да телефончик протри и дверные ручки...

Начальник уголовного розыска города майор Храмов, невысокий лысоватый мужчина с уже наметившимся брюшком, хмуро расхаживал по магазину и курил папиросу за папиросой. Оперативники и эксперты трудились в поте лица, пытались найти хоть какие-то следы воров. И – тщетно.

"Чистая работа... – думал Храмов, нервно разминая очередную папиросу. – Профессионалы, это уж наверняка, – вспомнил остекленевшие глаза сторожа и выругался про себя: – "Мокрушники" поганые... Не было печали..."

Подошел капитан Тесленко, старший опер угрозыска.

– Ну, что, посчитали? – не глядя на него, спросил Храмов.

– Заканчиваем. По предварительным данным, украдено следующее... – Тесленко достал измятый листик розовой бумаги: – Четыре отреза ленинградского трико, две шубы мутоновые, восемнадцать наручных часов, из них пять в золотых корпусах, три золотые броши, одиннадцать золотых колец, семь фотоаппаратов, деньги...

– Сколько?

- Что-то около сорока восьми тысяч рублей. Уточняем.
- Почему такая большая сумма хранилась в магазине?
- Вы думаете?..
- Именно.
- Я так не считаю. Завмаг новый, молодая женщина, так что...
- Тогда почему?
- Заболел инкассатор, четвертый день гриппует.
- Заменить некем, что ли?
- Я звонил в банк. Говорят, некем: два человека в отпуске, один в хирургии, неделю назад прооперировали, ну и этот...
- Та-ак... Интересная картина получается. Наводит на размышления. Ладно, потом обсудим. Что эксперты?
- Глухо. Правда, следы есть, но настолько невыразительные, что без обстоятельных исследований в лаборатории трудно что-либо сказать. К тому же дождь...
- Совещание в кабинете Храмова затянулось допоздна. Начальник уголовного розыска был взвинчен до предела. Настроение капитана Тесленко тоже оставляло желать лучшего.
- Черт знает что! – Храмов швырнул недокуренную папиросу в пепельницу. И последняя – "мокрая"! Заметьте – "почерк" один и тот же. Все сработано на высшем уровне. Ни одной зацепки. Мистика.
- Будь оно все неладно... – тихо проронил Тесленко, стараясь не встречаться взглядом со своим шефом.
- Уж ты бы помолчал! – снова взорвался Храмов. – Детский сад, а не оперативники, мать вашу! Сюсюкаете, вместо того, чтобы работать. С меня генерал уже три шкуры содрал, а вам хоть бы хны. Ты мне вот скажи – кто убил Валета? А? Молчишь? Тут тебе все на месте – и свидетели, и потерпевшие, и два его подельника... как их?
- Вева и Фуфырь... – хмуро буркнул Тесленко.
- А они что?
- Отмалчиваются. Судя по всему, не знают. Не рассмотрели.
- Странная история... Сводят счета?
- Не похоже.
- Что говорят судмедэксперты?
- В один голос твердят, что смерть Валета не случайность, а преднамеренное убийство. Все трое обработаны со знанием дела. Профессионально. Похоже на джиу-джитсу... или что-то в этом роде. И самое интересное – тот неизвестный парень мог запросто отправить вслед за Валетом и его двоих подельников, но почему-то этого не сделал.
- Пожалел?

– Не думаю... Хотя, кто его знает. Возможно, все зависело от ситуации.

– Но почему именно Валета?

– Судя по тому, что говорили потерпевшие, они друг друга знали. Правда, о чем говорили тот парень и Валет, они не слышали... Короче говоря, мы сейчас ворошим старые дела Валета. Может, найдем какую-нибудь зацепку.

– Что со словесным портретом неизвестного?

– Не клеится. К сожалению. Было темно, ну а о состоянии потерпевших и говорить нечего... Что касается Вевы и Фуфыря, так эти два подонка даже рассмотреть его не успели.

– Ладно... Пока будем иметь в виду это происшествие, – заметив неудомевающие взгляды оперативников, Храмов нахмурился и повысил голос: – Не потому, что потерял Валета для общества невеликое горе, а потому, что просто людей не хватает. У нас сейчас главное – все эти кражи и особенно последний грабеж. Пора кончать с этим безобразием. Мне стыдно за вас и за себя. Получается, что мы зря хлеб едим. Капитан Тесленко! По приказу начальника управления вы можете привлекать для участия в операциях по всем этим делам любое необходимое количество сотрудников, в том числе и отдел наружного наблюдения. Соответствующие службы уже оповещены, – увидев, как заерзал Тесленко, намереваясь, видимо, о чем-то спросить, Храмов добавил: – Вы меня правильно поняли – минуя всех, в том числе и меня. Любая ваша заявка будет принята к немедленному исполнению дежурным по управлению. Предупреждаю – дело на контроле у генерала.

– Будет исполнено... – не очень уверенно и негромко сказал Тесленко.

Хромов некоторое время смотрел на него, хмурясь, затем уже более добродушным тоном спросил:

– Виктор Михайлович, как там твой практикант?

– Снегирев? Нормальный парень...

– Это и так ясно. Как он в смысле нашей работы. Тянет?

– Теоретик... – буркнул Тесленко, собирая в папку свои бумаги.

– Вот и хорошо, что теоретик. А то у нас сотрудники, судя по результатам, больше ногами думают, – съязвил Храмов. – Поручи ему дело об убийстве Валета. Пусть покопается. Выгода двойная – без работы не будет болтаться, ну и... – майор не договорил, но Тесленко его мысль и так была ясна.

"Хитроват... – думал Тесленко, идя по коридору управления к своему кабинету. – Надо же, додумался – сплавить "мокруху" пацану. А что – расследование ведется, никто не внакладе, закон соблюден. Результат? Да хрен с ним, с этим Валетом. Одним ублюдком меньше...".

Отступление 3. Схватка

Воскресное утро укутало голубоватой дымкой полусонные городские здания, умыло обильной росой зеленые газоны. Редкие прохожие не спеша вышагивали по мостовым, старательно обходя лужицы, оставленные "поливалками". Неугомонные воробьи ссорились из-за хлебных крошек и с недовольным чириканьем разлетались в разные стороны при виде какого-нибудь

дога или эрдельтерьера, которых выгуливали позевывающие энтузиасты собаководства. Под крышами домов ворковали голуби, стремительные ласточки рассекали своими острыми крыльями пьянящий утренний воздух – город пробуждался...

В это раннее утро Костя шел на кладбище, чтобы положить букетик цветов на могилу родителей. Он по-прежнему работал грузчиком на станции и жил все в той же камерке в здании старого пакгауза.

Но только с некоторых пор Костя начал замечать, что за ним следят. То чья-то тень мелькнет за тусклым окном камерки в вечерний час, то встретится неожиданно среди вагонных завалов на запасных путях подозрительного вида личность в надвинутой на глаза кепке и поторопится исчезнуть за станционными постройками.

А однажды, поздним вечером, в дверь камерки постучал тот самый щуплый тип из четверки картежников.

– Наше вам, малыш! Зайти можно?

– Заходите...

– Почему так официально? Ах да, мы ведь с тобой не знакомы. Держи пять! – он протянул Косте руку. – Мы с тобой тезки, малыш. Меня тоже Костей кличут.

– Очень приятно... – демонстративно не замечая ладони незваного гостя, ответил подросток.

– Ой, ой, какие мы гордые! – нимало не смущаясь весьма прохладным отношением к своей личности, заерничал щуплый. – Лады, хозяин-барин. Обойдемся без трали-вали. Я к тебе по делу, Костя. Присесть можно?

– Пожалуйста.

– Эх, клево... – щуплый блаженно развалился на стуле. – Устал, как пес. А у тебя тут ничего, уютно.

– Я вас слушаю, – не стал поддерживать разговор Костя.

– И то верно, – согласно кивнул щуплый. – Время – деньги. У меня есть к тебе одна просьба... Знаешь, малыш, не везет мне в личной жизни. Женился – и неудачно. Развелся с женой, а она меня из квартирки того... в общем, вытурила. А монатки мне свои девать некуда. Так я хотел тебя попросить об одной услуге: пристрой пару чемоданов с моим барахлишком у себя. Тут места вполне хватит. Нет, нет, ненадолго! – заторопился он при виде нахмурившегося Кости, который отрицательно покачал головой. – Пока не подыщу себе угол. Я сейчас у друзей ночую, но там теснота: дети, жена и все такое прочее. Не хотелось бы и вовсе стеснить их своими сундуками. Ну, что, договорились?

Костя было заколебался – что такое не иметь пристанища, крыши над головой, ему было достаточно хорошо известно. Но все же он так и не смог одолеть в себе неприязнь к этому скользкому и нахальному типу.

– Извините, ничем помочь не могу. Сдайте вещи в камеру хранения. Там они будут в полной сохранности. А сюда может зайти любой.

– Ты упрямый... – криво ухмыльнулся щуплый. – Ну что же, покеда, тезка. – Угрожающие нотки зазвучали в его голосе. – Жаль, очень жаль...

– Деньги свои заберите, – невозмутимо выдержав недобрый взгляд щуплого, Костя сунул ему в руки газетный сверток.

Тот, не глядя, положил сверток в карман и, не прощаясь, вышел из каморки.

После этого посещения подозрительные соглядатаи больше не тревожили Костю. Он было успокоился и начал забывать эту неприятную историю, но однажды, на перроне вокзала, за ним увязалась толпа подростков. Эти великовозрастные бездельники постоянно кучковались в небольшом привокзальном скверике, где лакали прямо из горлышка дешевое крепленое вино и дулись в карты "под интерес". И быть бы драке, но на тот час, к счастью, подошли грузчики, с которыми Костя работал, – после смены они обычно пили пиво в привокзальном буфете. При виде широкоплечих здоровяков, которые сами были не прочь почесать кулаки, разудалая компашка, подогретая изрядной порцией спиртного, сочла за лучшее поспешно ретироваться. Это происшествие снова заставило Костю насторожиться. Тем более что за одним из киосков он заметил притаившихся щуплого с Вевой, которые пристально следили за происходящим...

На кладбище в эту раннюю пору было пустынно и тихо. Только у одной из могил, неподалеку от центрального входа, сидел на крохотной скамеечке какой-то мужчина, отрешенный и задумчивый. Костя прошел вглубь кладбища по широкой и чисто выметенной аллее к могилам родителей. Осторожно, будто боясь потревожить вечный сон отца и матери, положил цветы на могильные холмики, аккуратно пригладил еле видимые глазу бугорки, выдернул несколько травинок, которые упрямо пробивались сквозь щели плотно подогнанных друг к другу плит, обрамляющих могильные скаты. Уселся на скамью и надолго застыл, стараясь не дать воли горестным чувствам, увлажнившим его глаза.

Звуки чьих-то осторожных, крадущихся шагов нарушили тишину кладбища. Костя встрепенулся и, все еще во власти воспоминаний, недоумевающе посмотрел на берущих его в кольцо парней. И тут же вскочил, наткнувшись на знакомый прищур Вевы и самодовольную мину щуплого тезки.

– Какая встреча! – щуплый показал в ухмылке гнилые зубы и подошел к Косте. – И в таком интересном месте... Здорово! Чего молчишь? Не рад? Напрасно.

– Что вам от меня нужно?

– Понимаешь, у нас тут разговорчик один к тебе имеется. Так сказать, по душам.

– О чем?

– Не просекаешь, значит? Объясню. Должок за тобой числится, малыш. Забыл? А вот Вева и Фуфырь помнят. Надо платить, малыш, надо. Такова жизнь.

– Только не здесь... Я вас прошу. Не нужно... здесь.

– Почему? Место вполне подходящее. Гы-гы... Уютное местечко, я бы сказал, для нашего разговора.

– Я вас очень прошу!

– Что ты с ним баланду травишь, Фонарь! Я эту падлу сейчас по уши в землю вобью! – Велосипедная цепь сверкнула звеньями в руках Вевы, и Костя едва успел увернуться.

Поднырнув под Веву, он резким движением швырнул его, словно мешок, на щуплого Фонаря, который едва удержался на ногах. Коротким, хлестким ударом Костя успел опередить и второго, с какой-то замысловатой татуировкой на груди, попытавшегося достать его обрезком толстого бронированного кабеля. Фуфырь, с такой же цепью в руках, как и у Вевы, видимо, вспомнив их первую встречу в каморке, с перепугу шархнул в сторону, тем самым освободив Косте дорогу к центральной аллее кладбища. На бегу влепив прямой удар в

челюсть еще одному из своры подонков, он перепрыгнул через чью-то могилу – и со всего размаху грохнулся на землю: Фонарь все-таки достал его железным прутком.

Боль обожгла спину, на какое-то мгновение помутив сознание, но тут же, извернувшись, Костя вскочил на ноги и молниеносно ткнул головой в лицо Фонаря. Тот охнул от неожиданности и, выпустив из рук прутки, упал навзничь. Лицо его залила кровь, хлынувшая из носа и рассеченной брови.

И это было последнее, что увидел Костя, – над его головой взметнулась чья-то рука, и вороненые шипы кастета, содрвав кожу с виска, бросили онемевшее от внезапного шока тело в небытие...

4. КАПИТАН ТЕСЛЕНКО

Он долго вчитывался в скупые строчки оперативной сводки Всесоюзного розыска: "Из мест заключения бежал особо опасный преступник, вор-рецидивист Велик Федор Христофорович, 1920 года рождения, кличка "Крапленный", уроженец Смоленской области. Судимости... Приметы: рост – средний, коренастый, лицо круглое, волосы густые, прямые, темно-русые, цвет кожи... брови... глаза... нос... походка... речь... манера поведения... Особые приметы..."

Впрочем, читал Тесленко оперативную сводку больше по устоявшейся привычке, нежели по необходимости, – Крапленного он знал достаточно хорошо. И довольно пухлую папку из архива управления, в которой были подшиты многочисленные документы, рассказывающие о похождениях матерого волчары Крапленного, он мог даже не открывать – большинство из них было написано рукой молодого опера Тесленко.

Эта папка попала на стол капитана не случайно. И вовсе не случайно он затребовал данные Всесоюзного розыска, к которым оперативники относились обычно весьма прохладно – не было печали, своих забот достаточно, пусть беглецов ловят те, кто их упустил. А поводом к этому послужило заключение экспертов по последней, "мокрой", краже в промтоварном магазине.

Еще при первом осмотре места происшествия Тесленко обратил внимание на некоторые особенности "воровского почерка": преступники работали в перчатках, а чтобы не оставить следов, они натянули на ноги специальные чулки, пропитанные настоем махорки и еще какой-то мерзости, от которой служебно-розыскной пес Буран чихал до слез. И самое главное – умело отключенная сигнализация-ревун и несколько необычный способ вскрытия сейфа с деньгами и драгоценностями: не "фомкой", старинным и неизменным инструментом "медвежатников", а при помощи автогена. Сейф был взрезан аккуратно и со знанием дела.

"Почерк" знакомый, но откуда? Мучительные размышления не пропали втуне – Тесленко вспомнил. Это было "дохлое" дело многолетней давности, в котором очень многое совпадало с нынешним. Когда папку с данными по этому делу извлекли из архива, то оказалось, что одним из подозреваемых был Крапленный. К сожалению, доказать его причастность к той краже не удалось. Уже тогда он отличался завидной изворотливостью и хладнокровием, в чем приходилось не раз убеждаться молодому розыскнику Тесленко...

Майор Храмов, которого подчиненные за глаза прозывали Бубырем, был на удивление спокоен и рассудителен.

– ...Крапленный, говоришь? – Храмов неторопливо просматривал план розыскных

мероприятий. – С какой стати он "мокрушником" стал?

– Это версия. За неимением лучшей... – сознался Тесленко, пряча глаза. – При побеге он начудил, терять ему теперь нечего.

– Не густо. И бездоказательно. Так, мудрствование.

– Я уверен, товарищ майор, это его "почерк"!

– Не горячись, Виктор Михайлович. В нашем деле уверенность появляется только после приговора суда. Да и то не всегда, и тебе это известно...

Тесленко ругнулся про себя: "Чертов Бубырь! Кишкот... Его хлебом не корми, дай поизмываться над нашим братом. Нет других версий, нет!"

– Кстати, Виктор Михайлович, ты обратил внимание на вот этот пункт в заключении экспертов? – Храмов ткнул толстым коротким пальцем в один из листков дела.

– Конечно... – Тесленко привстал, чтобы рассмотреть, куда показывает Храмов. – Несколько ниток дорогой импортной ткани, которые невесть как оказались на шляпке гвоздя, торчавшего из скамейки в сторожке...

– Наводит на размышления фактик, а?

– Наводит... – буркнул Тесленко, не вдаваясь в пространные объяснения, которых ждал майор.

– Ну и?.. – требовательно поднажал Храмов.

– Возможно, знакомая... – сдался Тесленко. – Мало ли...

– К старику – и такая расфуфыренная краля? Не клеится, Виктор Михайлович.

"Сам знаю... – Тесленко упрямо поджал губы. – Похоже, кто-то звонить приходил. Телефон-автомат раскурочили как раз накануне грабежа. Где только искать эту лярву, если и впрямь она была "подсадной"?"

– А не замешан ли здесь Профессор? – продолжал тем временем майор. – Старый кадр. Что-то в последнее время он стал вести себя больно тихо. Завязал?

– Он только в могиле завяжет, – нахмурился Тесленко, вспомнив, сколько неприятностей доставил ему скользкий, как угорь, старый прохиндей.

– То-то... Может, прокачаешь его как следует? Авось, расколется.

– Вот именно – авось. Близок локоть...

– Присмотрись к нему, Виктор Михайлович, присмотрись. А заодно и к его братцу, Михею. Весьма возможно, что краденое барахлишко не миновало лап этого прощельги. Деньжата у него водятся, и немалые.

– Сделаем, – согласился Тесленко, напряженно размышляя о своем.

– Как твой практикант Снегирев? Обнадеживает?

– Пашет, – не стал вдаваться в подробности капитан.

– Результаты есть?

– Есть, – коротко ответил Тесленко, с тоской посмотрев на часы: времени в обрез, пора приниматься за работу, но от Бубыря так просто не отделаешься.

– И какие, если не секрет? – упрямо гнул свое Храмов.

– Под ногами не путается, – не выдержав, в сердцах ответил капитан.

– Ну-ну... – с интересом посмотрел майор на раскрасневшегося от злости подчиненного. – Не смею больше задерживать...

Закрывшись в своем кабинете, Тесленко облегченно вздохнул: слава Богу, отстрелялся. До следующей оперативки. И то ладно... К счастью, он тогда не знал, что еще одной встречи со своим начальником ему сегодня не миновать...

Милицейский "газик", взвизгнув тормозами, остановился у подъезда трехэтажного дома старинной постройки с внушительного вида дубовой дверью и лепными фитюльками по всему фасаду.

– Пошевеливайтесь! – скомандовал немолодой старшина своим напарникам, на ходу расстегивая кобуру.

Два милиционера, громыхая пудовыми сапожищами, последовали за ним в приоткрытое парадное.

– Сержант, к "черному" ходу! – уже громким шепотом продолжал командовать старшина. – Тише, ты, остолоп! – прикрикнул он на второго, который едва не загремел вниз по широким мраморным ступеням лестницы, споткнувшись непонятно обо что.

На втором этаже, у двери квартиры, обитой черным дерматином, на котором эффектно сверкала начищенной бронзой массивная табличка с гравированной надписью "Профессор Арбенин Н. В.", старшина в нерешительности остановился. Дверь была приоткрыта, и сквозь щель виднелась в полутьме солидная вешалка красного дерева. Помедлив некоторое время, старшина решительно толкнул дверь и зашел в прихожую.

В квартире царил тишина. Держа пистолет наизготовку, милиционер нашарил выключатель. Матовая колба плафона залила мягким серебристым светом оклеенные обоями стены и паркетный пол, на котором лежал пушистый коврик.

Неожиданно где-то в глубине квартиры раздался стон, затем поспышались шаркающие шаги, скрип отворяющейся двери, и навстречу милиционерам шагнул невзрачный на вид субъект. Вернее, попытался шагнуть – на пороге ноги его подогнулись, и он рухнул на паркет. Искаженное от боли лицо упавшего кривил нервный тик, он пытался что-то сказать, но из горла вырвался только протяжный хрип.

Оставив его на попечение неуклюжего напарника, старшина прошен в гостиную. Там, у старинного резного серванта, украшенного медными бляшками, лежал, раскинув руки, лысый мужчина лет пятидесяти со шрамом на щеке. Казалось, что он спал. И только неестественно подвернутая нога да струйка уже потемневшей крови в уголке перекошенного рта указывали на то, что этот человек больше никогда не проснется...

– Итак, еще один покойничек... – Храмов попытался достать из портсигара папиросу, но она сломалась. – А, черт! – в раздражении швырнул ее в урну. – Узнал, кто это?

– Да. Гришкин Петр, по кличке "Щука". – Тесленко уныло рассматривал давно не крашенный пол в кабинете майора. – Между прочим, старый подельник Валета...

– Что ты мямлишь! – взорвался Храмов. – Толком расскажи, что и как.

– Дежурному управления позвонил незнакомый мужчина, который не счел нужным представиться, и сказал, что в квартире профессора Арбенина воров. Когда патруль прибыл на место происшествия, то оказалось, что дверь квартиры была не заперта, а внутри находились двое – Щука и небезызвестный вор-домушник Балабин, кличка Гога. Щука был уже мертв, а Гога сильно избит. Сейчас он лежит в реанимации.

– Та-ак... Ну и дела... Вы допросили Гого?

– Попытались. Насколько это было возможно...

– А Щука?

– Сейчас им занимаются судмедэксперты. Но, по предварительным данным, убит таким же образом, как и Валет. Удары страшные по силе и нанесены в самые уязвимые точки тела. И ни одного лишнего, все в самый аккурат.

– Итак, убийство Валета не случайность...

– Да уж... – нехотя согласился Тесленко.

– Но кто и зачем?

– Не могу даже представить, – честно сознался капитан. – Такое в моей практике впервые.

– Что говорит Гога?

– Путается. Зашли в квартиру, решили "почистить". Профессор с семьей в доме отдыха...

– Кто навел?

– Молчит. Что работали по наводке, сомнений нет.

– Ладно, что дальше?

– Щука остался в гостиной – выгребал столовое серебро из серванта. Гога прошел в следующую комнату. Услышал какой-то шум, звуки ударов, крик Щуки. Выскочил. А дальше ничего не помнит. Что-то мелькнуло перед глазами – и все... Очнулся только к приходу патруля.

– За собой дверь они закрыли?

– Да. На защелку.

– Значит, кто-то знает толк в замках.

– Именно. Замок в квартире профессора очень сложный, заграничный. Гога утверждает, что возился с ним долго.

– Это очень интересно. Гога – "домушник" высокой квалификации. Кстати, с чего это Щуку угораздило "масть" сменить? Ведь он, насколько мне помнится, не занимался квартирными кражами.

– В последнее время Щука фарцевал. По мелочам. Видно, доход перестал устраивать.

– Убедительно... – Храмов испытующе посмотрел на капитана. – Что делать будем, Виктор Михайлович? Хотел бы все-таки выслушать твои соображения на сей счет.

– Товарищ майор! – Тесленко разозлился не на шутку. – Я так соображаю, что с меня вполне

достаточно и тех краж, которые у меня в производстве. Моя голова не безразмерная. В отделе есть и другие сотрудники.

– Не горячись. – Голос майора посуровел. – Судя по всему, блатные сводят свои счета. Наше предположение, что убийство Валета – случайность, неверно. Помешать мы им не в состоянии, да и, откровенно говоря, нет особого желания. Но отреагировать должны. Поэтому предлагаю дела об убийствах Валета и Щуки объединить. И пусть этим занимается Снегирев. Под твоим контролем.

– Дался вам этот пацан! В няньках я ходить не желаю!

– Будешь, Виктор Михайлович, будешь. Это приказ. Ты ведь наставник. Вот и... действуй. Все, баста! Разговор закончен. До свидания...

"Ну и влип ты, дружище... – с тоской думал Тесленко, бесцельно перекладывая бумаги на своем письменном столе. – Отпуск накрылся – факт. Антонина сделает из меня фарш. Два года к старикам не могу вырваться. И еще этот Снегирев... Эх..."

Отступление 4. Кауров

Больничная койка мягко скрипнула, когда Костя попытался повернуться на бок. Боль жгучей волной прокатилась по телу, он застонал и открыл глаза. Неяркий свет струился сквозь окно, задернутое белоснежными накрахмаленными занавесками, и казалось, что по светло-салатным стенам палаты катятся бесконечным потоком упругие взвихренные волны.

Костя медленно повернул голову и встретил озабоченный и немного тревожный взгляд девушки-медсестры, которая сидела у небольшого столика возле стены.

– Где... где я? – с трудом ворочая сухим, шершавым языком, спросил Костя.

– Лежи, лежи... – поспешно подхватила медсестра и поправила простыню. – В больнице. Все хорошо...

– Пить...

– Сейчас. Вот давай-ка я помогу...

Костя жадно глотал теплый ароматный чай, и с каждым глотком кровь струилась в жилах все быстрее и быстрее.

– Ну, а теперь нужно поесть. Проголодался, небось?

– Очень...

– Это хорошо. Обожди немного, сейчас принесу... После еды Костю разморило, и он забылся крепким целительным сном.

Утром следующего дня, после завтрака и докторского обхода, в палату вместе с медсестрой вошел высокий жилистый мужчина лет сорока с густой шапкой сидящих кудрявых волос.

– Здравствуй, воин, – приветливая улыбка осветила его смуглое скуластое лицо.

– Здравствуйте. Кто вы?

– Моя фамилия Кауров. Александр Петрович. Вот принес тебе кое-что. Яблоки, виноград...

– Спасибо. Но я вас не знаю...

– Костя, Александр Петрович спас тебя, – вмешалась медсестра. – Там, на кладбище.

– Вы... меня?

– В общем, почти что так, – снова улыбнулся Кауров, присаживаясь на табурет у постели. – Пришлось немного потрянуть стариной... Но ты молодец, еще какой молодец. Я видел, как ты их... Чуть опоздал, уж извини, далеко был. Ну, ничего, главное, ты жив. Врачи говорят, что ничего серьезного, скоро встанешь на ноги. Родители уже приходили?

– У меня... нет родителей...

– Нет? – посерьезнел Кауров. – Вон оно что... Та-ак... Ну, ладно, пойду я. А то проник сюда, как разведчик, тайком. И то благодаря этой милой девушке, – кивком показал в сторону засмущавшейся медсестры. – Выздоровливай побыстрее. Я еще зайду. Слушай, ты читать любишь? Я принесу тебе книги. Отлично, договорились...

Через три недели Костю выписали – молодой и крепкий организм лучше всяких лекарств помог ему выздороветь. Правда, еще побаливали два сломанных ребра и ушибленная кастетом голова, но это уже были мелочи, на которые не стоило обращать особого внимания.

У больничной ограды Костю встретил своей неизменной улыбкой Кауров.

– Как новая копейка! – подмигнул Косте, крепко пожимая руку. – Но худой. Ничего, были бы кости целы, а мясо нарастет. Ты сейчас куда? Я тут с машиной, довезу.

– На вокзал... – смущенно ответил Костя, стараясь не встречаться взглядом с Кауровым.

– Как – на вокзал? Собрался куда-то ехать?

– Да нет, живу я там...

– Ладно, тогда поехали.

– Спасибо. Я... потом на вокзал. Надо зайти... кое-куда...

– Э-э, братец, нет, давай начистоту. Куда ты хочешь зайти? – пытливо всматриваясь в Костю, серьезно спросил Кауров. – И где ты все-таки живешь? Или это секрет?

– В старом пакгаузе, – неожиданно решившись, ответил Костя.

– В старом... пакгаузе? – переспросил удивленный Кауров – и вдруг все понял.

Острая жалость тугим комом подступила к горлу Каурова, и, отвернувшись в сторону, чтобы Костя не заметил его подозрительно заблестевших глаз, он глухо проговорил:

– Ты вот что, Костя... Ну, в общем, поедem сейчас ко мне. Живу один... детдомовский я. Жена... умерла, два года назад. Детей нет, квартира у меня просторная, места хватит... Поехали, а?

И Костя, неожиданно для себя, кивнул в знак согласия...

Просторная однокомнатная квартира Каурова напоминала спортзал: шведская стенка у двери, гантели, гири разного веса, эспандер, в углу кожаный боксерский мешок и "груша". Вдоль одной из стен был прикреплен массивный деревянный брус, отполированный до

блеска. Там же стояли какие-то палки, а на стене, рядом с картиной, на которой была нарисована неяркими красками скала и причудливой формы дерево, висел на гвозде настоящий меч в ножнах.

Заметив недоумевающий взгляд Кости, Кауров засмеялся:

– Удивлен? Каждый сходит с ума по-своему, так, насколько мне помнится, однажды сказал какой-то философ. Я, как видишь, не исключение. Привык. А привычка – вторая натура. Короче – располагайся. А я сейчас кое-что сварганю по-быстрому, перекусим... – и Кауров заторопился на кухню.

Вечер наступил незаметно. Костя и Кауров с увлечением ковырялись внутри радиоприемника внушительных размеров. Хозяин квартиры был радиоинженером и в совершенстве разбирался в хитросплетении различных проводков, контактов, нагромождении электронных ламп, конденсаторов, сопротивлений. К тому же он оказался превосходным рассказчиком.

Костя с удовольствием вслушивался в неторопливый басок Каурова, лудил концы проводов, что-то подпаивал, крутил отверткой винты и шурупы, разыскивал в фанерном чемоданчике необходимые детали... – в общем, трудился в поте лица. И неожиданно поймал себя на мысли, что ему не хочется уходить отсюда, из этого маленького, уютного мирка, заполненного до отказа такими интересными, до сих пор не виданными вещами. Впервые со дня смерти родителей внутреннее напряжение, которое гнездилось в нем, сковывая мысль и поступки, накладывая неизгладимый отпечаток на характер, как-то стаяло, ушло, растворилось в удивительно теплой и доброжелательной атмосфере общения с Кауровым.

Когда часы пробили десять раз, Костя робко сказал:

– Ну... так я пошел...

– К...как? – поперхнулся от неожиданности Кауров. – Погодь, мы ведь с тобой как договаривались? Ты остаешься у меня... и все такое прочее. Или я что-то не понял?

– Извините, но я не хочу вас стеснять, – внутренне подтянувшись, твердо ответил Костя. – Спасибо вам за все.

– Вот тебе номер... – огорчился Кауров. – Конечно, ты волен решать сам, что делать и куда держать свой путь. Но, будь добр, сделай мне одолжение – переночуй сегодня здесь.

– Ладно... – опуская глаза, тихо ответил Костя; он не хотел, чтобы Кауров понял, каким облегчением и радостью наполнилось в этот момент его сердце.

– Чудесно! Стоп, вот голова садовая! – стукнул себя ладонью по лбу Кауров, глядя на старинные часы в массивном деревянном футляре, которые висели над диваном. – Время-то вон какое, а я тебя баснями кормлю. Пошли на кухню, поможешь мне картошку почистить. Сегодня у нас будет королевский ужин, это я тебе обещаю...

Так уж получилось, что Костя не ушел от Каурова и на второй, и на третий день... А когда в конце недели он было засобирался, Кауров пригласил его в выходной съездить на рыбалку. И Костя согласился.

Клев был неважный. Раздосадованные невезением, Костя и Кауров молча сидели на берегу неширокой, но глубокой речушки, внимательно наблюдая за поплавками, которые застыли, будто приклеенные намертво к голубовато-зеленой водной глади. Наконец Кауров не выдержал, сплюнул с досады и поднялся на ноги.

– Что такое не везет и как с ним бороться... Сколько тут у нас? – Он начал считать окуньков: – Один, два, три, четыре... Все. Баста. На уху хватит. Пошли рыбу чистить.

Костя тоже повздыхал от огорчения и вдруг начал раздеваться.

– Ты что, искупаться решил? – любопытствовал Кауров.

– Ага, – весело ответил ему Костя и окунулся в медленные прибрежные воды.

Он пошел вдоль берега, старательно обшаривая глубокие норы под водой. И наконец нашел то, что искал, – здоровенный рак, щелкая клешнями, шлепнулся к ногам Каурова.

– Раки! – в радостном изумлении закричал тот и, не мешкая, разделся и бултыхнулся в реку.

Примерно через час старое жестяное ведро было заполнено раками доверху. Усталые, но довольные добытки решили прекратить свою охоту – землю укутали сумерки...

Когда была съедена уха и ярко-красный панцирь последнего вареного рака исчез среди мерцающих угольков догорающего костра, Костя и Кауров блаженно растянулись на охапках душистого сена, притащенного со скошенной луговины.

– Хорошо-о... – протянул Кауров, мечтательно глядя в ночное небо. – Звезд столько... Красивые...

– Красивые... – словно эхо, откликнулся Костя, всем телом ощущая сонную истому летней ночи.

Помолчали. Каждый думал о чем-то своем. Наконец Кауров заворочался и как-то несмело сказал:

– Слушай, Костя... оставайся у меня... навсегда. Скучно жить одному, понимаешь? Я ведь как перст. Никого... Будешь мне за брата. А?

Горячая волна пробежала по телу Кости: Кауров высказал самое сокровенное – то, о чем последнее время он думал непрестанно. Думал, мечтал – и почему-то боялся.

Не в силах вымолвить ни единого слова, Костя лишь кивнул и, ощутив в руке железную ладонь Каурова, крепко сжал ее.

5. "МАЛИНА"

Крапленый явно был не в себе.

– Кто?! Какая сука след нюхает?! – мутными от ярости глазами он по-волчьи пристально всматривался в лица своих подельников.

Зуб, избегая взгляда Крапленого, молча курил. Старый вор по кличке "Кривой", плешивый, сморщенный, как груша-сушка, кривился от гневных слов Крапленого, словно жевал лимонную дольку.

А ведь все поначалу складывалось как никогда удачно. И людишки для "дела" нашлись подходящие, правда, не без подсказки старого друга, Профессора, и "навар" был приличный. Конечно, можно было, по здравому размышлению, и перебраться куда-нибудь в другое место, да уж больно не хотелось уходить с этой "малины", надежной и еще не известной уголовке.

Дня два назад он решил: "Еще одно дело – и баста. Только стоящее, хватит по мелочам

размениваться..." Он понимал, что для этого нужна длительная подготовка, чтобы комар носа не подточил. Вот тогда и можно будет сорваться с этих мест куда подальше: "ксиву" он приобрел себе надежную, даже подельники о ней не знали, "крыша" тоже на примете имелась – жить да поживать можно не один годок безбедно. О дружках и Софе он не думал – плевать, у них своя башка на плечах, после него хоть потоп. Рванет втихаря с общаком [15], ляжет на дно – ищи ветра в поле. Им что, "вышка" за плечами не маячит. Он – другое дело. Поймают – шлепнут, как последнего фраера. А Зуб и Кривой побесятся, когда он слиняет, да на том и сядут – у обоих рыло в пуху, будь спок. Кровью повязаны давно и накрепко, в ментовку не пойдут закладывать, верняк. Знают, что ни явка с повинной, ни срок давности не помогут, на одной веревочке придется трепыхаться. Но с ними нужно ухо остро держать – народ битый. Ежели что – в расход их...

Да, все шло хорошо до последней недели, когда был убит Валет. А на него Крапленный имел виды... Что Вева и Фуфырь попали в уголковку, его не сильно волновало – о нем они не знали. Обстоятельства гибели Валета его насторожили, правда, не настолько, чтобы можно было метать икру от предчувствия беды.

Но смерть Шуки выбила из колеи напрочь. Налет на квартиру профессора Арбенина он планировал сам, по наводке Кривого, который знал всех жирных "карасей"[16] в городе наперечет, и был абсолютно уверен в благополучном исходе дела. Даже не принял необходимых в таких случаях мер предосторожности, не поставив стрем, – дело верняк, лишние люди ни к чему, делиться пришлось бы только со Шукой, а Гоге – шиш, крохи, глаза замазать. Для Кривого, узнай тот о краже, у него была готова отмазка – не знаю кто, не ведаю, наверное, залетный [17]. Поверит, нет – да и хрен с ним, поди докажи.

И вот теперь, когда все так обернулось, придется держать ответ перед всей компанией. "Кто-то нас "пасет"... Кто?" – внутренне холодея, думал Крапленный. Дело приобретало нежелательный оборот, и выхода из этой ситуации он не видел...

– Профессора позвали? – спросил Крапленный у Кривого, остывая.

– Да. Должен быть с минуты на минуту, – ответил тот, зыркнув на Крапленного исподлобья; взгляд его был востер и пытлив.

"Чует, старое падло, нескладуху... – понял Крапленный, но виду не подал, лишь насупился. – Ничего, прорвемся..."

– "Хвост" не притащит? – посмотрен прямо в колючие глаза Кривого.

– Ну ты скажешь... Это же Профессор, – отвел взгляд Кривой и хохотнул с ехидцей.

– Чего ржешь? Смотри, а то зарюют нас легавые по самое некуда. Тогда и посмеешься.

– Не психуй, все в ажуре. За ним на веревочке гребут Шуня и Чемодан. Доставят в целости и сохранности.

– Надеюсь, не сюда.

– Нет, "малину" им знать ни к чему.

– Лады. Маркиза, водки! И шамовку.

Высокая черноволосая женщина, когда-то красивая и стройная, а теперь с мешками под глазами, двойным подбородком и здоровенным бюстом, не спеша накрыла на стол. Все дружно накинунись на еду, не забывая время от времени наполнять тусклые захватанные рюмки граненого стекла ледяной "Столичной". Маркиза от мужчин не отставала, разве что водку пила по-иному, не в опрокид, а врастажку, смакуя.

– Сходи, Маркиза, еще за одним пузырем, – попросил небритый и обрюзгший с глубокого похмелья Зуб.

– Хватит, – отрезал Крапленный. – Мы сюда не на пьянку собрались. Похавали – и будя...

В это время раздался условный стук, и вскоре в комнату вошел седой тощий старикашка в старомодных круглых очках.

– Привет честной компании! – задребезжал он тонким надтреснутым тенорком, широко улыбаясь фиксатим ртом.

– Наше вам, Профессор. – Крапленный нехотя осклабился в ответ и придвинул ему стул. – Садись. Налить?

– Нет-нет! – замахал Профессор морщинистыми, похожими на птичьи лапки, руками. – Это уже не для меня, старика. Вот чайку бы...

– Маркиза, завари чай. Как здоровье?

– Ох, не спрашивай, Крапленный. Как говорится, средне – между хреново и очень хреново. В боку колет, сердце ни к черту, одышка. Поди, скоро и на погост...

– Нам бы дожить до твоих лет. Да разве менты дадут... – выругался Крапленный матерно.

– И то правда, – охотно согласился Профессор. – Житья от них нету, забодали, язвы их в душу. Не то, что в былые времена. Эх!

– Не то... – Крапленный сумрачно поковырялся вилок в тарелке с объедками и бросил ее на стол. – Дело у нас к тебе, Профессор, имеется. Срочное дело. И важное.

– Я так и понял, хе-хе... – задребезжал Профессор. – Как у вас все ладится – Профессора побоку. Случилось что – дай совет, скулеж поднимаете. А я человек добрый, не могу отказать. Отмазались благодаря мне, все довольны, все смеются, а Профессору что? Дырка от бублика. Показываете то место, где рукав пришивается.

– Не трепись попусту, у меня ты обижен не был. И сейчас я тебя в долю возьму, если толковый совет дашь.

– Заметано. Выкладывай...

Прихлебывая мелкими глотками круто заваренный чай, Профессор слушал, не перебивая, что рассказывал ему Крапленный. Допив чашку, осторожно поставил ее на стол, пожевал сухими бескровными губами, прикрыл веками выцветшие от старости голубовато-серые глазки, задумался. Никто ему не мешал, в комнате было тихо, как в склепе. Зуб было потянулся за папиросами, но так и не вынул руку из кармана, таращил остановившиеся глаза на Профессора.

Неожиданно старик встрепенулся и с хищным прищуром, который как-то не вязался с его добродушным обликом, коротко бросил:

– Свои тут поработали, Крапленный.

– Но кто, кто?!

– Не ори! – повысил голос Профессор. – Ты и так уже фуфлом торганул [18], время упустил. Думать теперь нужно, много думать. Главное, менты на хвост не упали. Это хорошо. А со своими мы разберемся, это я тебе говорю.

– Узнаю кто, на кусочки порежу, – запенился от злобы Крапленый и вскочил на ноги.

– Сядь, бешеный... – тихо и устало сказал Профессор. – Поговорим спокойно. Есть у меня план. Слушай...

Крапленый выразительно посмотрел на Маркизу. Та понимающе кивнула и повиляла крутыми бедрами в соседнюю комнату. Впечатлительный Зуб, с вожделием глядя ей вслед, тихо крякнул и завистливо покосился на Крапленого; везуха прет человеку, такие пенки снимает.

Все сгрудились вокруг Профессора...

6. ЛЯЛЬКА

Было уже около десяти часов вечера, когда капитан Тесленко вошел в подъезд своего дома. К груди он бережно прижимал папку, в которой лежал лоскут ткани. Нитки этой импортной тряпки были найдены на скамейке в сторожке ограбленного магазина. Впрочем, ткань про себя называл тряпкой только Тесленко, со зла – он сбился с ног, разыскивая ее, настолько редкой и дефицитной она оказалась. Помог случай – сотрудники ОБХСС конфисковали на "толчке" у одного "труженика Востока" несколько кусков заграничной мануфактуры, среди которой попала и разыскиваемая ткань. Экспертам пришлось здорово потрудиться, чтобы по обрывкам ниток установить цвет и фактуру ткани из сторожки и ее идентичность конфискованному образцу. И теперь капитан, отчаявшись в бесплодных поисках одежды, нитки из которой выдрал гвоздь, решил с помощью хитро задуманной "операции" привлечь к расследованию свою жену Антонину.

– ...Господи, ну почему, почему я вышла за тебя замуж? У всех моих подруг мужа после работы сразу домой, а ты хотя бы к полуночи явился. А зарплата? Кот наплакал, едва концы с концами сводим.

– Ну да... – с обреченным видом кивал Тесленко, изображая отсутствие аппетита после нахлбучки; а у самого слюнки текли при виде остывающей миски с наваристым украинским борщом.

– С чего это ты сегодня такой смирный? – с подозрением спросила жена, остановив на полуслове свои упражнения в риторике.

– Что? – вскинулся от неожиданности Тесленко, мысли которого в данный момент занимала тайна кастрюли, стоящей на плите; он гадал, что в ней может быть: хорошо бы котлеты... – А, ну это... то есть, виноват, каюсь, такая работа.

– Так, так... – Антонина, подбоченясь, подошла вплотную. – Брехло, соленые уши. Я тебя насквозь вижу. Сколько лет я с тобой мучаюсь? Десять. И ты меня хочешь обмануть? Ну-ка, выкладывай, что надумал.

– Сыщик... – ухмыльнулся в ответ Тесленко, теплым взглядом окинув жену с ног до головы.

Была Антонина до сих пор стройна, черноволоса, легка на подъем. Поженились они поздно, и так уж получилось, что детей у них не было. И пара видная – смуглянка Антонина и он, кося сажень в плечах, русокудрый, румяный, до сих пор девки молодые заглядываются, а не дал Господь, не дал...

– Ладно, – сдался Тесленко и, не дав опомниться, обнял жену и поцеловал. – И за что я тебя люблю, такую язву, ума не приложу.

– Отстань, трепло... – вяло засопротивлялась Антонина. – Ешь, блудный муж. Прощаю, но в последний раз.

"Две тысячи сотое последнее китайское предупреждение..." – едва не ляпнул повеселевший Тесленко, но вовремя сдержался и быстренько принялся орудовать ложкой.

– Так что там у тебя? – требовательно спросила жена, усевшись напротив.

– Нужна твоя помощь, – решив отставить всякую дипломатию, ответил капитан. – Там у меня в папке ткань, импортная и, между прочим, очень редкая и дорогая. Нужно узнать, кто в городе носит одежду из этой ткани – костюм или, возможно платье.

– И это все? – ехидно прищурившись, Антонина уткнулась подбородком в сжатые кулачки. – Подумаешь, мелочь какая – разыскать среди городских модниц нужную доблестному оперу Тесленко. Сколько ты мне отводишь на поиски – год, два?

– Неделю, – отрезал капитан, принимаясь за свои любимые котлеты под соусом. – В крайнем случае.

– А сам что?

– Я обегал все ателье – мимо. Такой ткани даже не видали.

– Это понятно. Нужно быть абсолютной дурой, чтобы отдать ее в государственный индпошив. Загубленные деньги и нервы. То, что они там лепят, только клоунам впору.

– Вот, вот, и я об этом. Искать нужно портного-надомника, притом высококлассного. Тут тебе и карты в руки. Поспрашивай у подруг, знакомых...

– Не было печали... – вздохнула Антонина, поднимаясь. – Придумал мне забаву, чтобы по вечерам не скучала.

– Тонечка, я тебе очень, очень прошу... – взмолился Тесленко.

– Не скули, я не отказываюсь. Сделаю все, что от меня зависит. Уж не обессудь, если ничего не получится. Мы милицейских академий не заканчивали.

Тесленко удовлетворенно улыбнулся и налил себе чаю. Антонину свою он знал достаточно хорошо и был уверен, что она не успокоится, пока не отыщет эту треклятую модницу, оставившую столь важную улику в сторожке. Впрочем, он вовсе не был уверен в необходимости таких поисков, но выбирать не приходилось – другие версии ограбления напоминали безликих уродцев, которых можно увидеть только в бреду; ни фактов, ни вещественных доказательств, ни здравых мыслей – короче, фигня на постном масле, состряпанная в угоду Бубырю, признающему только марксистскую диалектику и логику в расследовании всех дел, вплоть до краж стиранных исподних с балконов...

Портниха, толстая краснощекая женщина лет пятидесяти, в махровом халате невообразимо яркой расцветки и домашних шлепанцах, отороченных мехом, повертела в руках лоскут ткани и небрежно бросила его на стол:

– Ничем не могу помочь, милочка. Нетути.

– Я заплачу любую цену... – Антонина молящим взглядом пыталась расположить к себе Вадимовну – так звали портниху ее постоянные клиенты.

– Экая ты настырная... – заколебалась Вадимовна, окидывая цепким взглядом Антонину: насколько соответствуют запросы этой смазливой девицы содержимому ее кошелька.

И осталось довольна – клиент стоящий, не пустышка. Антонина, увидев, как настороженность на лице портнихи растаяла, торжествующе воскликнула про себя: "Есть!". Для этого визита она постаралась: натянула на себя все лучшее, что было в ее гардеробе, пособирала по подругам кольца, золотые цепочки и серьги и теперь была похожа на ходячий ювелирный магазин.

– Вот что милочка, подскажу я тебе, где такую ткань достать. Месяца два назад шила я одной девахе костюм из этого материала. У нее оставался приличный кусок, как раз для тебя хватит.

– Большое вам спасибо! – с энтузиазмом воскликнула Антонина, но потом засомневалась: – Да, но оказывается, уже есть в городе костюм из этой ткани. А мне бы хотелось...

– Не беспокойся, милочка, не беспокойся! – засуетилась Вадимовна, явно не желая терять такую выгодную заказчицу. – Она ведь живет на окраине, у черта на куличках. А материал – закачаешься. Сошью – лучше, чем у Ляльки, костюмчик будет. Обещаю. А насчет материала, милочка, не сумлевайся – считай, что он уже у тебя. Мне Лялька не откажет...

Так на столе капитана Тесленко появилась архивная папка с надписью "Дело №...", в которой достаточно подробно был освещен житейский путь весьма смазливой и молодой Ляльки, или Лионеллы Черновой. Несмотря на свой ангельский лик и молодость, Лялька была тем еще фруктом...

Отступление 5. Цюань-шу [19]

Кауров, мускулистый и гибкий, как пантера, хохоча, тормозил полусонного Костю, который никак не желал оторвать голову от мягкой подушки. Наконец Каурову надоело это занятие, и он опрокинул Костину раскладушку. Раздосадованный юноша, сделав кувырок через голову, стал в боевую стойку. Удар, еще удар! Молниеносные выпады Каурова сразу прогнали сон. Один из ударов едва не достиг цели, и Костя, опоздав с блоком, спасся тем, что сел в "шпагат". Разозлившись, он сделал стойку на руках, затем сальто и в свою очередь перешел в наступление. Серия точных, хорошо фиксированных ударов не застала врасплох опытного бойца; но молодость в это утро все-таки взяла вверх над мастерством: выпад, второй, несколько обманных движений, стремительный прыжок, и Костина стопа коснулась виска Каурова, который на долю секунды опоздал с блоком.

– Сдаюсь, сдаюсь! – Кауров шумно задышал, восстанавливая ритмичность дыхания. – Одни – ноль в твою пользу... Отлично, Костик. Но обрати особое внимание на стойки. Ладно, все, умываться и завтракать...

Прошло почти два года с той поры, как Костя поселился у Каурова. Первое время он чувствовал себя немного скованно – ему были непривычны и уютная домашняя обстановка, от которой он успел отвыкнуть, и забота со стороны Каурова, его ненавязчивая мужская ласка. Но постепенно, под влиянием неиссякаемой жизнерадостности и доброты Каурова, он начал, незаметно для себя, оттаивать душой, превращаясь из рано повзрослевшего подростка в замкнутого, молчаливого юношу. И только беззаботная улыбка, свойственная этому возрасту, несмотря на все старания Каурова, так и не прижилась на строго очерченном смугловатом лице Кости.

Несмотря на установившиеся между хозяином квартиры и Костей почти братские доверительные отношения, Кауров для него был сплошной загадкой. Костя знал, что он работает радиоинженером, ему были известны и кое-какие подробности личной жизни

Каурова, но некоторые обстоятельства, подмеченные пытливым юношей, позволяли сделать вывод о наличии некоей тайны, которую Кауров хранил весьма тщательно от всех окружающих, в том числе и от Кости.

Когда Кауров впервые разделся при Косте до пояса, юноша едва не ахнул, глядя на его могучий мускулистый торс, – многочисленные шрамы буквально испещрили кожу. Заметив недоумевающий взгляд Кости, Кауров подмигнул ему и сказал:

– Грехи давней молодости. Бывали дни веселые... – не вдаваясь в дальнейшие объяснения, запел он, дурачась, и пошел в душевую.

Костя так никогда и не отважился спросить о происхождении шрамов, явно чувствуя нежелание Каурова распространяться на эту тему.

Поразила Костю и библиотека Каурова – около сотни книг, и почти все на китайском языке. Судя по всему, Кауров знал этот язык в совершенстве. Объяснения были просты:

– Понимаешь, приходилось бывать в Китае. Дружественная помощь братскому народу в восстановлении промышленности. А без знания обычаев и языка делать там попросту нечего. Вот я и поднатужился... – и снова все перевел в шутку.

После работы и в выходные Кауров усиленно тренировался. Костя на первых порах диву давался той звериной грации и кошачьей легкости, с которой Кауров проделывал бесчисленное множество непонятных упражнений, напоминающих магические пассы шаманов, запомнившихся Косте по какому-то фильму.

– Интересно? – спросил как-то Кауров, по своему обычаю широко и добродушно улыбаясь. – А вот это ты видал?

Он сложил стопку кирпичей, штук пять, затем резко взмахнул рукой... – и остолбеневший Костя глазам своим не поверил: кирпичи превратились в груды обломков!

– Все это, браток, называется цюань-шу, китайское искусство кулачного боя. Эффектная штука, доложу я тебе. Есть в Китае один монастырь, называется Шаолинь. Приходилось мне бывать в тех местах... – Кауров ненадолго задумался, хмурясь. Затем продолжил: – Так вот, довелось мне познакомиться с одним из монахов этого монастыря, который был шифу, – заметив немой вопрос в глазах Кости, объяснил: – Мастер – значит цюань-шу, наставник. Вот он меня лет пяток, как щенка, натаскивал... И резко переменял тему: – Хочешь научиться? Угадал? Тогда переодевайся в спортивную форму.

Так Костя, совершенно неожиданно для себя, с головой окунулся в нелегкие премудрости китайского боевого искусства. И, к удивлению даже издавшего виды Каурова, преуспел.

Гибкий, физически очень сильный, с отменной реакцией, закаленный ранним трудом и житейскими невзгодами, Костя, казалось, самой природой был создан бойцом цюань-шу. Он мог сотни раз без усталости отжиматься на пальцах, кулаках и запястьях от пола, мог по нескольку часов молотить тяжеленный мешок с песком, прыгать, как обезьяна, по земле, опираясь только на пальцы рук и носки, крутить многочисленные сальто и кульбиты. Кауров учил его искусству сверхбыстрого бега и ходьбы на длинные дистанции, учил скалолазанию, плаванию, всевозможным способам маскировки, умению видеть в темноте и драться "вслепую" с завязанными глазами. К концу второго года обучения цюань-шу Костя уже знал пять основных его стилей: "Дракона", "Тигра", "Леопарда", "Змеи" и "Журавля". Успехи Кости радовали и восхищали Каурова, который теперь с увлечением посвящал юноше все свое свободное время.

Но если по части физического совершенствования Кости у Каурова не было проблем, то в

области общеобразовательной он терпел явное фиаско. Началось все с того, что Костя наотрез отказался ходить в школу. В общем-то Кауров был с ним согласен – Костя перерос своих сверстников, не говоря уже о тех пацанах, с которыми ему пришлось бы сидеть за одной партой, так как он пропустил учебный год. Но Костя отказался посещать и вечернюю школу. Пришлось довольствоваться самоподготовкой по школьной программе. Тут Костя возражений не имел и занимался с удивительным прилежанием.

Правда, и здесь случилась совершенно нежелательная для Каурова накладка – после полного выздоровления Костя опять пошел работать грузчиком на станцию. Никакие доводы и уговоры не помогали – Костя хмуро отмалчивался, укладываясь вечером на свою раскладушку, а утром старался незаметно исчезнуть, по своему обыкновению отправляясь на работу кружным путем быстрым бегом. После работы он приходил усталым, полчаса отдыхал, затем садился за учебники. А вечером гонял себя часами на тренировке до седьмого пота, словно и не было тяжелого трудового дня.

Кауров понимал, что такие огромные нагрузки для еще неокрепшего молодого организма чреватые нежелательными последствиями, но переупрямить Костю не мог. Он понимал истоки этого упрямства – Костя просто не желал быть обузой, хотел зарабатывать сам, а не сидеть на положении иждивенца. Но от этого Каурову все равно было не легче. И однажды он решительно заявил:

– Костик, я не собираюсь навязывать тебе свое мнение, но у меня есть одно предложение. Я договорился с начальником экспериментального цеха, тебя примут учеником слесаря-лекальщика. Отличная профессия, доложу я тебе. Ну как?

– Я не возражаю... Но справлюсь ли?

– Почему нет? У нас там ребята хорошие, дружные, отменные специалисты. Помогут, научат. Главное, не дрейфь.

– Но мне хотелось бы... – Костя замялся. – Я хочу быть радиомонтажником...

Конечно же, Костя был прав. Под руководством Каурова он за короткое время научился разбираться в самых сложных радиосхемах и, пожалуй, вполне мог бы стать отличным монтажником. Но была единственная загвоздка – не вышел Костя годами для работы в радиомонтажном цехе. И тут уж ничего нельзя было поделаться – в этом вопросе на предприятии исключений не существовало. Кауров объяснил Косте, как смог, ситуацию, и юноша, скрепя сердце, согласился учиться на лекальщика.

В цехе к Косте относились очень хорошо. Все считали его младшим братом Каурова, которого уважали и ценили как отличного специалиста и честного, порядочного человека. Наставник Кости, уже пенсионного возраста лекальщик дядя Миша, человек горячий и "заводной", нередко покрикивал на него, а то и отпускал подзатыльники, когда он в очередной раз "загонял" в брак какую-нибудь деталь пресс-формы или штампа. Но Костя не обижался на старика, который, будучи по натуре человеком очень добрым и сердечным, скрывал свою истинную сущность под маской напускной строгости и ворчливости. Вскоре Косте стали поручать и более сложные работы, в том числе изготовление, подгонку и доводку замков различных систем и назначений, которые устанавливались на разнообразные сейфы, заводской ширпотреб.

И все-таки произошло то, чего Костя так боялся, хотя и ждал с необъяснимым душевным трепетом. Как-то вечером в разговоре Кауров намекнул на возможность длительной командировки. Это было сказано в обычной для него шутиливой манере, но Костя вдруг, неожиданно для себя, почувствовал нечто похожее на укол прямо в сердце. Он тут же замкнулся, разговор был скомкан, и оба легли спать с тяжелым чувством. А еще месяц спустя Кауров, почему-то робко и даже смущаясь, заявил:

– Понимаешь, браток, в общем, гкм... – прокашлялся, – послезавтра в путь...

Костя молча опустил голову.

– Работа такая... – попытался было объяснить Кауров, но затем с обреченным видом махнул рукой и лег на постель лицом к стене...

Поезд уходил глубокой ночью. Каурова провожали Костя и какой-то незнакомец, неразговорчивый и равнодушный. Кауров крепко обнял Костю своими могучими руками, неумело ткнулся ему в щеку – поцеловал.

– Держись, браток... Жди, я обязательно вернусь... – Он посмотрел в глаза Кости долгим и, как показалось юноше, тоскливым взглядом, а затем, резко отвернувшись, вспрыгнул на подножку вагона – поезд уже набирал ход.

Молчаливый незнакомец ушел, а Костя еще долго стоял на опустевшем перроне, взглядываясь в темень, где растаял последний огонек поезда, умчавшего в неизвестность Сашу Каурова – друга, ставшего ему родным...

7. ПРАКТИКАНТ СНЕГИРЕВ

Мишка Снегирев, невысокий коренастый паренек, конопатый и шустрый, в своем кургузом пиджачке смахивал на школьника. И уж вовсе он не был похож на студента юрфака, будущую звезду криминалистики, как его прозывали, посмеиваясь, сокурсники. Правда, в адрес Мишки Снегирева институтские острословы проезжались довольно редко и уж вовсе не в дни сессии.

Когда в коридорах института бушевали экзаменационные страсти и ошалевшие от бессонницы и невероятных доз кофе студенты торопливо глотали таблетки успокоительного перед тем, как протянуть дрожащую руку за билетом, когда заядлые проферансисты, привыкшие к ночным бдениям за бесконечными "пульками", без усталости строчили "шпоры" разнообразных калибров – от "бомб" величиной с тетрадный листок до "блошек" размером в спичечный коробок, на которых институтские умельцы ухитрялись вместить весь "Уголовно-процессуальный кодекс", Мишка Снегирев блаженствовал. Помахивая огромным, издававшим виды портфелем, он расхаживал в скромном институтском сквере, с невозмутимым видом поглощая в невероятных количествах свой любимый пломбир, который ему услужливо предлагали будущие несчастные служители Фемиды в виде гонорара за консультации по правовым вопросам. Разъяснив очередному коллеге менторским тоном какой-нибудь каверзный вопросик, Мишка фамильярно хлопал его по плечу – мол, держись, не унывай, сессия – явление преходящее, и обращал свой взор к следующему горемыке, который от нетерпения мычал над ухом, с ужасом поглядывая на стремительно, как ему казалось, вертящиеся стрелки наручных часов.

Оказавшись в роли практиканта, Снегирев неожиданно сам попал в незавидное положение "почемучки". Уже на исходе второй недели практики Мишка с ужасом признался самому себе, что его блестящая теоретическая подготовка – нуль без палочки. На самом деле все оказалось не так, как он себе мыслил и как описывался в книгах труд розыскника. Ворох разнообразных дел, которыми обильно и каждодневно снабжался уголовный розыск неустанными трудами местных "деловых", вовсе не способствовал неторопливым и глубокомысленным рассуждениям у камина с трубкой в руках в стиле Шерлока Холмса. Весь взмыленный, словно загнанная лошадь, Мишка метался по городу с поручениями Тесленко целый день, а иногда и до глубокой ночи. Когда он приползал в общежитие, ноги ему уже

отказывали служить.

Однажды, совсем отчаявшись, Снегирев решил было сдаться на милость руководства управления и признать себя профнепригодным к розыскной работе, но тут неожиданно ему подвалило счастье в виде дела об убийстве Валета, а затем и Щуки. Не зная причин такого необычайного доверия и не чувствуя подвоха, Мишка воспрянул духом.

Энергия и цепкость, которые он проявил, расследуя порученное ему дело, вызвали нечто похожее на уважение даже у непосредственного Мишкиного начальника, капитана Тесленко. Появление Снегирева в качестве практиканта тот поначалу воспринял как приступ зубной боли. "Черт бы их всех побрал..." – бубнил Тесленко, не стесняясь Мишкиного присутствия, считая направление в угрозыск с визой Храмова: "Кап. Тесл.! Наставник". Подпись. Дата. "Хорош гусь... – брюзжал капитан, скептически оглядывая неказистую фигуру практиканта. – Геракл. В засушенном виде..." "Уж лучше Спиноза", – невозмутимо ответил Снегирев, который к тому времени все еще пребывал в блаженном неведении специфики работы уголовного розыска и находился под впечатлением последней сессии, где он блистал как олимпийский бог. "Философ, значит, – с ударением на последнем слоге определил Тесленко и хитро сощурился. – Ну-ну..." Значение этого "ну-ну" Снегирев осознал довольно скоро...

Сегодня Тесленко был мрачнее грозовой тучи. Буркнув что-то в ответ на Мишкино приветствие, он сел за свой стол и принялся бесцельно переключать ворох бумаг. Мишка скромно помалкивал, хотя его так и распирало желание побыстрее доложить результат своих архивных изысканий.

Наконец капитан перевел взгляд на розовое от возбуждения лицо практиканта.

– Ну? – недовольно буркнул он.

– Тут я маленько в архиве покопался... – с важным видом начал Мишка, небрежно листая пухлую папку с выцветшей надписью.

– У тебя что, других забот мало?

– Хватает, – солидно подтвердил Снегирев. – Но, я думаю, вам следует посмотреть вот на это... – Он передал папку Тесленко.

– Ах, ты еще и думаешь, – съехидничал капитан. – Приятно слышать. – И добавил: – Философ...

Тесленко прочитал первые страницы дела, которое подсунул ему практикант:

– "Убийство главного инженера хлебозавода Зарубина и его жены..." Послушай, на кой ляд мне эта археология?

– И еще одно дело, – невозмутимо положил на стол капитана вторую папку Снегирев. – Тоже заслуживает самого пристального внимания.

– Объясни. – Решительно отодвинув папки в сторону, сказал Тесленко. – Если можно, покороче.

– Ладно, – согласился Снегирев. – Дело в том, что эти два преступления имеют один "почерк".

– Ювелир Сорокин... – Тесленко заглянул во вторую папку. – "Вооруженный грабеж. Убиты: ювелир, его жена, домработница..." Ну и что?

– Как – что? – загорячился Мишка. – Вы посмотрите, посмотрите внимательно! В квартире

Зарубиных и квартире ювелира были найдены папиросные окурки. Вот фотографии. Окурки были оставлены бандитами. Доказано. Но главное, на что почему-то не обратили тогда внимание, – прикус на картонных гильзах в трех случаях аналогичен! Я сравнил...

– Криминалист... – в голосе капитана звучал сарказм. – Ты закончил?

– Нет, – разгоряченный Снегирев ткнул пальцем в одну из фотографий из дела ювелира Сорокина. – Сейф в квартире ювелира был вскрыт точно таким же способом, как и в магазине! Вот!

– Послушай, Михаил Иванович, тебе какое дело поручено расследовать? – вежливое обращение капитана не сулило Мишке ничего хорошего. – Занимаешься Валетом и Щукой, так и занимайся. Не лезь в чужой огород. Усек?

– Я и не лезу, – Мишка покраснел от обиды, как вареный рак. – И, кстати, я еще не закончил. В квартире Зарубиных экспертам удалось "срисовать" отпечатки пальцев. Очень неважные и по тем временам практически непригодные для идентификации. Я попросил экспертов проверить на нашей новой аппаратуре, и вот что из этого вышло... – Снегирев, не глядя на своего начальника, положил перед ним машинописный листок бумаги.

– Заключение экспертов... – Тесленко неожиданно почувствовал, как его захлестнула горячая волна. – Валет и Кривой?!

– Так точно, товарищ капитан, – официально ответил Снегирев, хмуро глядя мимо Тесленко.

– Миша, извини, я был не прав. – Тесленко протянул Снегиреву свою широченную ладонь. – Ладно, не дуйся, держи пять.

Мишка, какой-то миг поколебавшись, пожал руку капитана.

– Да, брат, это, я тебе доложу, бомба. – Тесленко пристально посмотрел на Снегирева. – Это все?

– Почти.

– Что еще ты откопал?

– Есть у меня одна версия... – Снегирев заколебался. – Не знаю, насколько она правдоподобна...

– Ну, ну, – подбодрил его Тесленко.

– Бандиты при грабеже квартиры Зарубиных допустили промах. Так уж вышло, что остался свидетель, малолетний сын Зарубиных. Он был ранен.

– Его опрашивали?

– Да. То есть не совсем так... Мальчик был в шоке, его долго лечили. Следовательно, по настоянию врачей, не рискнул детализировать обстановку грабежа до полного выздоровления мальчика.

– А потом?

– Похоже, дело просто сдали в архив.

– Бывает... – поморщился Тесленко, вздыхая. – Чтобы не портить отчетность последующих кварталов... Где теперь этот мальчик?

– Я наводил справки. Исчез. Он ушел из семьи, которая приютила его после смерти родителей. И как в воду канул.

– Нескладно получается... Нужно его разыскать во что бы то ни стало. Добро. – Тесленко задумался на некоторое время, затем сказал: – Ну ладно, выкладывай свою версию...

Отступление 6. Фонарь

У "вертушек" заводской проходной, в просторном вестибюле, толпились рабочие. Костя, подивившись про себя столь необычному в это время скоплению народа, протянул пропуск хмурому охраннику.

– Костя, погоды! – окликнул его знакомый голос. Костя обернулся и увидел пушистые седеющие усы дяди Миши, его усталые, поблекшие от старости глаза.

– Здравствуйте, дядя Миша! – обрадованно воскликнул он. Старый лекальщик был уже больше недели на больничном. – Как здоровье?

– Здоровье, Костик, сам знаешь какое... А вообще, пошел на поправку. Не в этом дело... Ты что, ничего не ведаешь? – Он пытливо посмотрел на Костю.

Только теперь юноша заметил подозрительно покрасневшие веки старика, мокрую щеку и крохотную слезинку, заплутавшую среди пожелтевших от табака волосков в седых усах.

– Что с вами, дядя Миша?

– Со мной? Со мной ничего... Ничего... Там... – Старый лекальщик махнул рукой в сторону стенда для объявлений и отвернулся, стараясь скрыть вновь набежавшую слезу.

Сердце в груди вдруг застучало неожиданно громко. Костя начал пробираться поближе к стенду. Заводчане молча уступали ему дорогу, старательно избегая встречаться взглядами.

Костя посмотрел на плакат, приклеенный к стенду, и едва не застонал от нестерпимой жгучей боли, которая на мгновение помутила рассудок. Он закрыл глаза и пошатнулся. Его бережно поддержали, окружив плотной стеной.

Костя медленно сделал еще один шаг вперед и прикипел взглядом к большой фотографии в траурной рамке – оттуда на него смотрел с неизменным ласковым прищуром названный брат Саша Кауров.

Черные строчки текста слились в серое пятно, прочерченное полосами и штрихами, и Костя никак не мог разобрать, что было написано на плакате. словно ослепнув, он протянул руку, пытаясь нащупать ускользающие от него буквы, и чужим, охрипшим голосом спросил:

– Как... это... все?

– В авиационной катастрофе... – ответил кто-то из толпы.

Костя какое-то время пытался осмыслить сказанное. И вдруг словно жгучая молния сверкнула среди темного хаоса, царившего в голове: "Сашка погиб! Саша, брат!" Ничего не видя перед собой, Костя резко обернулся и выбежал из проходной на улицу...

Очнулся он от своего полубредового состояния под вечер, в городском парке. Костя сидел на скамье у небольшого пруда, который окружали пышные, кудрявые вербы. Кто-то спрашивал

его:

– Эй, парень! Что с тобой?

Костя вздрогнул и обернулся. Позади стояли трое мужчин и с тревогой смотрели на его бледное, осунувшееся лицо.

Он с трудом расцепил окаменевшие челюсти и ответил, едва ворочая непослушным языком:

– Брат... погиб... Родной...

Костя так и сказал – родной. Слово это вырвалось помимо его воли – крик осиротевшей души.

– Извини... Тяжело тебе, парень. Уж я-то понимаю. У самого... Эх! – Один из мужчин, полноватый, в роговых очках, вдруг начал торопливо открывать замки объемистого портфеля: – Слушай, давай помянем твоего брата. И моих... Пусть земля им будет пухом...

Костя пил водку, совершенно не ощущая вкуса, словно воду. До этого он спиртного в рот не брал. Его приятели-грузчики, отнюдь не члены общества трезвости, не раз предлагали Косте "обмыть" очередную "шабашку", но он в этом вопросе был тверд и непреклонен. Но сегодня было все равно...

Его случайные товарищи разошлись по домам под вечер. Только Костя, которого пугала перспектива вернуться в теперь окончательно опустевшую квартиру Саши Каурова, остался сидеть на скамейке, погруженный в свои безрадостные думы. Одиночество, к которому он уже давно привык, неожиданно стало постылым, невыносимо тяжким бременем. Жизнь потеряла смысл.

Неподалеку, на летней танцплощадке, заиграл оркестр. Мимо Кости шли влюбленные парочки, шумные компании и одинокие люди преклонного возраста, которым звучная медь саксофона и трубы навевала ностальгические воспоминания о давно ушедшей юности. Костя поморщился в досаде: веселая музыка не соответствовала его мыслям, мешала сосредоточиться. Пьяное горячее возбуждение постепенно вползло в мозг, глаза туманились. Костя решительно поднялся со скамьи, чтобы уйти подальше от праздно прогуливающихся людей, которых в этот момент возненавидел, но тут же тяжело плюхнулся обратно – тело было непослушным, ноги стали ватными, чужими. Выругавшись сквозь зубы, он опять повторил свою попытку – результат оказался прежним.

– Хоро-ош... – несколько парней с любопытством, посмеиваясь, наблюдали за Костей.

– Уходите... – Костя все-таки встал и, пошатываясь, шагнул к ним.

– Ладно, парень, не петушись, – один из них, светловолосый, улыбчивый, подхватил его под руку. – Где ты живешь? Давай мы тебя домой свезем.

– Домой? Нет... у меня дома... – Костя расставил ноги пошире, пытаясь сохранить равновесие. – Никого нету...

– Это хуже... – парень на мгновение задумался. – Ладно, тогда поехали ко мне. Переночуешь, а там видно будет... – Похоже, Костя ему понравился.

И в это время раздался чей-то хриплый, до боли знакомый своей нагловатой интонацией голос:

– О, малыш! Приветик! Давно не виделись...

Перед Костей вырос неведь откуда появившийся Фонарь со своей компанией.

Ярость на какой-то миг прогнала хмель, и Костя, оттолкнув светловолосого, двинулся к Фонарю.

– Сволочь... Ты мне за все заплатишь. Сейчас... – язык у Кости заплетался, слова звучали глухо, невнятно.

Фонарь сразу понял, что Костя мертвецки пьян. Как-то так получилось, что Фонарь в свои тридцать с лишним лет ни разу не попал в поле зрения милиции. Может, тому причиной было необычайное везение, но скорее всего – подленькая трусость, которую он тщательно скрывал под маской "делового". Фонарь умел пустить пыль в глаза доверчивым малолеткам, у которых он был непререкаемым авторитетом. Его треп о личных воровских заслугах и похождениях они принимали за чистую монету. Впрочем, попробовал бы кто-нибудь усомниться – Фонарь был жесток и скор на расправу. И почему-то никто из его малолетних подручных не задумывался над тем, что во время особо опасных воровских налетов Фонарь всегда оставался в стороне, но при этом обычно требовал себе львиную долю добычи.

Только однажды его авторитет среди подручных сильно поколебался. И виновником этого был Костя. С той поры Фонарь возненавидел паренька лютой ненавистью.

Их первая встреча в полуразрушенном пакгаузе закончилась полным поражением Фонаря. Несмотря на то, что ему удалось сохранить невозмутимый вид, Фонарь все же отдавал себе отчет в том, что тогда он просто струсил. Похоже, это поняли и его малолетние дружки. Фонарь попытался отомстить Косте, чтобы сохранить свое привилегированное положение внутри шайки, где уже начали появляться претенденты, посягающие на его роль признанного вожака. Тогда не получилось... Но сегодня Фонарь не хотел упускать свой шанс. Хитроумная комбинация вмиг сложилась в его голове, и он принял решение. Шепнув несколько слов Веве и Фуфырю, Фонарь, повернувшись к светловолосому, резко толкнул его в грудь.

– Вы че парня трогаете? Валите отсюда.

– Убери руки, – спокойно ответил тот, отступая к своим друзьям.

– Это ты мне говоришь? – Фонарь ощерил свои гнилые зубы и неожиданно ударил наотмашь кого-то из компании светловолосого. – Братва! Костю бьют! – заорал он, тут же отскакивая на безопасное расстояние.

Шайка Фонаря вмиг набросилась на светловолосого и его друзей. Завязалась драка. Случайные прохожие поторопились перейти на другие аллеи – подобные побоища в парке не были редкостью, и им вовсе не улыбалась перспектива быть свидетелями или, что еще хуже, попасть под чью-нибудь горячую руку.

Костя не удержался на ногах и упал. Пытаясь сообразить, что происходит, он, словно слепой щенок, ползал среди дерущихся, время от времени стараясь встать.

Неожиданно из кучи дерущихся вырвался чей-то крик, полный нестерпимой боли.

– Атас! Смываемся! – завопил Фонарь.

И в этот миг сильный удар обрушился на Костю. Уже теряя сознание, он почувствовал чьи-то грубые руки, которые рвали на нем одежду...

8. ОПЕРАТИВКА

Майор Храмов, как почти всегда, был не в духе. Оперативка шла ни шатко ни валко: кто-то из сотрудников докладывал о порученном ему расследовании очередного дела, старательно избегая упоминаний о своих ошибках и просчетах, а майор, которого провести было весьма трудно, хмуро бубнил свои неизменные сентенции, которые в конце концов сводились к тому, что опер-докладчик – баран, а все его изыски – дерьмо и щепки.

Тесленко, до которого никак не могла дойти очередь, изнывал от жары и извечного трепета подчиненного перед начальством. Он в который раз прокручивал в голове весь материал по делу, чтобы не мямлить, когда дойдет дело до доклада, но чувствовал, что это вряд ли удастся – в мозгах творился бедлам.

Наконец Храмов посмотрел в его сторону:

– Ну, что там у вас? Послушаем...

Официальный тон майора не предвещал ничего хорошего, и Тесленко, как и предполагал, понес совершеннейшую чепуху. На удивление, Храмов, хотя и морщился, словно от зубной боли, терпеливо выслушал его до конца.

– И это все? – иронично поинтересовался майор. – Не густо.

– Да уж... – буркнул в ответ капитан.

– Значит, ты настаиваешь, что Кралю брать рано?

– Девка она битая, надежд на то, что "расколется", у нас маловато. Стоит взять Кралю – и ее подельников днем с огнем не сыщешь.

– Что ты предлагаешь?

– Нужны улики прямые, а не косвенные. Хочу подобраться с другого конца.

– Ну-ну... – поторопил капитана Храмов.

– Ребята из ОБХСС подцепили одного типчика, грузина, с двумя отрезами трико. Того самого трико, из промтоварного магазина.

– Это точно?

– Экспертиза подтвердила.

– Интересно... Что дальше?

– Грузин отрекается от трико, как черт от ладана. Говорит, купил на "толчке", по случаю. А вот у кого – не знает. Случайный клиент.

– И, конечно же, обрисовал этого "клиента" достаточно подробно...

– Именно. Считает нас за придурков. Я сделал запрос и вчера по спецпочте получил из Грузии данные на этого... трудягу. Так вот, семь лет назад он проходил по одному делу в Кутаиси вместе с Михеем. А нас пытался убедить, что здесь случайно, проездом, и никого в городе не знает.

– Михей... Занятно...

– Еще как занятно. А если учесть, что Михей – барыга Крапленого с давних пор, его особо

доверенное лицо, и что в послевоенные годы Валет и Щука были поделщиками того же самого Крапленого, то и вовсе интересно.

– Да, узел вяжется тугой... Кто из ныне здравствующих воров, окопавшихся в нашем городе, был связан с Крапленным?

– Кривой и Профессор. Пока удалось установить только этих двоих, не считая Щуки и Валета.

– Профессор... Хитрая бестия.

– Хитер, – согласился Тесленко. – Голыми руками не возьмешь.

– Как он сейчас?

– Чист. Не подкопаешься. Ковыряется у себя на даче, клубнику выращивает, розы. Торгует на рынке. В общем – пенсионер.

– Хм... – хмыкнул недоверчиво Храмов. – Старо предание... Этот паразит мне в свое время немало крови попортил, так что в его смирение верится с трудом. Небось, и в церковь ходит?

– Угадали, товарищ майор. Вместе со своим братцем, Михеем. Самые примерные прихожане.

– Грехи замаливают?

– Глаза замыливают. Людям и милиции.

– Похоже. Ну а что Кривой?

– Тоже остепенился. Работает в поте лица.

– Кем?

– Грузчиком.

– Кривой – и грузчиком? Ну, батенька, что-то в лесу подохло... И с каких пор?

– Полгода.

– Где?

– В промтоварном, напротив банка.

– Что?! – Храмов даже привстал от возбуждения. – А, черт! Почему я об этом узнаю только сейчас?!

– Вы думаете?..

– Именно! Мать твою... Ах, бараны... – Храмов от злости побагровел, глаза его метали молнии. – Почему вы мне не доложили раньше? Я вас спрашиваю, Тесленко!

Капитан счел за лучшее помолчать – Храмова "понесло", а в таком состоянии он становился похожим на быка, которого мог остановить только хороший удар шпагой. Себя же Тесленко матадором не считал...

Высказав все, что он думает о Тесленко и других оперативниках, Храмов наконец выдохся. Вытирая покрывшуюся испариной лысину, он спросил, не глядя на капитана:

– Ты инкассатора Федякина проверил?

– Конечно... – осторожно ответил Тесленко.

– Что значит – конечно?! – снова вспылел Храмов, но, похоже, предыдущий взрыв эмоций отобрал у него чересчур много сил. – Рассказывай... – и добавил еще что-то, но тихо, про себя.

– Довольно странная личность, этот Федякин, – приободрился Тесленко – после подобного разноса Храмов обычно впадал в черную меланхолию и был тих и кроток, как ягненок. – Как работник – так себе, звезд с неба не хватает. Не пьет, не курит. Но к слабому полу неравнодушен. Волочится за каждой юбкой. С виду мужик симпатичный. Холост. Тридцать один год. Больничный получил на общих основаниях – температура, кашель, железы... Говорит, простыл на рыбалке. Поди проверь...

– С врачом, который выдал ему больничный, беседовал?

– А то как же. Старая, битая выдра. Диагноз подтвердила. Правда, уж больно честные глаза мне состроила. Не верю я ей. Все руки в дорогих перстнях, золотая цепь, сережки немалой цены... И это на ее весьма скромную зарплату.

– Подозреваешь, что больничный купленный?

– Подозревать можно все, что угодно. Доказательств только нет. А "расколоть" ее – кишка у нас тонка. Разве что под пытками. Еще та рыба...

– Федякин... – задумчиво пробубнил Храмов. – Надо бы его допросить...

– Что толку? Он ведь не дурак. Быть соучастником "мокрого" дела – не шутка. И он это прекрасно понимает.

– Понимает... И алиби у него будь здоров... Но упускать его из виду нельзя.

– Нельзя, – согласился Тесленко. – Вот только некому за ним присматривать.

– Подумаем. Найдем. У тебя все?

– Нет... – после некоторого колебания ответил капитан. – Есть у меня одна мыслишка. Хочу посоветоваться.

– Давай, только пошустрей. Время... – постучал ногтем по циферблату наручных часов Храмов.

– Я проанализировал все кражи и кражи в городе за последний год. Получается интересная картина... – Тесленко развернул крупномасштабную карту города и окрестностей. – Были "облагодетельствованы" почти все районы города, в равной мере. Почти все, за исключением Кировского. Здесь тоже были, конечно, кражи, но все по мелочам, и "почерк" другой. Кое-кого мы взяли, но все не то, что нужно. Мелюзга. Так вот, напрашивается мысль, что волк никогда не шкодит там, где находится его логово. Параллель, естественно, условная, но все же...

– Ты предполагаешь, что "малина" Крапленого в Кировском районе?

– Почему нет? По крайней мере, судя по его прежним делам, это характерная особенность "почерка" Крапленого. – Возможно...

– И еще, товарищ майор. Я считаю целесообразным размножить и выдать постовым и участковым фотографии Кривого, Михея и Профессора (фото Крапленого у них уже есть).

Смотришь, кто-нибудь из этих ловчил и объявится в каком-нибудь интересном местечке...

– Согласен. Распорядись от моего имени. Только учти – под твоим контролем! Никакой самостоятельности. Наблюдать – и точка. И пусть сразу сообщают в управление. Это приказ. Нам не нужны мертвые герои. А свинцовую пилюлю переварить сложно – хищники серьезные, медлить не будут...

9. ИНКАССАТОР ФЕДЯКИН

Участковый, лейтенант Сушко, был зол. Мало того, что вчера получил нагоняй от начальства за слабую воспитательную работу среди подростков своего участка, что сегодня вдрызг разругался с женой из-за какого-то пустяка, так еще и небезызвестный в районе пьянчуга Клушин устроил потасовку во дворе своего дома с такими же выпивохами, как и он сам. А после, с раскремененной рожей, гонялся за своей женой и орал, матерясь по-черному: "Убью, сука! Изничтожу! Прападлина, в душу... в печень!.."

Конечно, все закончилось, как и не раз уже до этого; Клушин ползал на коленях, слезно просил прощения у жены, лбызал своих насмерть перепуганных детей, которые ревели во весь голос, клялся, что последний раз, что за стакан ни в жизнь не возьмется... Наконец завывала дурным голосом и жена: "Ох, не забирайте корми-ильца-а...", вцепилась мертвой хваткой в мундир Сушко, стала целовать его руки... Бр-р! Хрен бы их всех побрал, придурков.

"Дать бы тебе, паразит, по морде, да еще и носком под зад, чтобы летел без остановок куда-нибудь в Пермские лагеря..." – думал Сушко, торопливо выписывая квитанцию очередного штрафа за нарушение общественного порядка. Ан, нельзя. Закон не разрешает. А Клушину можно. Ему все можно. Он гегемон, пролетарий. Попробуй к нему подступись, сразу весь Кодекс наизусть, как стих, прочитает. За Конституцию и говорить нечего – настольная книга. Постоянно раскрыта на той странице, где про права сказано.

Пытался Сушко уговорить соседей написать на Клушина заявление в райотдел милиции, чтобы передать дело в суд – тщетно. Боятся. "С него, недоделанного, все как с гуся вода, – отвечают. – А у нас дети. – Ну, дадут ему год, а толку? Уже сидел... Выйдет – того и гляди бутылкой по черепушке где-нибудь в темном углу... Пусть уж лучше на него бумагу пишет соседский пес Бобик – ему терять нечего, все равно от старости скоро подохнет". Вот и весь сказ. Как хочешь, так и крутись.

Отправил как-то раз его Сушко на пятнадцать суток, а он по выходу смешочками замучил: "Вот спасибо, гражданин начальник, удружил. Век помнить буду. Как на курорте побывал – и постель чистая, и жратва от пуза. А главное – от водки отдохнул. Все по науке, как в кино. Теперь можно опосля такого очищения сто лет жить и бухать, никакая болячка не возьмет..." Вот и поговори с таким... А рапорт писать нужно и меры принимать тоже. Профилактику, беседы по душам, общественность подключать... Язви его в душу!

С такими невеселыми мыслями Сушко вышагивал по переулкам микрорайона, не выбирая дороги, шлепал прямо по лужам, раз за разом проваливаясь в ямины с липкой черной грязью – недавно прошел ливень, и найти обходной путь через это месиво было пустой тратой времени и сил.

В одном из переулков, неподалеку от шоссе, задумавшись, Сушко едва не столкнулся с невысоким, сморщенным мужичком, который, горбясь, боком прошмыгнул мимо него и поспешно посеменил в сторону Рябушовки – поселка на окраине, к которому уже подступали

новостройки.

"Кто бы это мог быть?" – машинально подумал лейтенант, перебирая в памяти жителей своего участка. Сушко работал здесь пятый год и практически всех своих подопечных знал в лицо. Но этого человека видел впервые. Трудно представить, что кому-то могло взбрести в голову прогуляться по Рябушовке в такую погоду...

"И все-таки где-то я его видел... Где и когда?" – размышлял Сушко, глядя вслед удаляющемуся мужичку.

И похолодел, вспомнив фотографии, которые вручил ему вчера капитан из городского уголовного розыска. Не может быть! Неужели? Нет, уж на что, а на зрительную память участковый не жаловался. Сушко торопливо открыл офицерскую сумку, нашел снимки. Есть! С глянцевого картона на него глянуло лицо встреченного мужичка – морщинистое, мятое-перемятое жизнью, с глазами-пуговками, которые смотрели из-под мохнатых бровей недобро и подозрительно. Посмотрел на оборот фотографии – кличка "Кривой". Что делать? Припомнил наказ капитана – звонить в управление. Беспомощно оглянулся, зная наверняка, что до ближайшего телефона километра два. Нет, не успеть. Проследить! Но как? В форменном кителе и фуражке за версту видать, пусть даже в надвигающихся сумерках, что милиционер. А ведь нужно, обязательно нужно узнать, к кому направился старый вор-рецидивист.

И лейтенант решился – спрятав фуражку в сумку и прижимаясь поближе к заборам, он поспешил за Кривым, нескладная фигура которого мельтешила уже в полукилометре от него...

Тесленко, медленно, словно сомнамбула, опустил телефонную трубку на рычаги. Глядя на его изменившееся лицо, Мишка Снегирев с испугом спросил:

– Что с вами, товарищ капитан?

– А? Что?! – будто очнувшись, посмотрел на него Тесленко. – Со мной... все в норме... А вот инкассатор Федякин застрелился.

– И что теперь? – едва не шепотом проговорил Мишка, который был теперь в курсе событий, происходящих в городском ОУР.

– Хана, – коротко ответил Тесленко. – Оборвалась одна из последних ниточек. Ухватиться практически не за что. Храмов с меня голову снимет, – пожаловался он Мишке, понемногу приходя в себя.

– Вы-то при чем?

– Очень даже при чем. В любой неприятной ситуации всегда ищут крайнего. А это как раз тот самый случай. И крайний здесь – я.

Мишка сочувственно покивал головой, скорбно скривившись. Тесленко посмотрел на него скептически и подумал: "Артист... Сочувствие изображает на все пять. Прохиндей..."

– Ладно, я потопал на квартиру Федякина, – тяжело поднимаясь, сказал капитан. – Ты побудь на телефоне.

– Когда вас ждать?

– Какая разница? Жди, к ночи буду... А у тебя что, свидание? – поинтересовался на ходу Тесленко.

– Не-а, – зарделся Снегирев. – Кое-какие дела есть...

– Вот и занимайся ими... здесь. Философ...

У дома Федякина стояли райотделовский "газик" и инкассаторская машина. Встретил капитана следователь прокуратуры Никитин, которого тот знал еще со школьной скамьи.

– Привет, – пожал ему рук Тесленко.

– Здорово, – улыбнулся Никитин. Как живешь?

– Средне.

– Как это – средне?

– Между хреново и очень хреново.

– С чем тебя и поздравляю. Это твой кадр? – кивнув в сторону приоткрытой двери веранды, спросил Никитин.

– Да. Был кандидатом, стал клиентом.

– Тогда пошли...

Через небольшой дощатый коридорчик, по обе стороны которого высились полки, заставленные банками с маринованными грибами и вареньем, они прошли на кухню.

На полу, возле газовой плиты, лежал светловолосый мужчина. Его волосы слиплись от запекшейся крови, рот был приоткрыт, а возле скрюченных пальцев правой руки валялся пистолет.

– Ну и как? – спросил Тесленко.

– Похоже на самоубийство, – понял его Никитин. – Похоже... Хотя... черт его знает. Нужно работать.

– Нужно... – с тяжелым вздохом согласился капитан.

Перепуганный водитель инкассаторской машины, молодой худощавый парнишка лет двадцати, видимо, недавно демобилизовавшийся из армии, рассказывал:

– ...Отвез я его на обед. Он часто дома обедал. У него гастрит... или язва, не знаю точно. Не мог он в столовке... Приезжаю, а он... вот... Лежит. Мертвый. Я сразу вам позвонил. Все...

– Сегодня вы ничего странного не заметили в его поведении?

– Да нет, все как обычно. Смеялся. Анекдоты рассказывал.

– Когда вы привезли его на обед, в доме был кто-нибудь?

– Нет. Точно нет. Он при мне замок отпирал.

– Вы и в дом заходили?

– Нет. Я попросил воды. Он кружку взял на веранде, а колодец во дворе...

– Спасибо, – поблагодарил водителя Тесленко. – Вы свободны. Замок входной двери с защелкой? – спросил он Никитина.

– Да. Но ничего необычного, дешевый ширпотреб, можно гвоздем открыть.

– А ведь защелка замка стоит на фиксаторе... – пробормотал Тесленко.

Никитин услышал и выразительно пожал плечами.

Федякина унесли, и только контуры тела, очерченные белой меловой линией на полу, да красно-черная лужа крови напоминали о разыгравшейся здесь трагедии. Тесленко внимательно присматривался к окружающим вещам и кухонной утвари, стараясь представить последние минуты жизни инкассатора: вошел в дом, снял туфли, надел комнатные тапочки, повесил плащ на вешалку. Причесался – карманную расческу нашли на трюмо в гостиной. Решил умереть красиво, как актер на сцене – с набриолиненным пробором?

Далее – замок входной двери. Почему Федякин поставил защелку на фиксатор? Чтобы избавить водителя от необходимости долго и бесцельно стучать в дверь к покойнику, раз уж он намеревался покончить с собой? Или такое намерение появилось спонтанно, уже на кухне? Взрыв эмоций... или еще что-то. Налил полный чайник, поставил на газовую плиту, зажег... Решил испить чаю перед кончиной?

Но передумал, газ выключил, достал бутылку шампанского, положил в морозильную камеру, чтобы побыстрее охладить. Бутылку взял из крохотной каморки, там их было две, стояли рядышком на полке. Хотел приготовить яичницу, вынул их холодильника пяток яиц. И – застрелился. Не выпив, не пообедав, хотя намеревался. Передумал. Почему? На кухонном столе стоит ваза с яблоками и конфетами. Сладкоежка? Нужно выяснить...

Тесленко подошел к окну, которое выходило в сад. В саду – тропинка, вымощенная кирпичом, тянется к калитке в дальнем конце подворья. За высоким дощатым забором виднеется шоссе. Дом на отшибе: с левой стороны пустырь, справа – старый заброшенный сад. Тихое местечко. Интересно, с улицы можно услышать выстрел? Самоубийство... Но почему, черт побери?! Испугался? Чего или кого? Вопросы, одни вопросы... Нужно ждать заключения экспертов...

Отступление 7. Зона

Молодой следователь прокуратуры, худощавый белобрысый парнишка, недавно закончивший юрфак, смущаясь, слушал разгоряченного дядю Мишу:

– Я не могу в это поверить, не могу! Здесь что-то не так. Понимаете, не мог Костя человека... ножом... не мог!

– Но факты – упрямая вещь.

– Будь они неладны, эти факты... – дядя Миша горестно махнул рукой и закурил.

– Извините, Михаил Афанасьевич, кем он вам доводится?

– А разве это имеет значение?

– Да, в общем, не так уж и важно...

– Ученик он мой, рабочий парень. Нелегкой судьбы человек. Сирота. Честный, трудолюбивый. Нет, не способен он на такую подлость!

Следователь в душе был согласен с доводами старого рабочего, но показания свидетелей, заключение эксперта... Больше всего следователя поражало непонятное поведение Кости – он упорно отмалчивался или отвечал на вопросы коротко и однозначно: "Да". Нет. Не помню..." И все. Будто его заклинило. Пустой, отсутствующий взгляд, полное безразличие к своему будущему. Временами следователю казалось, что Костя живет в каком-то мире, куда другим нет входа. А ведь положение его было практически безнадежным.

Когда к месту драки прибыл наряд милиции, Костя без памяти лежал на газоне, сжимая в руках самодельный нож, "заточку", а неподалеку от него небольшая группа ребят окружила светловолосого парня с колотой раной в боку. И рана была нанесена именно этим ножом, как гласило заключение эксперта. И еще одно заключение судмедэксперта – последственный Зарубин был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Все, круг замыкался...

Правда, были кое-какие моменты в расследовании, которые не давали покоя следователю и на которые он не смог найти убедительного ответа. И первый из них – несоответствие в показаниях свидетелей, участников потасовки. Если друзья раненого парня в один голос твердили, что не видели, кто его ударил ножом и тем более не могут с абсолютной уверенностью указать на Костю, то их противники, так сказать "друзья и защитники" подследственного, рьяно утверждали, что это совершил он.

И еще одно – что могло связывать рабочего паренька с отменной характеристикой с такими, довольно подозрительными личностями, которые назвались его друзьями? Не смог найти ответов на эти вопросы молодой следователь. Возможно, на его заключение и решение суда повлияло и поведение Зарубина, отвечающего на вопрос виновен ли он в совершенном преступлении: "Не знаю...", но, как бы там ни было, поздней осенью, в ненастную, слякотную погоду Костю отправили по этапу в северные края...

Серое небо, угрюмое, чужое, было расчерчено колющей проволокой. Лай сторожевых псов, охрипших от злобы, встретил этапированных у ворот зоны, над которыми высились почерневшие от времени деревянные сторожевые вышки. Колонна медленно втянулась на плац, представляющий собой обширный участок вязкой, размешанной пополам с опилками грязи.

Распределение по баракам длилось долго и нудно. Многократные переключки, мат промокших до нитки конвоиров, которым, как и заключенным, хотелось побыстрее добраться к теплу и отдохнуть, мелкий, занудливый дождь – все это вместе взятое доводило до бешенства измученных нелегкой дорогой этапников. Только Костя стоял отрешенный и безучастный к происходящему, не чувствуя промозглой сырости и жидкой холодной грязи, которая набивалась в рваные башмаки...

...Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая.

Здравствуй, дорогая, и прощай.

Ты зашухерила [20] всю нашу "малину"...

– Ого, нашего полку прибыло! – коренастый зек бросил гитару на нары и, широко раскинув руки, шагнул навстречу этапированным, которые шумной толпой ввалились в барак. – Кого я вижу, век свободы не видать! Серега, кореш! Сколько лет, сколько зим...

– Валет?! – чернявый шустрый парень с быстрыми блудливыми глазками осклабился и протянул руку. – Держи петуха! Вот это встреча. Ну, как тут у вас?

– Серега, клянусь мамой, на свободе лучше. Попки [21] – зверье. Шамовка[22] – дрянь. В зоне одни мужики [23], деловых – кот наплакал. Ты-то за то присел?

– Все за то же... Ты мою фартовую статью знаешь. Часть вторая.

– Взяли как?

– На локшевой работе [24]. До этого на шобле [25] разборняк [26] получился, один хмырь понты погнал[27] так я его слегка поковырял. Вот он меня, сука, похоже, и вложил. Взяли со шпалером[28] в кисете [29].

– Ну и где он теперь?

– Пасит [30], козел. Вернусь – из-под земли достану.

– Лады. Братва, располагайтесь! – показал вновь прибывшим на свободные нары Валет. – А ты, Серега, ко мне. Эй, мешок, канай отсюда! – он ткнул своим пудовым кулачищем под бок соседу по нарам.

Тот, ни слова ни говоря, быстро собрал свои вещи и уныло поплелся куда-то в угол барака.

– Шикарно живешь, Валет.

– А то... знай наших. По случаю встречи с друзьями-товарищами у нас сегодня будет керосин [31]. Для тебя, Серега. Эй, Мотыль!

– Здесь я, Валет... – лопухий, круглоголовый зек, подобострастно ухмыляясь, подбежал к нарам, на которых развалился Валет. – Чего изволите? – заерничал он, изображая официантку.

– Давай чефир. На всех. Сегодня я угощаю. А нам шнапс принеси. И закусон поприличней. Усек?

– Бу сделано! – козырнул Мотыль и повихлял задом вглубь барака.

Костя, растянувшись на нарах, невнимательно прислушивался к трепу заключенных. В мыслях он был далеко от этих мест...

– Ты что, глухой? Пей чефир, парень, Валет угощает, – Мотыль протягивал Косте старую эмалированную кружку с темно-коричневой жидкостью – круто заваренным чаем.

– Спасибо, я не хочу.

– Нельзя отказываться, не положено. Валет угощает. Пей! – в голосе Мотыля послышались угрожающие нотки. – Иначе...

– Повторяю, я не хочу. Как-нибудь в другой раз.

– Валет, слышь, тут один зеленый от угощения отказывается.

– Что? Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что это за рыба... Ты кто такой? Статья, кликуха?

– Я тебе не обязан докладывать... – нехотя поднимаясь с нар, ответил Костя набычившемуся Валету.

– Борзишь, зеленка? Мне? Лады... Мотыль, Котя, растолкуйте ему, кто такой Валет...

Все дальнейшее произошло настолько молниеносно, что окружившие Костю заключенные не

успели глазом моргнуть, как Мотыль и двухметрового роста громила по кличке Котя рухнули, словно подкошенные, в проход между нарами. Озверевший Валет с диким воплем тоже ринулся на Костю, но страшной силы удар ногой в челюсть надолго лишил его возможности осмысливать происходящее...

Дни в зоне тянулись бесконечной, унылой чередой. Казалось, что не будет конца этому однообразию смен опостылевших дней и ночей. Только работа, иногда совершенно бессмысленная, никому не нужная, но обязательная, как-то скрашивала полуживотное существование в этом диком угрюмом крае, сплошь утыканном островами зон. Даже низкорослые хилые деревья, из последних сил цепляющиеся за тощую почву, казались приговоренными к пожизненному заключению, смирившимися со своей участью.

Так уж получилось, что Костя, несмотря на свой юный возраст, практически с первых дней пребывания в зоне стал пользоваться определенным авторитетом среди зеков. Здесь уважали самостоятельность и силу, чем Костя не был обижен. Были еще стычки с "деловыми", но вскоре его оставили в покое, почувствовав на своей шкуре, чем может обернуться "разговор по душам" с этим немногословным и крепким, как сталь, пацаном. И только злопамятный Валет некоторое время пытался преследовать Костю, пока после одной из разборок не угодил на месяц в больничный изолятор зоны, где его загипсовали, как куклу. После этого он стал тише воды и ниже травы и при встречах с Костей едва ему не кланялся.

Примерно через полгода Костю, как бывшего высококвалифицированного слесаря, определили помощником кузнеца в задымленную кузницу на территории зоны. Кузнецом работал старый зек, которого прозывали Силычем. Он был старожилом зоны с довоенным стажем. Силыч несколько раз попадал под амнистию, но гулял на воле недолго, с непонятым упрямством возвращаясь в эти Богом забытые места, которые, судя по всему, стали ему родным домом. Провинности его на свободе были не столь значительны, чтобы отбывать свой срок здесь, но на суде Силыч просил только об одном снисхождении – отправить его именно в эту зону. И еще не было случая, чтобы Силычу отказали. Может, в этом ему содействовало и начальство зоны – у Силыча были золотые руки и покладистый характер.

Невысокого роста, кряжистый, с длинными, почти до колен, ручищами, Силыч мог сутками стоять у наковальни, выстукивая молотком звонкую дробь. Косте нравилось работать у него подручным – Силыч, как и он, не отличался словоохотливостью, мог неделями молчать, будто был совсем один в старой кузнице среди гремящего железа и сверкающих угольев горна. Силыч пользовался значительными привилегиями – он и спал в кузнице, оборудовав в закутке нечто наподобие каморки. С некоторых пор, с молчаливого согласия Силыча, Костя вместо того, чтобы коротать свободное время в шумном бараке, оставался в кузнице до отбоя, сидел на колченогом табурете возле закопченного оконца и читал-перечитывал потрепанные книги, которые брал в библиотеке зоны.

Так шли годы...

10. ПРОФЕССОР

Муха назойливо жужжала над головой, мешая сосредоточиться. Профессор в раздражении махнул рукой, отгоняя непрошеную гостью, и нечаянно зацепил очки, которые были сдвинуты на кончик носа. Очки отлетели к стене, а оттуда упали на пол. Хрупкие стеклышки разлетелись сверкающими брызгами, тонкая металлическая оправа запрыгала по полу, задрезала. Вздвогнув от неожиданности, Профессор некоторое время сидел неподвижно, уставившись в пространство перед собой и быстро мигая покрасневшими веками, затем

вскочил и в приступе бессильной ярости затопал ногами, превращая стеклянные осколки в пыль. Пнув напоследок изуродованную оправу, он сплюнул и мелкими шаркающими шажками направился к огромному старинному буфету с резными купидонами на дверках. Достал начатую бутылку французского коньяка, рюмку, налил до краев, выпил. Поморщился с таким видом, будто проглотил полынную настойку, поставил бутылку на прежнее место, истово перекрестился на мрачные лики святых в углу, за мерцающим огоньком серебряной с чернью лампадки.

В последние годы Профессор стал набожным, не пропускал ни одной воскресной или праздничной службы в маленькой церквушке, что около рынка, единственной на весь город, которую так и не смогли разрушить большевики – уж больно прочны оказались ее стены, сложенные безвестными мастерами два столетия назад.

Михей, братец, посмеивался: "Что, сучий потрох, "крышу" надежную на том свете столбишь? В рай метишь? Поздно спохватился, там ворота крепче будут, чем в зоне, никакие отмычки не помогут..." Скрипнул зубами от злости, вспомнив слюнявую ухмылку Михея. Собственными руками удушил бы единоутробного. Тупая скотина, мнит себя хитроумным дельцом, а того не понимает, что своей жадностью веревочку въет и для себя и для него. Устроят менты напоследок перед дальней дорогой "чистилище", еще как устроят. Как пить дать. Ублюдок, гад подколодный!

Кольнула неожиданная мыслишка: а может, того, попросить Крапленого, пусть поможет Михею побыстрее свернуть свои дела земные и в выси заоблачные? И тут же спохватился – грех! Ах, какой грех на душу, прости Господи... Перекрестился. И довольно растянул губы в ехидной улыбке: а все-таки он заставил Михея ходить в церковь. Пусть для показухи, гляди, когда и пригодится. Ментам туману в глаза подпустить никогда не помешает.

Нырнул в мягкие объятия кожаного кресла, задумался. Тугой коньячный комок в желудке постепенно начал рассасываться, заставляя сердце гонять быстрее по жилам стылую старческую кровь. Мысли, подстегнутые спиртным, полетели быстрее, но без излишней суеты.

Крапленый... С-сукин сын! Сколько раз закаивался с ним дела иметь, ан нет, опять судьба на скользкой дорожке свела. И опять могилой попахивает по вине Крапленого. Два раза стоял на краю ямины вместе с ним, два раза сумел отвертеться, знать, удача над головой тогда крылья расправила. Да и умишком пришлось пораскинуть. А теперь, похоже, как. Крапленому что – рванет подальше, благо есть с чем и есть куда. А он? Лета уже не те, чтобы икру метать. Ноги не то что бегать, ходить отказываются. Эх, сбросить бы десяток-другой!

Почему-то вспомнились довоенные годы. Учил он тогда уму-разуму Крапленого, смышленный был, стервец, с лету фартовую науку хватал. Все воровские "университеты" прошел за четыре года, даже от фронта сумел отмазаться, напялив на себя фуфайку с белой меткой на спине. Так и проторчал за колючкой горячее военное время, тер лагерные нары и рагу из собачатины жрал. Лизал пятки лагерному начальству, вышел на свободу – морда откормленная, семь на восемь, восемь на семь... Науку Профессора крепко усвоил, да и в зоне верхов нахватался, как задрюпанная сука блох. Выучил на свою голову...

Теперь козырем ходит, в паханы [32] метит. Радует, недоумок хренов. Как же, сам Профессор теперь в сивках оказался, перед ним на цырлах ходит [33]. Загордился. Не рано ли, Крапленый? Оно, конечно, старость в окна стучится, силенки уже не те, да только не зря он свою кличку сколько лет имеет. Еще никому и никогда не удавалось Профессора вокруг пальца обвести. И "вышка", которая светит Крапленому, ему как-то ни к чему. Крапленому терять нечего, а вот ему "червонец" совсем не улыбается. Десять лет – ого какой срок. А в зоне пенсию по старости не дают, диетический стол не накрывают, а жевать вставными зубами вместо сдобных булочек черствую черняшку тяжело.

Хитер Крапленный, ох и хитер стал. Связал поделньиков кровушкой, чтобы случаем в кусты не нырнули (дело знакомое, могут с потрохами заложить, не успеешь стопарь закусить), и вертит ими как хочет. Назад дороги им нет. Да только Профессора на мякине не проведешь и "мокруху" на него не повесишь. Ведь яснее ясного, что задумал Крапленный: подставит под удар дружков, а сам – поминай как звали... И теперь главное – не упустить момент, когда нужно будет вовремя выйти из игры, опередить Крапленного. Если бы не Михай... Дубина!

Звонок у входной двери затрезвонил, как показалось Профессору, над самым ухом. С неожиданной для его возраста прытью он вскочил на ноги и метнулся к окну. Подслеповато щурясь, выглянул сквозь щелку между портьерами и облегченно вздохнул – Михай.

– Ну ты закупорился! Духотища... Открой форточку, проветри комнату.

– Сейчас проветрю. Мозги твои куриные. Садись! – зло бросил Профессор.

Михей в недоумении вытаращил свои мутные блекло-серые глаза и грузно плюхнулся на диван с высокой деревянной спинкой. Под его весом жалобно скрипнули пружины и в воздух поднялось пыльное облачко.

В отличие от своего старшего брата, худосочного и поджарого, Михай к старости располнел и стал похожим на коротконового выбракованного борова. Его широкое, с тройным подбородком, лицо казалось постороннему наблюдателю тупым и самодовольным, и только в случае опасности оно мгновенно преображалось, твердело, а дебильные глаза вдруг темнели, наливались злобой и хитростью взбесившегося хорька. Эту маску, которая стала его второй натурой, Михай носил уже не одно десятилетие, и только Профессор знал, что "недалекому и простоватому" братцу палец в рот не клади – отхватит вместе с рукой.

Брезгливо посмотрев на засаленный, в перхоти воротник пиджака Михея, Профессор спросил:

– Выпьешь?

– Вот это другой разговор, – оживился Михай, потирая свои короткопалые, в старческих веснушках руки. – Плесни, сколько не жалко.

"Для тебя, придурка, жалко, да куда денешься..." – подумал Профессор, направляясь к буфету. Он знал, что братец только тогда начинает соображать, когда воьет в свое брюхо стакан чего покрепче. Отворил дверку буфета, поколебался чуток в раздумье, затем достал бутылку водки; французский коньяк незаметно задвинул поглубже, краем глаза заметив, как вытянул шею Михай, пытаюсь рассмотреть из-за плеча Профессора содержимое импровизированного бара.

– Ха, – выдохнул Михай, выцедив врасстяжку полный стакан водки. – Вот спасибочки, брательник, выручил. Башка со вчерашнего вечера как чугунок.

– Закусывать будешь?

– Гы-гы, – заржал Михай. – После первой не закусываю, ты же знаешь, – и подвинул, как бы невзначай, пустой стакан поближе к Профессору.

– Баста, – отрезал Профессор и спрятал бутылку. – Поговорить нужно. Seriously поговорить.

– Валяй, – согласился со вздохом Михай.

– С Крапленным нужно завязывать.

– Чур тебя! – замахал руками в испуге Михай. – Ты что, белены сегодня объелся? Да он меня

из-под земли вырвет и обратно зарует, если я только намекну ему об этом. У меня его загонялка [34] имеется на приличный куш [35] и рыжевые. Пока не отмажусь, о чем речь.

– Поц ты коцаный[36]! Тебе сейчас нужно когти рвать отсюда, а не думать, как долги отдать. Торганешь фуфлом – и поминай как звали раба божьего Михея. Заметут легавые, не успеешь "отче наш" прочитать. Усек?

– Крапленный что, сгорел [37]?! – всполошился Михей.

– Пока нет. Но его амбец [38] не за горами. Вот и вари [39] своей башкой, что и почему.

– Ах, мать твою... – заматерился Михей, побледнев до синюшного цвета; он знал, что Профессор обманывать не будет, значит, положение действительно серьезное – нюх у его брата на такие дела был отменный, проверено не раз. – И как теперь?

"Достал... – с удовлетворением прикрыл свои глазки Профессор. – Значит, есть шанс насыпать соли на хвост Крапленому. Чтобы знал свое место, смердяк, и не гоношился сверх попоженного".

– Лады, подсказу. Но учти – бабки Крапленного поделим пополам.

– Ну ты и... – вскинулся было в злобе Михей да и притих под острым взглядом брата. – Звони [40]... – буркнул он сумрачно.

11. ПОЖАР

Дом вспыхнул неожиданно и горел, как факел. Заполыхал он среди бела дня, когда солнце забралось уже довольно высоко и успело подсушить остатки зловонных луж в пустынных переулках окраины. Перепуганное воронье кружило, галдя, над захлавленной мусором рощицей, искры роями взмывали в небо и падали на подворья, на крытые рубероидом крыши соседских халабуд. Немногочисленные в эту пору дня жители, в основном дети малые и старики, в полной растерянности пытались спасти свой немудреный скарб и домашнюю живность, запертую в хлевах, которые тоже вот-вот могли загореться. Но им повезло – пожарные, на удивление, прибыли вовремя. Вовремя, чтобы не дать распространиться огню дальше. Дом спасти не удалось...

– Виктор Михайлович, зайти ко мне... – хриловатый голос Храмова, усиленный мощным динамиком переговорного устройства, заставил вздрогнуть Тесленко, который сидел в своем кабинете, погруженный в безрадостные думы.

Майор был в служебной командировке почти неделю и только сегодня вышел на работу. Мысленно послав его ко всем чертям, Тесленко поплелся на очередную выволочку. В том, что он получит приличный втык, у капитана сомнений не было – дело по-прежнему разваливалось на мелкие кусочки, слепить которые Тесленко был не в состоянии. На первый взгляд все казалось простым и не требовало особых мудрствований, но когда нужно было принимать какие-либо решения, капитан чувствовал, как тупеет на глазах. Ко всем событиям не хватало какого-то ключа, зацепки, откуда можно было двигаться дальше, чтобы построить логически завершенную картину преступлений и, наконец, добраться до логова Крапленного. Капитан невольно дивился неожиданно проявившимся способностям весьма недалекого вора-рецидивиста так ловко прятать концы в воду. Он интуитивно почувствовал, что за Крапленным кто-то стоит. И этот человек явно был преступником незаурядным...

– Доложи-ка мне обстановку, – не здороваясь, сразу приступил к делу Храмов.

- Ничего нового... – замялся Тесленко, не решаясь присесть – майор даже головы не поднял от бумаг, разложенных перед ним на столе, – затем все-таки сел, стараясь не скрипнуть стулом.
- Эти слова я от тебя слышу уже, по-моему, в сотый раз. Не часто ли повторяешься? Что там по Федякину?
- Согласно заключению экспертов, Федякин убит, – сухо отчеканил неожиданно разозлившийся Тесленко.
- Имитация?
- Да. Попытка имитации, если быть совершенно точным. Очень непрофессиональная, кстати.
- Собственно, как ты предполагал...
- Именно. Выяснилось, что кто-то незадолго до появления Федякина в доме пробрался в сарай для дров, который находится в саду. Там остались следы, правда, не очень выразительные и мало пригодные для идентификации, и папиросный пепел. Окурков не нашли.
- Я так понял, что там был не один человек...
- Двое или трое, сказать трудно. Но явно не один.
- Это их ждал Федякин?
- Нет. Ждал он женщину, это уже можно считать фактом.
- Приманка?
- Не исключено. По показаниям соседей, Федякина не раз видели вместе с миловидной женщиной лет тридцати. И в день убийства она приходила к Федякину, как раз в обед. Хотя свидетель, глубокий старик, не совсем в этом уверен, так как женщина, похоже, пыталась скрыть свое лицо под косынкой и одета была неброско, по-простецки, не так, как всегда. Старик узнал ее по походке. Вроде бы узнал...
- Он видел, как она заходила в дом к Федякину?
- Не видел. Но куда она еще могла направляться? Дом Федякина на отшибе, дальше пустырь, пахота. Кроме этого, шли дожди, а туда и в сухую погоду охотников пройтись найдется мало.
- Но ведь Федякин был вооружен.
- Был. Потому они и послали эту женщину, чтобы отвлечь его внимание.
- Что говорят эксперты?
- Во-первых, на кистях рук Федякина обнаружены – правда, слабые – следы пальцев.
- Держали за руки?
- Похоже. Вот только неизвестно зачем... Здесь есть некоторые предположения...
- Это позже. Что дальше?

– Во-вторых – поза убитого. Пришлось провести следственный эксперимент, чтобы доказать, что тело должно лежать несколько иначе. И последнее – огнестрельная рана. Судя по траектории выстрела, пистолет должен был находиться в совершенно неестественном положении для данного случая – почти перпендикулярно кисти руки.

– Понятно... Словесный портрет женщины вы подготовили?

– Не только. Смонтирован и фоторобот. Женщину видели многие, так что фоторобот должен быть очень близок к оригиналу.

– Ну что же, это удача.

– В какой-то мере...

– И это все?

– С фотороботом работаем, пока результатов нет. И еще одно – при обыске Федякина в карманах обнаружено несколько использованных автобусных билетов двадцать седьмого маршрута.

– Рябушовка?

– Точно. Поэтому решили отработку фоторобота начать именно с этого района.

– Логично. Есть еще что-нибудь примечательное по нашему ведомству?

– Да как сказать... ничего особенного. Я бы даже сказал, что уж больно тихо стало. Подозрительно тихо. Правда, нам сообщили из райотдела, что позавчера исчез их участковый Сушко. Просили помочь в розысках.

– Не нашли?

– Пытались. Как сквозь землю провалился.

– Где это случилось?

– На Рябушовке. Разбирались там с каким-то пьянчужой...

– Стоп-стоп... Говоришь, на Рябушовке? Опять Рябушовка... Странно... Сушко получил фотографии наших "клиентов"?

– Конечно. Как и все остальные участковые города. Вы думаете...

– Конечно же, черт его дери! Ведь Рябушовка входит в район поиска "малины" Крапленого.

– Значит, Сушко уже нет в живых...

– Несомненно. В этом я уверен. Похоже, что мы не ошиблись в наших предположениях. Хотя от этого не легче...

– Что теперь?

– Позвони в райотдел, дай ориентировку. Пусть подключат всех своих оперуполномоченных. Время не ждет, нужно работать по горячим следам...

В это время зазвонил телефон.

– Слушаю, Храмов. Да, здесь. Тебя... – протянул майор трубку Тесленко.

Звонил Мишка Снегирев. Глядя на внезапно изменившееся лицо Тесленко, майор спросил с беспокойством:

– Что случилось?

– Разыскали эту женщину... – тихо ответил капитан, укладывая трубку на рычаги.

– Ну и прекрасно.

– Не очень. Ее дом уже догорает... Видимо, вместе с хозяйкой. Поджог. Опять мы опоздали. И опять концы в воду... Вот паскудники! – не сдержавшись, выругался Тесленко.

– Кто она?

– Баркалова Софья Геннадьевна, двадцать семь лет, не замужняя. Живет... или жила одна.

– Проверь, не проходит ли она у нас по картотеке.

– Уже проверено. Снегирев постарался. Нет. Разрешите, я поеду туда вместе с опергруппой?

– Поезжай...

Когда к дому Баркаловой подъехала машина опергруппы, пожарные уже скатывали рукава.

– Жертвы есть? – спросил Тесленко у немолодого, закопченного до черноты пожарника.

– Бог его знает, товарищ капитан, – устало махнул тот рукой. – Нужно разбирать. Сгорело дотла... – подхватив багор, он неторопливо пошел к груде дымящихся бревен.

Подбежал возбужденный Снегирев. Его пиджак напоминал решето – был весь в дырках от прожогов.

– Что, пожарникам помогал? – едко спросил расстроенный Тесленко. – Где баба с веником, та и черт с помелом. Ты в своем амплуа – каждой дырке затычка.

– Я помог тут... маленько... – обиделся Снегирев. – А что делать? Горело ведь...

– Ладно, шустряк. Ты мне скажи, где Баркалова?

– Соседи говорят, что сегодня она из дому не выходила. По крайней мере, ее не видели.

– Значит, она там, – не то утвердительно, не то с вопросительной интонацией сказал Тесленко, глядя пустыми глазами на Мишку.

Снегирев счел благоразумным промолчать.

Обгоревший до неузнаваемости труп Софьи Баркаловой был извлечен из-под обуглившихся останков ее дома только под вечер.

Отступление 8. СЕДОЙ

Среди чахлах прошлогодних кустиков травы, которую весенние дожди еще не успели как следует отмыть от пыли и хлопьев сажи, синели крохотными озерками первые цветы. Невесть каким образом появившиеся здесь, среди угрюмых приземистых барачков зоны, они облюбовали пригорок почти у самой колючей изгороди. Проломив тонкую скорлупу мусора,

цветы упрямо тянулись навстречу робким солнечным лучам, прорывающимся сквозь грязно-сизые завитки утреннего тумана.

"Сон... Сон-трава..." – вспомнил Костя, как называла эти цветы мама. Он бережно гладил покрытые серебристым пухом упругие стебельки, увенчанные резной чашечкой цветка, трогал кончиками пальцев не распустившиеся бутоны. Затем принялся выдергивать сухой вокруг цветов, которые закивали ему своими головками, словно благодарили.

– Цветочками балуешься? – широкие плечи Силыча отбросили уродливую тень на очищенный от мусора пригорок.

– Пошли... – хмурый Костя, не глядя на него, отряхнулся и направился к кузнице, закопченная труба которой виднелась неподалеку.

– Пстой, дело есть... – Силыч придержал его за локоть.

– Ну...

– Не нукай, не запряг еще... – пошутил непривычно бодрым голосом Силыч, криво ухмыляясь.

"Что это сегодня с ним?" – подивился про себя Костя. Силыч стоял перед юношей, широко расставив кривые ноги и глубоко засунув руки в карманы промасленного ватника.

– Тебя один человек видеть хочет.

– Кто?

– Узнаешь.

– Тогда обождет. До вечера. Работать нужно.

– Пусть работает трактор, он железный. Успеется. А тут дело важное, срочняк.

– Ладно. Куда идти?

– В сапожную...

Сапожная мастерская, маленький обшарпанный домишко, сколоченный на скорую руку из обрезков и кое-как оштукатуренный, принимал посетителей с раннего утра до позднего вечера, благо находился почти в центре зоны и хорошо просматривался со всех сторожевых вышек. Лагерное начальство благоволило к сапожникам. Там и впрямь собрались великолепные мастера своего дела, которые на заказ могли стачать такие сапоги, в которых не грех было и по Москве-матушке пройти при полном параде. Но основными заказчиками были зеки: кому валенки подшить, кому на ботинки заплату поставить, а кто и ремешок себе козырный, вычурного плетения, желал заиметь. Конечно, вовсе не задаром обслуживали своих клиентов сапожники. Потому и водилась у них первостатейная заварка на чефирок, а то и хрустящие дензнаки немалого достоинства и в приличных суммах, которые таинственным образом, минуя все запреты и заграждения, проникали за, казалось бы, сверхнадежную колючую рубашку зоны.

Сапожники на вошедшего Костю не обратили никакого внимания – сидели, согнувшись, на своих козлоногих табуретах, орудуя молотками и шильями.

– Сюда... – показал Силыч на кособокую дверь в глубине мастерской.

В прокуренной до тошнотворной вони комнатухе без окон, которую освещала слабенькая

запыленная лампочка, сидел не знакомый Косте старик. Он был худощав, подтянут и одет в новенькую чистую робу. Его строгое лицо аскета было неподвижно и бесстрастно, колючие, глубоко сидящие глаза смотрели на Костю испытующе и, как почему-то показалось юноше, с состраданием.

– Спасибо, что пришел, – приветливо кивнул он Косте и сделал едва уловимый жест в сторону Силыча.

Кузнец едва не на цыпочках выскользнул из комнатухи и тихо прикрыл дверь.

– Присаживайся. Меня зовут Аркадий Аполлинарьевич. Ты можешь не представляться – Константин Зарубин, кличка "Седой".

Благодаря седым вискам и с легкой руки Силыча эта кличка намертво прилипла к Косте с первых дней его работы в кузнице.

Но теперь Костя уже понял, кто перед ним. Это был знаменитый среди блатной братии вор в законе с еще дореволюционным стажем по кличке "Козырь". Встретаться с ним Косте еще не приходилось, хотя заочно о Козыре он был наслышан.

– У меня для тебя есть приятная новость. Но об этом чуть позже, – продолжил Козырь, слегка картавя на французский манер. – А пока поговорим...

– О чем?

– О жизни. Я давно к тебе присматриваюсь, Седой. И, должен сказать, ты мне нравишься. Только не подумай, что я понты бью [41], – хищно сверкнул глазами Козырь. – Мне это ни к чему. Парень ты стоящий, крепкий. И молодость у тебя есть, и сила. Да и умом не обижен. Вот только в жизни не пофартило. Но это дело поправимое. Главное другое – присел ты, Седой, по ошибке.

– Как... по ошибке?

– Засадили тебя начальники, не разобравшись, кто на самом деле пером [42] побаловался. Не захотели разбираться! Им главное, чтобы лагерные нары не пустовали, а то некому будет социализм достраивать. Вот и крутанули тебя на полную катушку с прицепом.

– Но кто?..

– А вот это уже другой базар [43]... – Козырь на мгновение прикрыл глаза, как бы собираясь с мыслями, затем продолжил: – Мне нужна твоя помощь, Седой. Я тебе, запомни, только тебе верю. Остальные – шпана, шестерки [44]. Чуть что – заложат с потрохами. Я же, в свою очередь, помогу разыскать того хмыря, который тебя под статью подвел. Мое слово – кремень, век свободы не видать! Лады?

– Согласен! – Костя не раздумывал ни секунды. Темная, бурлящая ярость скользкой гадиной вползла в душу, затуманила сознание. Ему показалось, что в этот миг с чудовищным грохотом лопнули в голове стальные канаты, которые до сих пор удерживали невидимую заслонку. И в образовавшееся отверстие хлынула всепоглощающая ненависть...

– От тебя требуется совсем немного – нужно переправить на свободу одному человеку записку. Очень важную записку! Если она попадет в руки ментов, я за твою жизнь, Седой, и ломаного гроша не дам. Учти это.

– Я ничего не боюсь, – презрительно покривился Костя, спокойно выдержав тяжелый взгляд Козыря.

– Да-да, знаю... – растянул тот свои жесткие губы в улыбке. – Это хорошо. Я тебе верю. Деньгами тебя обеспечат в достаточном количестве. "Крыша" будет надежная. А там увидим... И еще – мое имя на воле забудь. О том, что ты меня знаешь, что ты мой доверенный, будет известно только тому человеку, который получит записку. И только в крайнем случае, когда попадешь в совершенно безвыходное положение, можешь открыться. Не всем! Кому – скажу...

– Понял. Но это будет не скоро...

– Вышел твой срок, Седой! Амба! Завтра получишь сидор [45] – и на все четыре стороны. Амнистия. Так-то...

– З-завтра? – от неожиданности заикаясь, переспросил Костя. – К-как?..

Он почувствовал, как по телу прокатилась горячая волна, выметая, смывая дурные, безрадостные мысли. Вот оно! Наконец-то! Свобода! Свобода... Свобода?..

– Кого нужно? – раздался за дверью хриплый бас.

– Открывай, узнаешь, – со зла пнул дверь Костя.

– Э-э, не шустри! Чичас...

Вот уже четвертые сутки он шлялся по этой Богом забытой окраине, выписывая круги возле длинного кирпичного барака, переоборудованного после войны из зернохранилища в некое подобие коммуналки. Здесь жил тот человек, адрес которого дал ему Козырь. Но хозяин квартиры номер восемь словно в воду канул. Расспрашивать соседей Костя не стал – ни к чему привлечь лишний раз внимание к этой квартире. Здесь он следовал наставлениям Козыря.

Ночевал Костя в городском парке на скамейке, забившись в самую глушь, туда боялись заходить не только празднующиеся, но и милиция, особенно когда время переваливало за полночь. Весна пришла солнечная, ранняя, за день земля хорошо прогревалась, а ночевать в таких походных условиях Косте было не в диковинку. На квартиру Каурова и на вокзал, в свою прежнюю обитель, он так и не решился пойти. Полустертые жерновами памяти воспоминания и без того бередили душу, появляясь в кошмарных снах призрачными тенями...

Дверь распахнулась, и на пороге появилась фигура, при виде которой Костя невольно отшатнулся. Широкое, тумбообразное тело покоилось на массивных ногах-столбах, которые были обуты в стоптанные домашние шлепанцы, каждый величиной с небольшой тазик для стирки белья. Руки с пудовыми кулачищами сложены на волосатой, в татуировках, груди, которая выглядывала через вырез давно не стиранной голубой майки. Во рту человека-тумбы торчала потухшая папироса.

– Говори, – процедил он сквозь зубы, неторопливо оглядев Костю с ног до головы.

– Тебе привет от Козыря... – тихо сказал Костя.

Человек-тумба с неожиданным для его сложения проворством схватил Костю за рукав, втащил в квартиру и захлопнул дверь.

– Наконец-то, – выплюнув папиросу, он растянул свои толстые лягушачьи губы в широкой улыбке. – Проходи, корешок. Как тебя кличут?

– Костя... – ответил юноша и тут же, спохватившись, добавил: – Седой...

– Лексей, – сгреб Костину пятерню своей лапищей хозяин квартиры. – Кликуха Чемодан. Располагайся. Сейчас сообразим чего-нибудь ради знакомства... Гы-гы. Как там Козырь?

– В норме. Вот записку передал...

Пока Чемодан, беззвучно шевеля губами, читал послание Козыря, Костя разделся до пояса и, шумно отфыркиваясь, с наслаждением подставил голову под кран с ледяной водой...

– Ты шамай, шамай... – подвигал к Косте тарелки с едой Чемодан. – Вот башли, на первый случай тебе хватит, – положил он на стол несколько пачек в банковской упаковке.

– Зачем?

– Не сумлевайся, – по-своему истолковал Костин вопрос Чемодан. – Все в ажуре. Башли общаковые, не блины[46]. Не в долг – подарок Козыря, его наказ. Понадобятся еще – получишь без отказа, сколько нужно. А на хазу я тебя сегодня определяю...

Громкий пьяный хохот, звон стаканов и посуды, треньканье плохо настроенной гитары и матерные песни – все это, вместе взятое, доводило Костю до бешенства. Дом, где квартировал Костя, больше походил на полуразваленный коровник. Он был длинный, скособоченный, приземистый и обгаженный со всех сторон рванью всех воровских "мастей", которая гужевалась здесь с вечера до утра и которой лень было додыбать до нужного места – деревянная будка сортира находилась шагах в двадцати от дома, возле помойки.

Хазу держала пышная смазливая бабенка лет тридцати пяти по кличке "Люська-Конфета". Она была приветлива, проворна и весьма слаба на передок. Своим гостям она никогда не отказывала в женской ласке, и Костя, который ютился в крохотной комнатухе с одним подслеповатым окном, только морщился от ее кошачьего визга за стенкой, когда Люська в очередной раз испытывала на прочность вместе с каким-нибудь хмырем свою старую скрипучую кровать. Пыталась она подбить клинья и к Косте, но он молча вытолкнул ее за дверь. Добродушная Люська не обиделась на Костю, но отомстила чисто по-женски; когда они оставались одни, Конфета шныряла по комнате или в прозрачной комбинашке, под которой ничего не было, или в длинном халате, который всегда был распахнут. Костя только зубами скрипел и старался не выходить из своей кельи, напоминающей тюремную камеру, а от того постылой вдвойне.

Сегодня у Люськи-Конфеты был очередной шабаш. Гости пили и ели так, будто этот ужин был последним в их жизни. Кое-кто уже не держался на ногах, нескольких вытолкали за дверь, где они освобождали переполненные желудки прямо у порога. Трезвее других выглядела стройная высокая девушка с осиной талией, накрашенная сверх всякой меры. Манерно поджимая полные чувственные губы, она проворковала на ухо Конфете:

– Люстик-пусик, я слышала, что у тебя квартирант появился. Признавайся, подружка, где хранишь это сокровище. Ась?

– Отстань... – отмахнулась Люська, которую в этот момент облапил прыщеватый дылда с похотливыми буркалами. – Погодь, дурачок... – для вида заерепенилась она и, как бы невзначай, расстегнула пуговицу на кофточке.

– Люська, зараза, не темни. Ты меня знаешь, – с угрозой сказала девица, не глядя оттолкнув приятеля прыщеватого ухажора, который попытался погладить ее полные смуглые коленки. – Где?

– Вот липучка... – хихикнула Конфета и показала на дверь. – Займись, если приспичило. Только, боюсь, выйдет у тебя облом, – снова засмеялась. – Он навроде монаха, дюже сурьезный.

– Ладно, разберемся, – девица с решительным видом толкнула дверь Костиной комнаты. – Можно?

Костя лежал на кровати, бездумно уставившись в потолок. Рядом с ним примостился огромный сибирский кот, рыжий пушистый разбойник с хищными умными глазами. Завидев девицу, кот недовольно зашипел, показав внушительные клыки.

– Тихо, тихо, Барсик... – погладил его Костя. – Что нужно? – спросил он грубо, скосив глаза на непрошенную гостью.

– Вставай, милоч, пошли к нам. У нас весело, – непринужденно затараторила девица и осеклась, натолкнувшись на угрюмый, враждебный взгляд Кости. – Извини, я только... позвать... – смущенно залепетала она. – Тебе тут... скучно...

– Мне не скучно, – резким движением Костя встал с кровати. – К тому же я не пью. Пока... – указал он девице на дверь.

– До свидания... – Она, не отрывая глаз от хмурого Костиного лица, попятилась. – Меня зовут Ляля, – неожиданного выпалили на пороге. – А тебя... а вас?

– Очень приятно, – буркнул Костя в ответ и с силой захлопнул дверь.

Костя ждал вестей от Чемодана. Толстяк, как и обещал Козырь, занимался поисками Фонаря. Что этот подонок истинный виновник его злоключений, Костя уже не сомневался: Вева, который схлопотал срок, выложил подручным Козыря всю подноготную случая в парке как на духу.

Но Фонарь был неуловим. Похоже, он и впрямь обладал уникальным чутьем на опасность. Чемодан сутками рыскал по притонам и "малинам", где всегда раньше ошивался Фонарь, но того и след простыл.

"Вот, падла! – матерился взбешенный Чемодан. – Найду этого гнилого фраера, своими руками придушу, век свободы не видать!"

А дни тянулись и тянулись: вязкие, мрачные, до одури длинные и пустые. От обычной уравновешенности не осталось даже малой толики, и Костю теперь сжигал внутренний огонь ненависти к людям, по вине которых он оказался на дне. В редкие часы сна, которые иногда, смилостивившись, отпускала ему бессонница, Косте снились кошмары. И, просыпаясь в холодном поту, он еще долго видел перед собой окровавленные тела родителей и слышал предсмертный крик матери...

12. БЕРЛОГА [47] КРАПЛЕННОГО

Крапленый пил запоем уже третий день. Вчерашним вечером к нему было сунулся Зуб – и едва унес ноги подобру-поздорову: Крапленый допился до белой горячки и при виде старого дружка, не узнав его, схватился за "парабеллум". Хорошо, Маркиза завопила дурным голосом и повисла на руке своего постояльца. Глядя в безумные буркалы Крапленого, Зуб едва не обмочился с перепугу, а когда выскочил на улицу, то бежал без оглядки километра два не помня куда и зачем.

Маркиза, неумытая, растрепанная, бестолково суетилась у заваленного огрызками стола. Крапленый сидел в чем мать родила на скомканной постели, по-турецки поджав ноги, и закусывал очередную рюмку соленым огурцом. Час был утренний, и он еще не дошел до

состояния полной невменяемости, что случилось только к вечеру.

– Э! Иди сюда! – позвал он Маркизу, которая в этот момент с хрустом грызла моченое яблоко.

Маркиза покорно засеменяла к кровати.

– Дай! – вырвал Крапленный огрызок и швырнул на пол. – Танцуй! Да не так, мать твою... – он рывком сорвал с Маркизы кофточку, при этом оборвав нитку янтарных бус, которые градом застучали по полу.

Угодливо хихикая, Маркиза сама сняла все остальное и закружила по комнате в каком-то нелепом танце, высоко поднимая ноги и размахивая руками, как ветряная мельница крыльями.

– Хорошо... Опа, опа! Ух ты... – хлопал в ладоши Крапленный. – Нет, постой! Ставь пластинку. Цыганочку. С выходом, – он соскочил с кровати и притопнул. – Эх, ма!..

И в этот миг в дверь постучали. Хмель слетел с Крапленного в мгновение ока. Злобно ощерившись, он бросился к постели и вытащил из-под подушки "парабеллум". Натягивая одной рукой брюки, свистящим шепотом приказал:

– Посмотри кто! Да халат накинь, дура!

Бессмысленно ухмыляясь, Маркиза попыталась застегнуть пуговицы халата, но вялые руки все делали невпопад. Так и подошла она к двери расхристанной.

– Открывайте, черт бы вас побрал! – раздался из-за двери голос Профессора.

– Фу-у... – вздохнул с облегчением Крапленный и потянулся за рубахой. – Впусти, – кивнул Маркизе.

Профессор быстро прошел внутрь, на ходу протирая запотевшие очки. Неодобрительно окинул взглядом захламленную комнату, посмотрел на Маркизу, которая все еще воевала с непослушными пуговицами, крикнул в досаде и уселся на стул, поставив между сухих коленей старый, потрепанный зонт.

– Гудишь? – с ехидцей в голосе спросил Крапленного, который в это время жадно припал к кувшину с квасом.

– Умгу... – кивнул тот и наконец оторвался от опустошенного кувшина. – Тебе какое дело?

– Это я так, к слову...

– Чего припылил, Профессор? Я же предупреждал, что в берлогу без моего ведома ни-ни. Или ты совсем глухим стал?

– Много берешь на себя, Крапленный! – неожиданно зло огрызнулся Профессор. – Разговор есть... – показал кивком головы в сторону Маркизы, которая ползала по полу, собирая рассыпанные бусины.

– Ну, пошла! – бесцеремонно вытолкнул ее за дверь Крапленный. – Что там у тебя, выкладывай!

– Новое дело щупаешь [48]? – спросил Профессор, с прищуром глядя в упор на обеспокоенного Крапленного.

– С чего ты взял?

- Не темни, Крапленный! – вскочил на ноги Профессор. – Ты что, меня за сямку держишь?!
- А ты кто такой, чтобы мне тут понты бить [49]?! – взъярился Крапленный, сжимая кулаки.
- Кто я? – Профессор успокоился и хитро заулыбался.
- А никто. Не пришей кобыле хвост. Покуда, Крапленный. – Направился к двери. – Я выхожу из игры. С придурками мне не по пути. Хлебай свою баланду сам.
- Погодь, не заводись, – сдался Крапленный, опуская глаза. – Мне бы твои заботы...
- Ты мои заботы не считал, – отрезал Профессор. – Но себе лапшу на уши вешать не позволю.
- Лады, лады... – миролюбиво ответил Крапленный. – Извини, был грех. Но я тебе собирался рассказать.
- Оно и видно.
- Ты послушай...

Профессор внимательно слушал негромкий торопливый говор Крапленного. Оратором его "ученик" никогда не был, и сейчас его речь местами была бессвязна, но основную мысль Профессор уловил сразу. И, неожиданно для себя, разволновался. Дело, которое предлагал Крапленный, и впрямь было стоящее. Большое дело. И чертовски опасное. Но в случае удачи... Да, тогда и впрямь можно будет "завязать" накрепко с преступным прошлым и жить безбедно до конца дней своих, копаясь в огороде или сидя с удочкой над озером.

Но понял Профессор и другое, конечно же, не высказанное собеседником: это последнее дело и Крапленного, после которого он "ляжет на дно" надолго, а то и навсегда. А значит, делиться "наваром" со своими поделчиками он не собирается.

"Шалишь! – взволнованно думал Профессор, полуприкрыв старческие дряблые веки, чтобы не видать своего истинного состояния. – Кусок приличный, им и подавиться недолго. Деньги нужно считать, когда они в кармане. Хитрец, хитрец... Но как обезьяна не вертится, а голая задница всегда наружу лезет. Будь елок, Крапленный, мы тоже не пальцем деланы, кое-что имеем про запас... Нужно будет кое с кем перетолковать..."

- Ну как? – спросил Крапленный, слегка уставший от непривычно долгого монолога.
- Спешись... – не поднимая на него глаза, все еще во власти собственных мыслей, ответил Профессор.
- Почему?
- Забыл Валета и Щуку? – Пока мы не вычислим, кто нас "пасет", забудь о деле. До поры до времени посидим тихо.
- Но когда, когда?!
- Скоро, Крапленный. Уже скоро. Есть у меня соображения на этот счет... А про новое дело – никому. Слышишь – никому!
- Ты-то как пронюхал?
- Сорока на хвосте принесла... – растянул блеклые губы в ухмылке Профессор.
- Темнишь, мать твою!.. – запенился от злости Крапленный.

– Лады, лады... – миролюбиво проворковал Профессор. – От тебя секретов не держу. Михай рассказал.

– А этот... откуда?

– Не знаю. Мне он не докладывал. Сам у него спроси.

– Спрошу-у... – с угрозой протянул Крапленый. "Попробуй... – торжествующе захохотал про себя Профессор. – Спроси... ветра в поле".

Отступление 9. Роковой выстрел

Танцплощадка городского парка была забита до отказа. Теплый летний вечер растворил в себе легкий приятный ветерок, который затаился в густых кронах деревьев, плотной стеной окруживших бетонированный пятак площадки, обнесенный ажурной металлической изгородью. Ансамбль, собранный по принципу "с миру по нитке...", давал программу – смесь фривольных кабацких песенок и зарубежных новинок, перелицованных на свой манер. Обшорканную до матового блеска танцплощадку в перерывах брызгали водой, но это не спасало веселящуюся публику от мелкой въедливой пыли, которую неустанно взбивали подошвы танцующих.

Костя медленно прохаживался по аллее парка, неподалеку от танцплощадки. Вчера, поздним вечером, к Люське-Конфете ввалился торжествующий Чемодан: "Седой, гони пузырь! Нашел дешевого, – и, дурашливо подергивая своими плечищами, запел, отчаянно фальшивя: – Когда фонарики качаются ночные..."

Чемодан наконец разыскал логово Фонаря. И теперь Костя ждал встречи с человеком, который должен был отвести его туда.

"Зачем?" – в сотый раз спрашивал он себя. И не находил ответа. Томительное многодневное ожидание встречи с Фонарем притупило острую ненависть к этому подонку. На смену ей пришла глухая тоска, которая словно червь точила его денно и ночно. Косте все опостылело, даже долгожданная свобода, которая на самом деле превратилась в тупик. Он изнурял себя многочасовыми тренировками, пытался несколько раз надраться до положения риз... – увы, все вязло в черной трясине меланхолии, и преодолеть состояние отупения Костя был не в силах.

Он подолгу просиживал на кладбище у могилы родителей, мысленно спрашивая у них совета – как жить дальше? Но могильные холмики были глухи и немые, а серый мрамор надгробий холодил руки и сердце, высасывая последние капли надежды. Временами Косте хотелось завывать диким зверем, рвать, терзать, крушить... Но и эти редкие всплески угасающих эмоций не могли всколыхнуть мертвое болото, куда он погружался все глубже и глубже...

– Эй, кореш! Заснул? – юркий тщедушный паренек с модной косой челкой над правым глазом фамильярно трепал его по плечу. – Ты Седой?

– Убери поганки... – с трудом сдерживая внезапно вспыхнувшую ярость, процедил Костя. – Веди...

Приблатненный малый отдернул руку, будто обжегся. Он смущенно хихикнул и засеменял рядом, указывая дорогу. Они долго плутали по каким-то закоулкам, прежде чем очутились во дворе старого двухэтажного дома, похоже, предназначенного под снос, захлапленного поломанными ящиками, обрезками ржавых труб и радиаторами отопления. Заплеванный

коридор в проплешинах обвалившейся штукатурки привел их к двери, обитой рваным дерматином, из-под которого лезли клочья грязно-серой ваты. Засиженная мухами маломощная лампочка едва теплилась под истрескавшимся потолком, готовым рухнуть от малейшего толчка на облезлый гнилой пол. Дверь была только одна, остальные комнаты этого убогого жилища скалились обломками вывороченных второпях досок.

Проводник нажал на кнопку звонка. Долгое время за дверью царила тишина, затем кто-то кашлянул и сиплый голос спросил:

– Кто?

– Это я. Крант...

– Че те нада?

– Может, мне на весь дом заорать?

Веский довод Кранта, видимо, убедил сиплого, и тот, побряхтев, приоткрыл дверь, не снимая цепочки.

– Щебечи...

– К Фонарю... – зашептал в образовавшуюся щель Крант.

– Кто такой?

– Кореш Чемодана.

– Какого хрена?

– Не знаю, не мое дело. Сам скажет.

– Как кличут?

– Седой.

– Не помню такого... Счас спрошу...

Дверь закрылась. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем звякнула цепочка и на пороге появился толстомордый хмырь с красными глазами. Вокруг его шеи было намотано вафельное полотенце не первой свежести.

– Ты заходи... – ткнул он пальцем в грудь Кости. – А ты, – угрюмо зыркнул на Кранта, – канай отседова. И забудь сюда дорожку. Не то копыта повыдергиваю. Усек?

– Да пошел ты... – сплюнул независимо Крант, но опасливо спрятался за спину Кости.

Из полутемной прихожей, до тошноты пропахшей кошачьим дерьмом, Костя прошел в просторную комнату, посреди которой стоял старинный круглый стол с облупившейся лакировкой. Окна комнаты были тщательно занавешаны ветхими одеялами, вдоль одной из стен стояли диван без спинки и несколько облезлых стульев. В углу валялись пустые бутылки, смятые бумажки и прочий хлам, который обычно оставляют съезжающие жильцы.

Фонарь сидел за столом и что-то жевал, время от времени вытирая жирные пальцы о газетные лоскуты, которые служили ему салфетками. Завидев Костю, он, похоже, не удивился. Только перестал жевать и, откинувшись на спинку стула, сказал:

– Проходи. Садись. С чем пожаловал?

– Не узнаешь?

– Почему? Узнал... Малыш... Седой, значит. Клевая кликуха. Шамать хочешь? – кивком указал на стол.

– Жри сам... – Хрипловатый наглый голос Фонаря вдруг разбудил уснувшую было ненависть, и Костя, шагнув к столу, спросил, глядя в упор: – В парке... Твоя работа?

– Кто старое помянет... – криво ухмыльнулся Фонарь. – Было дело. Ты сам виноват. На кой ляд на рожон пер? Я тебя предупреждал...

– Ах ты, гнида! – Костя стремительно перегнулся через стол и схватил Фонаря за грудки. – Ты мне сейчас за все ответишь. Сполна ответишь!

И только теперь, вблизи, Костя заметил в глазах Фонаря то, чего не смог разглядеть с порога – отчаянье и безумный, животный страх.

– Ты... Ты оглянись, – прохрипел Фонарь, безуспешно пытаясь освободиться из цепких Костиных рук.

Костя медленно повернул голову и отпустил Фонаря. Сзади стоял толстомордый, держа в руках длинный и тонкий нож, похожий на шило, а рядом с ним злобно кривил плоское рябое лицо Клоун, крепко сжимая рукоятку пистолета, темный зрачок которого смотрел прямо Косте в лоб.

– Хи-хи... – засмеялся Клоун. – Шустрила... Нуче, лапки кверху? Счас мозги твои по стенке размажу. Хи-хи... Вот и квиты будем. Э-э, стой, как стоишь! – заметив, как Костя перенес вес тела на левую ногу, вскричал испуганно Клоун.

Костя застыл неподвижно, как изваяние: он увидел побелевшие костяшки пальцев Клоуна и чуть заметное шевеление указательного пальца на спусковом крючке пистолета.

– Ну и что дальше? – спокойно и угрюмо спросил Костя, чувствуя, как уходит ярость, а на смену ей жаркой волной вливается в тело космическая энергия цюань-шу, готовая в любой миг взорваться серией молниеносных ударов; смертельно молниеносных ударов...

Но пока он стоял недвижимый и с виду хладнокровный, только все его чувства были обострены до предела да сердце ускорило свой бег, мощными толчками разгоняя кровь по жилам.

– Седой! – голос Фонаря сорвался на визг. – Я тебе обещал сквитаться? Обещал! Мое слово – кремень. Да, это я тебя воткнул в зону, я! Чтобы ты харчей гнилых попробовал, нашу баланду воровскую похлебал. Чтобы понял, что супротив Фонаря ты никто, просто сямка, шестерка. Ты посмел на меня руку поднять? Я тебя раздавлю, как клопа, я... – Фонарь орал, брызгая слюной, как помешанный.

– Фонарь... – тихий спокойный голос Кости подействовал на кликушествовавшего вора, как удар грома; тот замолк на полуслове. – В зоне я поклялся тебя убить. И ты умрешь.

– Что? – Фонарь опешил. – Я... умру? И когда же?

– Сегодня.

– Клоун, ты... ты слышишь, что он говорит? Ну наглец... – Фонарь неожиданно начал смеяться. – Ха-ха... Ох, не могу, потешил... Аа-ха...

Блинообразное лицо Клоуна тоже расплылось. Глядя на истерически смеющегося Фонаря, он

и сам захихикал, пренебрежительно поглядывая на Костю. Только толстомордый хмырь стоял, набычившись и поигрывая ножом.

Костя ударил в падении ногой, сделав невероятный кульбит, практически без толчка. И все же Клоун успел выстрелить, пуля просвистела в нескольких пядях от макушки Кости. Удар пришел по кисти руки Клоуна, пистолет отлетел к стене, а сам вор с жалобным криком упал на пол, зацепившись о край замызганной циновки, заменяющей в комнате ковер.

Толстомордый от неожиданности икнул, но не растерялся – хищно ощерившись, он проворно ткнул своим ножом-шилом в бок поднимающегося на ноги Кости. Он так и не понял, почему вдруг перед его глазами завертелись стены, потолок, тело стало удивительно легким, воздушным, а когда попытался осмыслить происходящее, дикая боль в сломанных костях надолго потушила смущенное сознание...

Костя все-таки пожалел Клоуна. И удар, который мог оказаться смертельным, был нанесен вполсилы. Хотя и этого хватило, чтобы Клоун провалился в небытие на добрых полчаса.

Весь сжатый, как пружина, Костя резко повернулся к Фонарю – и застыл, медленно опустив руки. Уткнувшись виском в остатки своего ужина, Фонарь остекленевшими глазами смотрел куда-то вдаль. А из аккуратной дырочки чуть выше левой глазницы стекали на газетные лоскуты алые капли. Шальная пуля нашла себе цель...

13. ДОПРОС

В кабинете Тесленко сидела заведующая Рябушовским промтоварным магазином. Было ей лет пятьдесят. Она то и дело всхлипывала, шумно сморкалась в кружевной батистовой платочек и твердила уже в течение часа, словно заводная, одно и то же.

"Черт бы тебя подрал... – тоскливо думал Тесленко, с отвращением глядя на тройной подбородок заведующей, смоченный обильной слезой. – Надоело все, спасу нет. Сегодня вечером напьюсь вдрызг. Иначе чокнусь..."

– Гражданка Чердакова, спрашиваю вас в последний раз: чья это шуба? – Тесленко, не глядя, ткнул пальцем на стул у окна, где валялся небрежно скомканный "вещдок" – вещественное доказательство – черная мутоновая шуба с крупными серебрястыми пуговицами.

– То есь как чья? – невинно глядя на капитана, шепотом спросила заведующая. – В каком смысле?

– Вот что, Чердакова, – сказал сквозь зубы, едва сдерживая себя, Тесленко, – мне этот цирк уже надоел. Хватит прикидываться дурочкой. Сейчас вас отведут в камеру, посидите там сутки на рыбьем супчике и черняшке, может, и память прояснится. Баста!

– Не имеете права! – неожиданно тонким голосом вскрикнула заведующая.

– Еще как имею, – зло сказал Тесленко. – Вы не задумывались, почему этой шубейкой вместо ОБХСС занимается уголовный розыск? Нет? Тогда я вам расскажу, для полноты картины. Шуба похищена из промтоварного магазина. При этом воры убили сторожа. Про кражу вы знаете. Ну и поскольку шуба сыскалась у вас в магазине и ее владелицей являетесь вы, вывод напрашивается однозначный: гражданка Чердакова – соучастница грабежа. Видите, как просто. Статья у вас крутая получается – от семи до десяти лет. Впечатляет?

– Г-гражданин... т-товарищ... – побледневшая заведующая начала заикаться. – Д-да вы что?!

– А то: или вы мне тут все расскажете, как на духу, или будете в изоляторе вшей кормить до конца следствия. И, между прочим, не как свидетель, а как преступница. Подчеркиваю.

– Все, вот вам крест! – истово перекрестилась Чердакова. – Как на исповеди, все скажу!

– Ну-ну... – с сомнением глядя на ее пухлые короткопалые руки, униженные золотыми перстнями, сказал Тесленко. – Слушаю вас.

– Шубу мне привезла сестра Анюта. Из Ростова. На, говорит, Верка, продашь в своем магазине. А то на рынке могут цыгане своровать. Вещь дефицитная, денег немалых стоит. И мне, говорит, прибыль, и ты внакладе не останешься.

– Она не сказала, каким образом ей досталась эта шуба?

– А я и не спрашивала. Не мое это дело.

– Дайте мне точный адрес вашей сестры.

– Зачем?

– На всякий случай, – хмуро улыбнулся Тесленко. – Познакомиться хочу.

– Не знаю я, где она сейчас. Говорила, что завербует на Камчатку на рыбный флот. А что ей – безмужняя, еще молодая. Деньжат подкопит...

– Ложь.

– Что... ложь? – опешила Чердакова.

– Все. От начала до конца. Не нужно больше креститься, гражданка Чердакова. Не берите грех на душу. – Тесленко потянулся к кнопке селектора. – Дежурный! Капитан Тесленко. Подошли ко мне конвоира...

– Ой, мамочки-и! – заголосила Чердакова. – Ой, не губите!

– Перестаньте причитать! – рявкнул Тесленко. – Я с вами тут скоро душевнобольным стану. Или вы мне расскажете всю правду, или...

– Боюсь я, ой, боюсь... – простонала заведующая, закрыв лицо руками. – Убьют они меня, зарежут...

"Это точно, – подумал капитан. – Они могут. Как пить дать", – он знал, кого имела в виду Чердакова...

Чердакова была в списке людей, которых опрашивал на Рябушовке Мишка Снегирев. Но если другие могли и не знать Баркалову или, по крайней мере, не узнать из-за погрешностей фоторобота, то Чердакова узнала сразу же – они были закадычными подружками, несмотря на разницу в возрасте. Узнала и не сказала об этом Снегиреву.

Только сильно изменилась в лице, что и вспомнилось Мишке после смерти Баркаловой. Почему? Впрочем, и это было не главным. Основное заключалось в том, что дом Баркаловой загорелся ровно через три часа после встречи Снегирева с Чердаковой. Кто-то очень торопился... Значит, были веские причины.

Когда Чердакова попала в поле зрения угрозыска, решили проверить магазин, где она была заведующей. И тут, пожалуй, впервые за все время следствия, Тесленко крупно повезло: в подсобке, под ворохом старых халатов, была обнаружена мутоновая шуба, похищенная из магазина, где убили сторожа. Что это была именно та шуба, эксперты подтвердили, не

колеблясь, – несколько шуб, предназначенных на экспорт, но с незначительными дефектами, были забракованы и отправлены с базы в ограбленный магазин как раз накануне кражи. Чердаковой деваться было некуда, шубу она признала своей, но на допросе начала плести небылицы...

– Я вам помогу, Чердакова, – неторопливо молвил Тесленко, сурово глядя на заведующую. – Вы знакомы с Михеем Бузиным?

Чердакова молчала, по-прежнему не открывая лица. Только ее полное тело вдруг всколыхнулось крупной дрожью да пальцы скрючились, сжимаясь в кулаки.

– Бузин, Михей Севастьянович... – продолжал капитан, листая папку. – Или попросту – Михей. Барыга. Ваш бывший сожитель. Вот показания ваших соседей. Достаточно? Итак, шубу он вам принес?

– Д-да... – выдавила из себя Чердакова.

– Когда?

– В тот... тот день... Когда ушел ваш сотрудник...

– И вы ему рассказали, что узнали на фотографии Софью...

– О, Господи... Да, да! – И Чердакова заплакала навзрыд; но на этот раз искренне.

Отступление 10. Лялька и другие

Маленький транзисторный приемник тихо попискивал на туалетном столике, сплошь уставленном баночками, пузырьками и коробочками с яркими иностранными наклейками. Костя лежал на тахте, полуприкрыв глаза, и наблюдал за Лялькой, которая сновала по комнате, торопливо наводя порядок. В простеньком ситцевом халатике, не покрашенная, с волосами цвета старой меди, сплетенными в косу, она казалась совсем девчонкой. Полные смуглые руки Ляльки осторожно прикасались к разбросанным вчерашним вечером вещам, и они тут же бесшумно исчезали внутри полированного платяевого шкафа – она старалась не потревожить Костин сон. Лялька, Лялечка, любимая... Любимая?

Выйдя из последнего пристанища Фонаря, Костя долгое время бесцельно блуждал по улицам и переулкам окраины, пока не выбрался на привокзальную площадь. На подъездных путях устало вздыхал маневровый тепловоз, замусоренный перрон уже опустел, и только у торца неуклюжего здания вокзала, украшенного вычурной алебастровой лепниной, толпился хмельной и говорливый народ – привокзальный ресторан работал до полуночи. Огромные пыльные окна ресторана расчертили площадь на желтые квадраты, в которых изредка торопливыми видениями появлялись запоздалые прохожие, чтобы тут же растаять в темноте сквера. Костя словно сомнамбула подошел к массивной ресторанной двери, некоторое время постоял, глядя пустыми тазами на хмельных курильщиков, а затем, неожиданно для себя, прошел внутрь...

– Водку, вино? – официантка, рано увядшая женщина с головой в кудряшках химической завивки, пыталась перекричать оркестр.

– Все равно.

– Значит, водку, – записывая в блокнот заказ, подытожила она результат переговоров, с

усилием растягивая накрашенные губы в профессиональной улыбке.

От закуски Костя отказался, попросил принести только минералку.

Он пил водку мелкими глотками, пытаясь жгучей горечью заглушить навязчивый запах крови, который преследовал его от порога логова Фонаря. Налитое свинцовой тяжестью тело била крупная дрожь, в голове стоял туман, в густых вязких клубах которого копошились бессвязные, бестолковые мысли...

Ресторан закрывался. Официантки торопливо сновали с горками грязной посуды, швейцар с помощью поломоек выталкивал взащей изрядно поднагрузившихся клиентов, оркестранты прямо на подмостках эстрады делили "сар-мак" – деньги, заплаченные посетителями ресторана за заказанный танец.

Только Костю официантка не торопила. Она уже несколько раз подходила к его столику, даже присаживалась, пытаясь завести разговор. Жаловалась на свою одинокую жизнь, на соседей, которые ее поедом едят... Костя изредка отвечал односложно, лишь бы отвязаться, но когда официантка попыталась придвинуться вплотную, он словно очнулся от забытья, резко встал, положил деньги и, не говоря ни слова, вышел в вестибюль.

Там было пусто. Только возле гардероба, прислонившись к деревянному барьеру, стояла девушка и, уткнувшись в плечо краснощекого швейцара, рыдала взахлеб. Заметив Костин взгляд, швейцар смущенно сказал:

– Вот, привязалась... Ну давай, давай, милая, уходи. Ресторан уже закрыт. И мне пора на боковую. Да не реви ты белугой! Чем я тебе могу помочь? – и, обращаясь к Косте, пояснил: – Понимаешь, выходить боится. Кто-то грозился ее избить. И, как на зло, милицейский наряд где-то запропастился...

Костя угрюмо кивнул и направился к двери. И остановился, встретив широко открытые глаза девушки. Оставив старика, она шагнула к Косте.

– Вы?

– Как видите...

Только теперь он узнал ее – это была подруга Люськи-Конфеты, взбалмошная Лялька. Прижав кулачки к груди, она с мольбой смотрела на Костю. Неожиданная жалость шевельнулась где-то в глубине опустошенной души, и он кивнул в сторону выхода:

– Пошли...

На привокзальной площади Ляльку и впрямь ожидали. Три хмыря навеселе, явно прибалтанные, только заржали довольно, завидев Ляльку и Костю: вот теперь вечер закончится как надо, будет над кем покуражиться. Но их надеждам Костя положил конец быстро и без лишнего трепача: не останавливаясь, уложил на асфальт двоих, да так, что они даже не успели ничего понять, а третий с перепугу рванул в сторону сквера, где, зацепившись за урну, пропахал рожей добрых полметра хорошо утоптанной дорожки...

Костя проводил Ляльку до ее квартиры. Да так и остался там, сначала на одну ночь, а затем и вовсе переселился к ней. Хмурый Чемодан, который по наводке Люськи-Конфеты с трудом разыскал его, чтобы вручить ключи от своей квартиры, так как должен был уехать из города на пару недель, прямо-таки остолбенел при виде розовощекой, счастливой Ляльки. Ткнув Косте в руки ключи и пакетик с деньгами, он неожиданно, не говоря ни слова, сунул руку за пазуху, достал бутылку "Портвейна", выбил пробку и, не отрываясь, вылил вино в свою бездонную утробу.

– Фу! Хорошо пошла, как сплетня по деревне, и не остановилась... – Довольно погладил себя по животу. – Ну, поздравляю! – принялся трясти Костину руку. – Жаль, мало времени, а то погудели бы клево.

– Ты чего это? – удивился Костя.

– Да ладно, брось темнить, – довольно захихикал Чемодан и подмигнул Ляльке, которая, потупясь, смущенно теребила передник. – Завидую. Мне бы твои годы... – и зашептал на ухо Косте: – Лялька – бабец что надо. Сладкая. Ух! Своя в доску. Не продаст, клянусь, век свободы не видать... Все, бегу. Покеда!

Неожиданно для Кости сумасбродная Лялька ворвалась в его постылую жизнь так стремительно и с таким напором, что на некоторое время приглушила все сомнения, колебания и горечь утрат. Впервые в жизни познавший женскую ласку, он с головой окунулся в необъяснимо-сладостный мир новых, еще не изведанных ощущений. Хмельной от бесконечных ласк Ляльки, в редкие минуты отдыха он спрашивал себя: "Что со мной творится? Неужели это и есть любовь?"

Лялька себе таких вопросов не задавала. Перевидевшая на своем коротком веку многих мужчин, познавшая липкую похоть новизны случайных и беспорядочных связей, растлевающих мысли и сжигающих душу, она и впрямь влюбилась. Влюбилась без оглядки, без сомнений и колебаний, как молоденькая школьница, которая готова ради своей первой любви жертвовать всем: и добрым именем, и уважением окружающих, и родительским очагом. Так иногда среди гнилой болотной зелени, из-под почерневшей от зловонных испарений кочки, неожиданно вскипает холодный, кристально чистый ключ и медленно, но неустанно прокладывает себе дорогу через застойную коварную трясиину к широкой полноводной реке...

И все же бездеятельность тяжким гнетом давила Костю. Однажды он попробовал устроиться на работу, но тут же оставил эту затею: в отделе кадров потребовали паспорт и трудовую книжку. А у него не было ни того, ни другого, потому что в свое время не пошел в милицию, где ему взамен справки об освобождении должны были выдать паспорт. Не пошел, потому что знал – прописаться в городе негде, а значит, придется куда-то ехать. Уехать, не повстречав Фонаря. Теперь же Костя просто боялся пойти туда – нарушение паспортного режима грозило ему большими неприятностями. Он содрогался от мысли, что вновь придется увидеть ржавую колючую изгородь зоны, что снова нужно будет надеть грязную, замусоленную робу и вышагивать среди серого и хмурого строя заключенных.

Костя подолгу просиживал у окна Лялькиной квартиры, спрятавшись за занавеской, жадно прислушиваясь к неумолчному городскому шуму и вглядываясь в голубой лоскут неба. И только поздним вечером, а то и за полночь, когда счастливая Лялька наконец засыпала в сладкой истоме, он, крадучись и стараясь не попадать на глаза ее соседям, выходил из дома и в упоении бродил по осенним улицам, иногда до утренней зари...

Однажды, поздним вечером, пришел Чемодан, как всегда навеселе и с двумя бутылками неизменного "Портвейна".

– Тебе привет от Козыря... – вполголоса сказал он Косте, прислушиваясь к звону посуды на кухне, где суежилась Лялька, готовя ужин. – Счас вмажем по стаканчику и пойдем.

– Куда?

– Есть места... – уклончиво ответил Чемодан, разливая вино по стаканам.

– А все-таки?

- К одному человеку.
- Зачем? И к кому?
- Не суетись, скоро все узнаешь.
- Мне твои загадки не по нутру, – резко сказал Костя, поднимаясь из-за стола.
- Брось, не заводись. Козырь просил передать, что человек надежный. Не сумлевайся, – и добавил с нажимом: – Козырь желает, чтобы ты с этим человеком встретился. Обязательно...

Сухощавый благообразный старичок в очках с важным видом поднялся навстречу Косте и протянул руку:

- Будем знакомы, Седой. Меня зовут Леонтий Севастьянович. Присаживайся, – показал на стул. – Алексей, – обратился к Чемодану, – ты погуляй возле дома часок. Мы тут... потолкуем.

Чемодан недовольно проворчал что-то себе под нос и вышел, громко хлопнув дверью. Старик поморщился, глядя ему вслед, затем спросил у Кости:

- Чай будешь? У меня отменный, цейлонский. Садись поближе. Тебе покрепче?
- Спасибо...

Неторопливо прихлебывая ароматный чай, старик ободряюще улыбался и кидал на Костю колючие хитроватые взгляды – явно присматривался. Чаепитие несколько затянулось, похоже, старик испытывал терпение своего гостя, хотел, чтобы он занервничал. Но Костю эти уловки волновали мало. Он молча, с безразличным видом пил чай и на вопросы старика отвечал коротко: "да" или "нет".

Наконец старик сдался. Оставив чашку, блаженно вздохнул, потер руки, будто ему стало зябко, и спросил:

- Небось, скушно без дела маяться?
- Привык...
- Плохая привычка, – заулыбался старик; похрустев пальцами, посерьезнел и сказал: – Вот что, Седой, пора тебя к делу приставить. Стоящему делу. Работа не пыльная, но денежная. Козырь рекомендовал тебя как смышленного, надежного человека. А мне такие и нужны.
- Чем я буду заниматься?
- А ничем, как и прежде. Так, легкая прогулка время от времени на свежем воздухе. Чтобы кровь не застаивалась. Побудешь на стреме часок-другой – и опять отдыхай с деньгой в кармане.
- Я буду... воровать? – Костя резко встал, опрокинув стул. – Ты что, дед, сбрендип? Найди кого-нибудь другого. Я пошел.
- Э-э, погодь! – вскричал старик. – Я тебе не все еще сказал, парнишка. Погодь и выслушай.
- Ну? – остановился на полдороге к двери Костя; какая-то едва уловимая интонация в голосе старика заставила его насторожиться.
- Во-первых, не воровать, а брать то, что принадлежит нам всем. То, что государство

прикарманивает, нас с тобой не спрашивая. Брать свою пайку, не огрызок черствой черняшки, что они нам предлагают, а кусок ситного с маслом. Усек? Имеем на это полное право. Ты вот отторчал в зоне по навету, зазря что ли? Кто-нибудь возместил тебе убытки? Годы не вернешь, ясное дело, но хотя бы комнату в общежитии дали да на кусок хлеба малую толику подкинули в твой дырявый карман.

– Воровать я не буду, – чувствуя, как бешенство волной окатило сердце, хрипло ответил Костя.

– Заладил, как попугай, – не буду, не буду... А куда ты подашься, друг ситцевый, без гроша в кармане, без документов, ась?

– Это не твоя забота.

– Так уж и не моя... – ехидно покривился старик. – Ты хотя бы поинтересовался, кто тебя деньгой снабжал до сих пор, чтобы ты мог спокойно и в полной безопасности на пуховых перинах с Лялькой кувыряться. Ладно, хрен с тобой, как видно, Козырь в тебе ошибся. Похоже, кровь у тебя заячья. Что ж, разойдемся, как в море корабли. Вот только должок ты мне верни. К концу недели. Понял?

– Какой должок?

– Память отшибло? У меня тут все записано – сколько, когда. – Старик достал из ящика стола потрепанную тетрадь в клеенчатом переплете. – Вот, черным по белому.

– Но ведь Козырь говорил, что это... подарок за то, что записку передал...

– Подарок ты проел за месяц. А потом я, старый дурак, посочувствовал, подкармливал тебя по мере своих возможностей, по-товарищески. Думал, добром отблагодаришь. Дождался благодарности.

– Деньги я верну. – Костя с ненавистью посмотрел на ухмыляющегося старика, едва сдерживая себя, чтобы не сломать его дряблую морщинистую шею.

– В лотерею выиграешь или наследство получил? – снова съехидничал старик, но, заметив опасный огонек в черных глазах юноши, сказал, благодушно разведя руками: – Как знаешь. Это твои заботы. Но деньги – через неделю, – добавил он жестким голосом.

Отворилась дверь, и на пороге вырос Чемодан. В своей лапище он держал полупустую бутылку вина.

– Холодно на улице, едрена вошь... – пожаловался, вопросительно глядя на старика. Тот едва заметно повел бровью. Чемодан вздохнул и посторонился, пропуская Костю.

– Да, и еще одно, – проскрипел старик вдогонку юноше. – Там менты с ног сбились, разыскивая того, кто пришел Фонаря. Так ты, парень, поостерегись...

Угроза, которая явно прозвучала в елейном голосе старика, заставила Костю вздрогнуть. Он почувствовал, как по спине словно морозным инеем сыпануло...

14. БУДНИ ТЕСЛЕНКО

Сырой, промозглый ветер гонял по ненастному небу косматые серые тучи. Занудливый дождь

сеялся, как сквозь решето, уже четвертые сутки. Рыхлый грязный снег медленно таял, обнажая неубранную листву и разнообразный городской мусор. Голые обледеневшие деревья в скверах жалобно поскрипывали по ночам, когда вместе с ветром из северной стороны вползал морозный туман. Зима была на исходе.

Капитан Тесленко, кутаясь в длинный плащ-дождевик, уже битый час стоял на остановке, дожидаясь маршрутного автобуса. Легкая меланхолия, одолевающая его с утра, постепенно переросла в раздражение, которое, как ни странно, согревало – углубившись в свои безрадостные, под стать погоде, мысли, капитан совершенно не ощущал ледяных порывов коварного сквозняка, задувающего в многочисленные щели автобусной остановки.

Он думал о тех новостях, которые принес вчерашний день и о чем ему сегодня придется докладывать майору Храмову. Тесленко даже в холодный пот кинуло, когда он на мгновение представил реакцию шефа на его доклад. Конечно же, вина тут была седьмого отдела, службы наружного наблюдения, но до наружников у Храмова руки коротки, а он, Тесленко, под боком...

Храмов выслушал информацию Тесленко внешне спокойно, а что у него творилось в душе, разобрать по выражению лица было невозможно. Капитан с трепетом ждал очередного разноса: если честно, то Тесленко не очень признавал своего шефа, но страсть как не любил скандалов и ругани, будь то на работе, в семье или на улице. Всяческие склоки и брань приводили его в смятение, помимо воли, как ни старался совладать с собой, хотя трусом никогда не был.

– М-да... – наконец проронил Храмов. – Соколики... Наверное, гляделки позаливали с вечера, наружники хреновы, а нам тут разбирайся, – несмотря на грозный вид и строгий тон, майор, похоже, был доволен.

Ответ лежал недалеко, и Тесленко знал его: Храмов и начальник седьмого отдела издавна недолюбливали друг друга, потому майору промашка коллеги была что живительный бальзам на сердце. Уж на оперативке у генерала Храмов попляшет на костях своего соперника, понял капитан. Но от этого ему легче не стало...

– Значит, Михей дал тягу... – продолжил Храмов. – С чего бы это, а?

– Не думаю, что наружники "засветились", – осторожно ответил Тесленко.

Майор недовольно поморщился, но капитан сделал вид, что не заметил.

– Судя по всему, Михей просто вышел из игры, – упрямо гнул Тесленко свое. – И я уверен, что не без помощи своего братца, Профессора. На нас Михею начихать: улик против него кот наплакал, свидетели во главе с Крапленным пока на свободе (впрочем, свидетелями их можно назвать с большой натяжкой – уж чем-чем, а болтливостью на допросах они не отличаются). Михей – человек крученный, его голыми руками не возьмешь.

– Может, его отправили вслед Баркаловой?

– Маловероятно. Он брат Профессора, а тот, судя по всему, играет как бы не главную скрипку в оркестре Крапленного.

– Тогда что?

– По-моему, близится финал, большое дело. Все уже на мази, и этот старый хитрец готовит стопроцентное алиби и себе, и братцу Михею. Потому и отправил его подальше, чтобы он подыскал надежное пристанище, где, случись что, можно спрятаться и от Крапленного, и от нас. Если дело выгорит, то, я уверен, Крапленный избавится от поделщиков. Он уже меченый

кровью, так что ему терять нечего. Нужно менять имя и убираться подальше отсюда. Но об этом догадывается и Профессор. Потому и принимает меры предосторожности.

– В каком состоянии подготовка нашей операции?

– Люди готовы, товарищ майор. Объект под наблюдением. Пока тихо.

– Смотри, если дадим промашку, ты у меня попляшешь.

– Да уж... – буркнул Тесленко, не поднимая головы. – Еще одна новость есть...

– И, как всегда, малоприятная.

– Точно. Нашли участкового Сушко. Убит, ножом в спину...

– Где?

– На Рябушовке. Наткнулись случайно. В заброшенном сарае. Пацаны местные играли ну и... обнаружили.

– Давно?

– В общем, да. Дней десять назад. Сразу заявить побоялись. Труп уже разложился, а это, сами понимаете, зрелище не для малолетних... Один из них через неделю попал в больницу – нервный срыв. Едва выходили. Вот он и признался.

– Оружие?

– Ограблен. Забрали пистолет, документы и форму. Лицо обезображено до неузнаваемости. Эксперты определили, что это Сушко, только при вскрытии. В свое время он участвовал в задержании бандита, был тяжело ранен в бок, и ему удалили одно ребро.

– Вы свободны... – Помрачневший Храмов грузно поднялся и подошел к окну. – Вот подлюги... – процедил он чуть слышно сквозь крепко стиснутые зубы...

Мишка Снегирев сиял, как новая копейка. С очередной полочки он прибарахлился: купил шикарный костюм, рубашку и туфли. И теперь то и дело смотрелся в карманное зеркальце, поправляя чересчур туго затянутый узел галстука и приглаживая непокорные рыжие вихры.

– Наше вам, – кинул ему Тесленко, присаживаясь. – Слушай, фраер деревенский, ты чай заварил?

– Извините... – Мишка покрасней и смущенно заерзал на стуле. – Не успел...

– Ладно, прощаю, – благодушно сказал капитан. – Включи чайник.

– Есть! – по-военному козырнул Мишка. – Ну как там? – осторожно поинтересовался, показав пальцем в потолок.

Ему уже приходилось бывать на оперативках Храмова, поэтому он достаточно хорошо знал, какие перипетии там случаются.

– Легкий штиль, – капитан потянулся, хрустнув костями. – Миша, у тебя когда практика заканчивается?

– Скоро, – заулыбался Снегирев.

– Радуетесь? – пылливо посмотрен на него капитан. – Наконец избавишься от

зануды-наставника...

– Что вы... нет, вовсе нет! – щеки Мишки вновь стали пунцовыми. – Честное слово!

– Да ладно, это я так... – улыбнулся Тесленко.

И только теперь понял, что Мишки ему будет не хватать. Этот неумный и шустрый парнишка как-то незаметно влез ему в душу, они даже сдружились, несмотря на разницу в возрасте.

– Жаль, что ты уходишь, – неожиданно вырвалось искреннее признание. – Тебе место в угрозыске, право слово. Вернешься?

– Наверное... Если честно, то еще не думал, – Мишка посерьезнел. – Хочется дело закончить...

– Кстати, о деле. Есть у тебя что-нибудь новенькое?

– Есть, и очень важное, – оживился Мишка, доставая из своего неизменного портфеля бумаги.

– Рассказывай.

– Зарубина видели в городе с полгода назад. Но в райотделе он не появлялся.

– Значит, на учет не встал... Может, все-таки, не он?

– Больше некому, – загорячился Мишка, копаясь в бумагах. – Вот показания заключенных, которые жили вместе с ним в одном бараке. Обладает невероятной силой и реакцией, прекрасно владеет приемами самозащиты. Отлично тренированный, даже в зоне каждый день занимался гимнастикой.

– Это пока ничего не значит.

– Нет, значит! Я внимательно ознакомился с его делом. Повидал кое-кого из его так называемых "друзей-защитников". Оказалось, что он не виновен, а вся эта история подстроена неким Скоковым, кличка "Фонарь".

– Мотивы?

– К сожалению, выяснить не удалось. Но главное заключается в следующем: вскоре после появления Зарубина в городе этого самого Фонаря нашли мертвым.

– Убит таким же способом, как Валет и Щука?

– Нет. Застрелен.

– Ты считаешь месть?

– Похоже. Очень даже похоже.

– Тогда при чем Валет и Щука?

– Да, в парке их не было. Но Валет жил в одном бараке с Зарубиным, и, насколько мне известно, они были на ножах.

– Это еще не довод. В зоне одно, здесь другое. Тут нужно копать гораздо глубже. И – кровь с носа, но нужно отыскать Зарубина.

– Вы считаете, что он до сих пор в городе?

– Трудно сказать. По крайней мере, надеюсь. Видно, он сможет на многое нам открыть глаза. Какая-то непонятная ситуация, с двойным дном.

– Жалко парня... – хмурый Мишка собирал бумаги. – И наши коллеги тоже хороши, воткнули человека в зону за здорово живешь...

– Да, история очень некрасивая, – огорченно вздохнул Тесленко. – Ты подготовил документы для пересмотра дела Зарубина?

– Конечно. Только ему теперь от этого не легче.

– Да уж...

Отступление 11. Воры

"Вор! Вор!" – уткнувшись лицом в подушку, Костя повторял это ненавистное слово уже, наверное, в сотый раз. Тело сотрясала крупная дрожь, лихорадочно возбужденный мозг с такой силой давил на черепную коробку, что, казалось, она вот-вот лопнет. Вспоминалось...

– ...Дело пустяшное, – лебезил перед Костей довольный Профессор, который уже не чаял выполнить наказ Козыря. – А Крапленный – мужик что надо. Фартовый, чертяка. Все будет в ажуре, не беспокойся. Сам увидишь. А там долг отдашь – и гуляй, парень...

Магазин обворовали в ту же ночь. Нагруженные мешками с товаром, пробирались в темноте задворками. Впереди шел Крапленный, за ним Зуб, который нес еще и саквояж с воровским инструментом. Щука и Костя шли позади. В глубоком овраге, неподалеку от городской свалки, остановились перекурить. Крапленный швырнул мешок наземь, отдышался и проворно забрался на пригорок. Внимательно осмотревшись по сторонам, по-особому посвистел. И тут же с двух сторон послышался ответный свист.

– Порядок... – Крапленный легко, по-кошачьи, прыгнул в овраг. – Седой! Ты сваливаешь. Пойдешь вон туда, мимо водокачки, через посадку. Свою долю получишь через неделю. Покеда!

– Держи пять, – протянул Косте руку Зуб. – С крещением тебя, гы-гы...

– Пошел ты... – сквозь зубы процедил Костя и направился к чернеющему неподалеку массиву лесополосы.

"Вор..." – Костя с трудом поднялся и прошел в ванную. Разделся, стал под холодный душ и стоял под ледяными струями, пока не посинел. Растерся докрасна махровым полотенцем и посмотрел на часы. Стрелки показывали начало второго ночи. "Где это Лялька запропастилась?" – подумал с беспокойством.

Лялька появилась под утро. Не зажигая света, прошла в комнату, присела на постель и надолго задумалась, глядя в предрассветный сумрак за окном.

– Не спишь? – наконец спросила вполголоса, и вдруг упала ему на грудь и зарыдала. – Будь они прокляты! Ой, мамочка, что же я наделала!

– Успокойся. Да успокойся же! Что с тобой? – Костя потряс ее за плечи.

– Не могу-у... – продолжала плакать Лялька. – Ой, пропали мы с тобой, Костик! Ой, беда-а-а...

– Да скажи наконец толком, то стряслось?!

Лялька вдруг оттолкнула его, метнулась на кухню. Костя поспешил вслед и едва успел вырвать из ее рук остро отточенный кухонный нож, который Лялька уже направипа себе в сердце.

– Ты что, спятила?! – Костя схватил ее в охапку, отнес в комнату и положил на тахту.

Лялька была невменяема. Она царапала до крови свое тело, порвала зубами в клочья вышитую подушку-думку, что-то бессвязно выкрикивала... Только через час Косте удалось кое-как ее утихомирить. Бледная, истерзанная, подогнув колени едва не к подбородку, она рассказала ему все.

– ...Я видела, как ты мучаешься. Они хотели и на этот раз взять тебя с собой. Мне Чемодан сказал. Я пошла к Крапленому, он тогда жил у мой знакомой Софки, просила, чтобы они тебя в свои дела больше не втягивали. Крапленный только смеялся и хотел прогнать меня. Тогда я сказала, что пойду вместо тебя. Крапленный расхохотался, избил меня, а затем, подумав, вдруг согласился. Если бы только я знала, что он на этот раз удумал... Бр-р! – она содрогнулась. – Он зарезал сторожа. Гад! Кровь, сколько крови... Зачем, Господи?!

– Понятно, зачем... – сумрачный Костя поднялся. – Ты давно этим занимаешься?

– Да. Только с Крапленным... впервые. До этого с Чемоданом...

– Ладно, поспи. И успокойся. Все образуется. – Костя стал натягивать кожаную куртку.

– Костик! – Лялька подхватилась с тахты, упала перед ним на колени и обхватила его ноги. – Родненький, не ходи, не ходи к ним! Я знаю, знаю, куда ты идешь! Прости меня, дуру. Я люблю тебя, люблю!

– Я тоже тебя люблю. Но они нас с тобой в кровь замарали, сволочи, и я им этого не прощу. Где находится логово Крапленного?

– Не нужно, Костик! Они тебя убьют. Это не люди – звери. Мы уедем отсюда, забудем все. Они нас не найдут. Прошу тебя, Костенька, послушай меня. Сегодня уедем, сейчас!

– Поздно, Ляля. Поздно... – смертельная усталость охватила Костю, он едва держался на ногах. – Мы с тобой влипли в грязь по уши. Терять нам нечего. И назад возврата нет. Где "малина" Крапленного?

– Не пущу! – зарыдала Лялька. – Не скажу!

– Как знаешь... – Костя поднял ее на руки и вновь уложил на тахту.

Лялька умолкла, закрыв глаза. Похоже, она была в обмороке. Постояв на ней чуток, Костя нагнулся, поцеловал ее в лоб и решительно направился к выходу...

– Кто там? – голос Профессора был ломким от испуга.

– Открывай...

– Седой?

– Да.

– Ты что, с ума сошел?! – зашипел на него Профессор, втаскивая за рукав куртки в переднюю. – Среди бела дня заявляешься, как к теще на блины...

– Помолчи, – отрезал Костя. – Мне от тебя нужно только одно – где хаза Крапленого?

– Зачем? – прищурился озадаченный Профессор.

– Это не твое дело.

– Ну а если не мое, то катись...

– Ты, старая обезьяна... – Костя в бешенстве схватил Профессора за грудки. – Я с тобою не шучу. Понял?

– К-как... да как ты смеешь?! – вскричал было в гневе Профессор, но, наткнувшись на испепеляющий взгляд Кости, стушевался. – Не знаю, он мне не докладывал... Отпусти!

– Сейчас ты у меня вспомнишь... – Костя резким движением прокрутил Профессора вокруг оси, завел его руки за спину и нащупал болевую точку, как учил когда-то Кауров.

Профессор взвыл не своим голосом. Дикая боль пронзила его с ног до головы каленым железом.

– А-а! П-пусти! Ска... скажу-у...

– Вот так-то оно лучше. – Костя небрежно швырнул обезумевшего от боли Профессора на диван. – Слушаю. Только без обмана. Вернись – кости переломая...

Профессор бежал изо всех сил, держась рукой за грудь. Сердце стучало неровно, и казалось, что вот-вот лопнет от перенапряжения. Наконец он добежал до шоссе и замахал руками, пытаясь остановить такси. "Успеть бы... – единственная мысль пульсировала в голове. – Крапленый... Что будет, что будет?!"

Профессор испугался. Впервые за столько лет. Обостренным нюхом старого "хищника он уловил признаки грозной опасности, которая могла поломать все его планы. Черт его дернул пойти на поводу у Козыря. Ничего не скажешь, хороший эксперимент он затеян с этим Седым... "Мне он нужен. Позарез. Приберешь пацана к рукам, по гроб жизни твой должник, будь спок..." – вспомнил записку, которую передан ему Чемодан от Козыря. Прибран, как же... На ум пришел наказ Крапленого никому не открывать адрес его берлоги. Профессор едва не рухнул на асфальт, ужаснувшись предстоящего разговора со своим учеником: забота о личной безопасности у Крапленого была на первом месте, и в этом он был беспощаден...

– Дед, а дед! Что с тобой? – молоденький черноволосый таксист лихо притормозил рядом с Профессором.

– Сердце... Болит. Плохо...

– Садись, отвезу в больницу.

– Нет, туда не надо... Мне бы домой...

– Куда?

– На Рябушовку.

Таксист недовольно проворчал что-то себе под нос, но все-таки открыл дверку.

– Ладно, где наше не пропадало...

– Не сумлевайся, я хорошо заплачу... – едва не на карачках пополз на сиденье Профессор. – Поезжай быстрее...

Из-за угла на приличной скорости выскочило такси, и Костя только в последний миг успел отскочить в сторону, к забору, чтобы не быть обрызганным черной липкой грязью с ног до головы. Проводив взглядом замызганную "Волгу", которая укатила в сторону Рябушовки, Костя зашагал дальше...

Дверь дома, где обитал Крапленый, отворила невысокая, полная, довольно симпатичная женщина. Стучать долго не пришлось, и это удивило и насторожило Костю.

– Вам кого? – тихо спросила она.

– Постояльца, – коротко и зло ответил Костя и, отстранив женщину, прошел внутрь.

Крапленый сидел у стола, поигрывая "парабеллумом".

– Что скажешь, Седой? – не поднимая головы, внешне спокойно спросил он, будто появление Кости в его логове было делом обыденным.

– Ты зачем Ляльку в свои дела путаешь?

– И это все, что ты мне хотел сказать?

– Нет, не все... – Костя шагнул к столу.

– Стой там, где стоишь! – щелкнул предохранитель, и Крапленый наконец поднял на Костю налитые кровью, бешеные глаза.

– С чего это тебя мандраж прошиб, Крапленый? – насмешливо спросил Костя, внимательно наблюдая за указательным пальцем бандита, лежащем на спусковом крючке.

– Ты!.. Ты!... – Крапленый захлебнулся от злобы. – Твою мать! Я тебя на распыл пуцу!

– Какой ты грозный. – Костя незаметно для Крапленого напряжился, примеряясь для решающего броска. – А что на это скажет Козырь?

– Имя Козыря на какой-то миг заставило Крапленого заколебаться. Бандит не знал Костиных отношений со старым воровским авторитетом, потому боялся попасть впросак: слушников своих распоряжений Козырь карал жестоко и быстро, от него спрятаться невозможно, достанет с морского дна...

Костя чувствовал, как в его душу постепенно вползает что-то холодное, скользкое, отвратительное. Когда он шел на встречу с Крапленым, единственным его намерением было высказать все, что он думает об этом подонке, и порвать раз и навсегда всяческие отношения с ворами. Каким он был наивным и глупым... Здесь уже шел разговор о его жизни. И не только его... Перед мысленным взором вдруг встали окровавленные призраки отца и матери. Видение было настолько явственным и живым, что Костя едва не застонал от боли, внезапно пронзившей сердце. Он предал их память, стал на одну тропу с убийцами. Пусть не эти, другие, но именно воры убили его родителей, и не будет теперь им пощады... Не будет! Око за око, зуб за зуб. Ненависть помутила разум, заволочла красным туманом глаза. Чужая кровожадная сила заставила затрепетать тренированные мышцы. Он был готов...

– Козырь? – наконец справился с временным замешательством Крапленый. – Да плевать я хотел на Козыря! Понял! Вот так – тьху! А тебя я в порошок сотру! И твою лярву! Мать... перемать! – орал он дурным голосом.

Позади Кости послышался шорох, но сжигаемый ненавистью юноша не придавал этому значения. Сейчас... Ноги спружинили, кулаки налились свинцовой тяжестью... – и страшный удар по голове помутил сознание. Костя попытался развернуться, но тут ловко наброшенная петля-удавка сдавила шею, расколов мир на мириады жалящих осколков. Крапленый-таки добился своего, криком усыпив бдительность юноши...

Очнулся Костя в полной темноте. Он лежал в тесном сыром чулане, связанный по рукам и ногам. Попытался перевернуться на спину – и застонал от боли. Голова была словно чугунная, а содранная веревкой кожа на шее жгла и саднила. Пошевелил пальцами рук, пытаясь восстановить кровообращение, подвигал ногами. Напряг мышцы, стараясь ослабить опутавшие тело петли. Немного полегчало. Прислушался. В дальнем конце чулана, за дверью, бубнили чьи-то голоса. Извиваясь всем телом и отталкиваясь от пола связанными ногами, он, словно улитка, пополз к двери. Добрался, приложил ухо к шершавым доскам и застыл, тая дыхание, пытаясь разобрать, о чем шел разговор.

– ...Из-за тебя теперь придется когти рвать отсюда! – шипел змеем Крапленый, как всегда матерясь.

– Ты погодь, погодь, все образуется... – непривычно заискивающий голос Профессора.

– Посмотрим. Я вызвал... – Крапленый назвал имя, но Костя не расслышал. – Приедет – и амба. В расход. Его нужно кончать.

– А Козырь? Что скажет Козырь? – как бы между прочим поинтересовался Профессор.

– Плевать. Своя шкура ближе к телу. Он поймет. А за девкой ты сам присмотри. Она еще нужна для дела. Потом... Хрен с ней, невелика потеря. Чтобы не тьякала, сучка, на ветер.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Тоненький лучик проникал сквозь неплотно забитую тряпками отдушину под потолком и упирался в деревянную кадучку, отбрасывая на пыльный пол дрожащие световые пятнышки. Костя внимательно осмотрелся и едва не вскрикнул от возбуждения: около кадучки, в кучке мусора, валялся старый заржавленный кухонный нож! Маленький, с основательно сточенным лезвием, он на поверку оказался очень острым. Пытаясь схватить его связанными за спиной руками, Костя порезал себе палец. Стараясь не шуметь, он дополз до стены, нашел там подходящую щель, воткнул туда рукоятку ножа и принялся пилить бельевую веревку, опутавшую его с ног до головы...

Звуки шагов и скрип отворяемой двери заставили Костю прекратить свое занятие. "Эх, еще бы чуток времени!" – от досады Костя закусил губу до крови. Он едва успел вытащить нож из щели и спрятать его за пояс сзади, под рубаху, как в чулан вошел Крапленый.

– Как попивалось, Седой? – со смехом обратился он к юноше. – Постелька у тебя что надо гы-гы...

Позади Крапивного кто-то заржал.

– Будем кончать тебя, Седой, – продолжал Крапленый. – Отпрыгался ты.

Дверь открылась пошире, и в чулан вошел еще кто-то. И только когда он заговорил, Костя узнал его.

– Здорово, кореш! Давно не видались, гы-гы...

– Валет?!

– А то кто же. – Валет подошел поближе и изо всей силы пнул Костю ногой. – Это тебе, падла, для начала. Зону помнишь?

– Валет, считай, ты мертвец... Я тебя из-под земли выцарапаю... – в ярости прохрипел юноша.

– Какие мы шустрые, – Валет вытащил финку. – Крапленный, дай я с этого гада скальп сниму.

– Оставь. Кровищи будет до хрена. А его еще в машине нужно тарабанить. Я хочу, чтобы он перед смертью поизвивался, как вьюн на сковородке, – снова довольно осклабился Крапленный.

– Лады, заметано. Где мешок?

В чулан протиснулся еще один бандит, широкоплечий, круглоголовый, с огромными глазищами навывкате.

– Держи, – протянул он Валету вместительный чувал. – Да пасть ему заткни, чтобы ни звука...

– С пребольшим удовольствием. – Валет нашел какую-то тряпку и с силой затолкал ее в рот Косте. – Жуй, сучок. Последний ужин.

– Поторапливайтесь, – посмотрел на наручные часы Крапленный. – Время.

– Держи покрепче... – второй бандит легко поднял Костю и затолкал его в мешок.

– Ну и силища у тебя, Лупатый, – восхищенно сказал Валет, затягивая завязки.

"Лупатый!!!" – воспоминания обожгли сердце. Теперь он понял все. При первой встрече с Крапленным Костя силился вспомнить, откуда ему знаком его голос, где он прежде мог слышать этот хрипловатый баритон, временами похожий на воронье карканье? Значит, главарем грабителей, которые убили его родных, был Крапленный. Крапленный! Бессильная ярость мутной волной захлестнула рассудок. Костя попытался вытолкнуть кляп, закричать – и потерял сознание...

Лупатый остановил машину в густых зарослях на обрывистом берегу реки. Он знал, что под обрывом находились глубокие ямины, куда водоворот затаскивал все подряд. Валет сноровисто привязал к мешку здоровенное зубчатое колесо и еще раз мстительно пнул ногой неподвижное тело.

– Наше вам...

– Взяли, – поторопил Валета Лупатый, тревожно поглядывая по сторонам, – оно хоть и ночное время, но все же...

Бандиты раскачали тюк и швырнули его с обрыва в черную водяную кипень.

– Преставился... – с нервным смешочком Валет достал из машины бутылку вина. – Хлебни, – протянул Лупатому. – Помянем, гы-гы...

– Пей сам, – отрезал тот, усаживаясь за руль. – Не хватало, чтобы ГАИ меня прихватило с запахом. Да поживей.

– Счас, – Валет высосал бутылку до дна и швырнул ее в реку. – Спи спокойно, дорогой друг...

Хлопнула дверка, и машина на малой скорости, не зажигая фар, поползла по еле приметной грунтовой дороге, поросшей высокой щетинистой травой. Над рекой исподволь вставали седые колеблющиеся космы тумана...

15. ОБМАН

"В красной рубашоночке... В красной рубашоночке, молоденький такой..." – назойливо вертелся в голове мотив старой полузабытой песни. Прижимая к груди подушку, на которой спал Костя, лежала Лялька на тахте, бездумно уставившись остановившимися глазами в потолок...

Когда Костя не вернулся, Лялька долго не размышляла: одела, что под руку подвернулось, и поздним вечером следующего дня пошла в берлогу Крапленого. Лялька была одна из немногих, кто знал, где теперь скрывается главарь после того, как сгорела вместе с хозяйкой Софкина хаза. И не особое доверие к ней со стороны Крапленого было тому причиной, просто Маркиза, старая ее подруга, не смогла удержать язык на привязи и однажды, в порыве откровенности, ляпнула Ляльке, какой постоялец у нее обретается.

Появление Ляльки не удивило Крапленого. В последнее время он перестал чему-либо удивляться и только твердил про себя: "Нет верных людей, нет... Все паскуды. Закончу дело – в расход пуцу этих тварей. Право слово..."

– Маркиза! – каркнул, обернувшись в кухонной двери. – Поди сюда.

Вошла Маркиза, под хмельком, распаренная от кухонного жара и слегка испуганная.

– Чего, Феденька?

– Твои мансы [50]? – показал на бледную Ляльку.

– Господь с тобой! – вскрикнула Маркиза, крестясь неверной рукой. – Да я ни в жисть...

– Закрой хлебало, сука... – Крапленый неторопливо встал, подошел вплотную к Маркизе и ударил почти без замаха под дых. – Еще когда вякнешь кому-нибудь то, о чем я велел молчать, на куски покрошу и свиньям скормлю. Толай!

Пошатываясь и икая, Маркиза поплелась обратно на кухню.

– Садись, Краля, коль пришла, – сердито буркнул он, указывая Ляльке на стул. – Какого хрена приканала?

– Где... где Седой? – с трудом молвила она, едва ворочал сухим языком.

– А я почем знаю? Он ведь твой хахаль, гы-гы...

– Врешь... Врешь! Ты убил его!

– Не ори, как помешанная! Нужен он мне... В бегах твой пацан. Усекла? Ему менты на хвост упали, вот он и подорвал.

– Нет, неправда... – твердила Лялька, безумным взглядом прикипев к лицу Крапленого. – Убей, убей и меня... Ну!

– Вот липучка. На, читай. – Он достал из кармана изрядно помятую бумажку и протянул ее Ляльке.

Это была записка: "Ляля! Мне нужно срочно уехать из города. Подробности при встрече. Прости, что не смог попрощаться. Не успел. Твой Костя".

– Убедилась? Почерк узнаешь? – Крапленый ухмыльнулся довольно. – А теперь вали по холодочку. И дорогу сюда забудь, – добавил с угрозой.

Почерк и впрямь был похож на Костин. Для этого Профессору, который был дока в таких подметных делах, пришлось изрядно попотеть. Марая бумажные листы, он пенился от злости: "На кой ляд эту туфту лепить? Поприжать стерву, как шелковая станет..." Но Крапленый был неумолим: "Делай, как я говорю. Мне она нужна. А то еще в лягавку пометется, с нее станет. Бабы – они все с придурью..."

Почти месяц Лялька крепилась в ожидании вестей от Кости. А потом запила.

Профессор, который повадился навещать ее через день, говорил Крапленому: "Не прохмеляется, зараза. Боюсь, как бы чего не вышло. Ляпнет спьяну лишнее – и загудим на этап. А кое-кто... – добавил он вроде про себя, – и выше..." – поднял глаза к потолку. Крапленый только посмеивался: "Не дрейфь. Водка – хороший лекарь. Побухает чуток, а там найдет замену нашему покойничку, ги-гы, все и наладится. Как ее хотенчик взывает, так и дело считай, что в шляпе".

Отступление 12. Мститель

Замок поддался легко. Короткий мягкий щелчок, чуть слышный скрип двери, и пушистый ковер под ногами, казалось, ту же вобрал в себя все звуки. Только размеренное тиканье часов да редкие удары капель в умывальнике нарушали предутреннюю тишину.

Человек, проникший в дом, некоторое время стоял неподвижно, как изваяние черного мрамора. Наконец бесшумной тенью фигура скользнула к одной из дверей, откуда доносилось чье-то мерное дыхание. Осторожно раздвинув портьеры, человек заглянул в спальню. На широкой просторной кровати разметался мужчина в просторных семейных трусах в цветочек. Скомканное одеяло валялось на попу, застоявшийся воздух в комнате был густо насыщен винным перегаром и запахом дешевого цветочного одеколона.

Ночной пришелец зашел в спальню и плотно прикрыл за собой дверь. Затем нащупал на стене выключатель, и комнату залил мягкий зеленый свет потолочного плафона.

Мужчина на кровати среагировал мгновенно: еще не разобрав, как следует, кто перед ним, он сунул руку под подушку и выхватил пистолет. И тут же застонал от нестерпимой боли: страшный удар в грудь, под сердце, пригвоздил его к перине. На какой-то миг он потерял сознание. Незваный гость небрежным движением вырвал пистолет из его руки и отшвырнул оружие в угол спальни, где в беспорядке была свалена одежда хозяина дома и еще какое-то тряпье. Затем встал у изголовья постели, дожидаясь, пока он придет в себя. Хозяин дома был крепко скроен, мускулист. Тело сплошь покрывала татуировка.

Очнулся он довольно скоро.

– Кто-о... Что... тебе нужно? – прохрипел, пытаясь встать.

– Лежи, – придержал его пришелец. – Не узнаешь, Лупатый?

– Ва-ва-в-ва... А-а-а! – закатив глаза под лоб в смертельном испуге, вскричал хозяин, но, схваченный за горло железными пальцами незваного гостя, умолк, задержал ногами будто в предсмертной агонии.

– Тихо, – со сдержанной угрозой предупредил его пришелец. – Мне нужно от тебя только

одно. Слышишь – одно! Вспомни пятьдесят третий год. Вспомни! Кто брал квартиру главного инженера хлебозавода? Он и его жена были убиты. Ну!

– Н-не... помню... Н-не...

– Вспоминай, сволочь! – Резкий колющий удар пальцами в область груди – и дикая боль пронзила тело Лупатого.

– Хр-хр-хр! А-а-хр! – задержался он. – Я... сейчас... Крапленный... Зуб...

– Кто еще?

– Валет... И еще...

– Громче!

– К-кривой... Ах! И... Щука...

– Где они сейчас? Адреса, ну!

– Ва... Валет ж-живет н-на...

Лупатый говорил, с трудом ворочая языком, все тише и тише. Неожиданно он захрипел, тело его выгнулось дугой, на губах показалась пена. Затем он коротко охнул и затих. Незванный гость нагнулся над ним, пощупал пульс и резко выпрямился. Сердце Лупатого остановилось. С отвращением плюнув, пришелец потушил свет и кошачьей поступью направился к выходу...

Когда холодная вода сомкнулась над мешком, в котором находился Костя, он уже успел освободить руки, несмотря на груз, привязанный к ногам, мощный водоворот вертел его, как щепку. Стараясь подольше задержать воздух в легких, как учил Саша Кауров, юноша с остервенением кромсал ножом мешковину и веревки. От страшного напряжения и недостатка кислорода перед глазами мелькали огненные сполохи. Наконец мешок достиг дна. Собрав последние силы, юноша освободил ноги, ужом проскользнул в прорезанную дыру и ринулся вверх, стараясь не закричать от невыносимой боли в ушных перепонках. Всплыв на поверхность, он жадно задышал, отдавшись на волю речного течения. Но его снова потащило вниз, в бурлящую темень...

На рассвете мокрого, обессиленного Костю подобрала рыбаки на одной из отмелей в километре от обрывов. Отогревшись у костра, высушив одежду и подкрепившись ароматной горячей ухой, он поспешил уйти, так и не удовлетворив их любопытства. "Наверное, перебрал парнишка да окунулся невзначай. Знакомое дело..." На том и порешили.

Пристанище себе Костя нашел без особого труда. За городом, среди лесного массива, присмотрен заброшенную дачу, если можно было так назвать сколоченную на скорую руку из старых, отслуживших свой век железнодорожных шпал хибару. Неказистая с виду, внутри она оказалась вполне пригодной для жилья. К Ляльке возвратиться он не рискнул – чересчур опасно.

Деньги у него были, лежали во внутреннем кармане куртки, которую Крапленный не догадался осмотреть. На еду хватало.

Сжигаемый горячечным возбуждением, Костя рыскал вечерами и ночью по городу и окраинам. Берлога Крапленного оказалась опустевшей – осторожный и хитрый главарь после разговора с Лялькой поторопился сменить квартиру. Впрочем, этого Костя не знал. Тогда он стал тенью Профессора. И вот наконец разыскал Лупатого...

Дневное время стало для Кости пыткой. Ворочаясь без сна на старом соломенном тюфяке, он с тоской глядел на пыльные стекла подслеповатого оконца, дожидаясь ночи. Иногда его посещали кошмарные видения. Тогда он вскакивал на ноги, метался, как затравленный зверь по хибаре, обхватив голову руками. Обессилев, снова падал на тюфяк и рычал, плакал без слез, шепча что-то совершенно бессмысленное. В такие моменты ему хотелось бить, крушить, ломать все подряд. Только огромным усилием воли он справлялся с собой и забывался чутким тревожным сном.

Лишь в ночные часы приходило успокоение. Все его тело наливалось хищной силой, кошачья поступь была быстра и легка, уши улавливали малейший звук, а глаза видели ночью почти так же, как днем. Это был не Константин Зарубин, бывший зек по кличке Седой. Это был молодой тигр, который вышел на свою первую настоящую охоту.

Вскоре он нашел Валета, а затем и Щуку...

Пошли осенние дожди. Крыша в хибаре была ветхая, прохудившаяся, и Костя с трудом находил место посуше, чтобы согреться и поспать. Возбужденное состояние, в котором он пребывал все это время, не могло не сказаться на здоровье. Однажды он проснулся в сильном ознобе и едва смог подняться на ноги. И тогда Костя решился...

– Костик? – не веря глазам своим, Лялька, словно слепая, принялась торопливо ощупывать его лицо, руки, одежду.

– Ляля... – Костя осторожно прижал ее к груди.

– Господи, Костик... Любимый... – слезы ручьем хлынули из ее глаз.

Охватив его руками, она рыдала, рыдала... Потом, немного успокоившись, рассказала ему все. Угрюмый Костя сидел неподвижно, молча – слушал.

– Я не писал никаких записок.

– Как... не писал?

То, что рассказал ей Костя, потрясло Ляльку. Не говоря ни слова, она улеглась в постель и пролежала до утра, как мумия, холодная и отрешенная. Костя ей не мешал. Он тоже не мог уснуть – думал, вспоминал. А поутру неожиданно потерял сознание и упал, больно ударившись о пол.

В себя он пришел только на вторые сутки. И все эти долгие часы Лялька просидела над ним, как скорбное изваяние, состарившись за это время на добрый десяток лет.

Провалявшись в полубредовом состоянии недели две, Костя наконец пошел на поправку. Лялька отпаивала его настоями трав, крепкими бульонами, кормила едва не с ложечки разными вкусами.

А еще через полмесяца Костя вновь начал свою опасную ночную жизнь...

16. СХОДНЯК[51]

Крапленый вполуха слушал треп Чемодана. Тот, как обычно, травил сальные анекдоты и расписывал свои мужские достоинства. Чернявый Зуб, посмеиваясь, пил пиво прямо из горлышка, заедая ржавой селедкой. Хмурый Кривой маялся, время от времени массируя

живот, – давала о себе знать застарелая язва. Ждали Профессора.

Сходняк затеяли по настоянию Кривого. Достаточно хорошо зная Крапленого, он хотел заручиться поддержкой остальных поделщиков в таком весьма тонком и деликатном вопросе, как дележ будущей добычи. Старый вор понимал – потом может быть поздно. Свое предложение Кривой высказал Крапленому не без опаски, зная его бешеный нрав. Но Крапленый совершенно неожиданно согласился на сходняк без малейшего противления. Это обстоятельство так поразило и насторожило Кривого, что у него разыгралась язва. В последнее время чрезмерная покладистость Крапленого его просто пугала. Их главарь явно что-то надумал. Но что? Этот вопрос и занимал сейчас мысли Кривого, который прикидывал, на кого из собравшихся можно положиться, если Крапленый надумает подорвать [52] с добычей в одиночку. Конечно, повязаны они все были давно и накрепко, но уж на слишком большой куш замахнулись в этот раз. Как бы чего не вышло... Кривой был стар и мудр.

Собрались на не засвеченной еще квартире, которую предоставил в их распоряжение один из молодых воров. Главным было то, что кроме передней двери она имела еще два выхода на разные улицы – через черный ход или пожарную лестницу, а там по крышам. Кроме этого, сходняк охраняли молодые сывки, которых всегда хватало у Чемодана.

Профессор, как всегда, опоздал. Одет он был в костюм и при галстук. Крапленый только криво ухмыльнулся, глядя, как Профессор тщательно смахивает невидимые глазу соринки с предложенного ему стула.

– Начали, – он посмотрел на Кривого. – Как у вас с Зубом дела?

– Все на мази. Готово, – вместо Кривого отозвался Зуб. – Умаялся, как последний фраер, – пожаловался он, показывая собравшимся кровавые мозоли на руках. – Первый раз в жизни так припахался.

– Не скули, – оборвал его Крапленый. – Когда дело выгорит, залечишь. Пошлем тебя в Сочи.

Все дружно рассмеялись, даже Профессор.

– Профессор! – неожиданно зло воззрился на него Крапленый. – Куда Михей слинял?

– Мне бы твои печали... – с едва заметной издевкой посмотрел на него Профессор поверх очков. – Я что, за ним на веревочке бегаю? Это у тебя с Михеем дела, ты и разбирайся.

– Будь спок, разберусь... – хищно осклабился Крапленый. – И, кстати, где обещанное?

– Здесь, – с высокомерным видом осмотрев собравшихся, похлопал по нагрудному карману пиджака Профессор. – Что бы вы без меня делали, голубчики.

– Шутишь? – согнулся над столом Крапленый как орел-стервятник над падалью: он не верил своим ушам.

– Какие шутки? Вот, – Профессор достал из кармана вчетверо сложенный тетрадный листок.

– Дай! – нетерпеливо вырвал его из рук Профессора главарь.

Прочитав несколько слов, выписанных каллиграфическим почерком Профессора, Крапленый буквально рухнул на стул.

– Не может быть... – пробормотал он, смахивая тыльной стороной руки внезапно выступивший на лбу пот.

– Хе-хе... – победно засмеялся Профессор. – Еще как может. Сам проверил.

Вслед за Крапленным записку прочли и остальные.

– Трудно поверить... – Кривой с сомнением зыркнул сначала в сторону Профессора, затем перевел взгляд на Крапленного.

Сведения, содержащиеся в записке, вовсе не усыпили подозрений старого вора, а, наоборот, прибавили масла в огонь. Он теперь почти не сомневался, что Крапленный и Профессор ведут двойную игру. Кривой стал лихорадочно соображать, на кого можно опереться в предстоящей схватке.

– Не было печали... – Зуб допил свое пиво и закурил. – Если все, что ты тут накалякал, верно, – он показал на записку, – то какого хрена мы до сих пор сопли жуем. Помню, лет пять назад...

– Захлопни пасть! Воспоминания твои потом послушаем. – Крапленный посмотрел на Чемодана. – Леха! Ты что, уснул?

– Не-а. – Чемодан, который сидел, развалившись, на потертом диване, встрепенулся. – Я не уснул, кореша, мне просто темно от ваших зехеров [53]. Крапленный, ты что, печника [54] из меня хочешь сделать? Почему я об этом узнаю только сейчас?

– Чемодан, не заводись, – успокаивающе похлопал его по литому плечу Кривой и подумал: "Леха – свой в доску. Надо с ним перетолковать..." – Мне они тоже лапши на уши навешали, будь здоров. – Он краем глаза наблюдал за реакцией Чемодана на его слова; тот понимающе кивнул. – Я хочу спросить тебя, Крапленный: ты наши воровские правила знаешь?

– Пошел ты... – огрызнулся Крапленный. – Нашел время, когда толковище [55] устроить.

– В самый раз, – спокойно ответил Кривой, а набычившийся Чемодан опять согласно кивнул головой. – Мне, например, не нравится, что ты вершишь суд без нашего ведома и согласия. И вот что из этого выходит. – Он повертел в руках записку и небрежно швырнул ее на стол.

– Кривой, по-моему, ты оборзел окончательно, – хищно показал зубы в полуоскале Крапленный. – Я что, мать вашу, здесь в шестерках хожу?!

– Тихо, тихо... – примиряюще заворковал Профессор.

– Не нужно цапаться. Мы не для этого здесь собрались. Ошибки у всех случаются. Стоит из-за этого рога сшибать...

Кривой смолчал, только выразительно пожал плечами: мол, ладно, в этот раз и впрямь не стоит шум поднимать, но я остаюсь при своем мнении. Главное он уже выяснил – Чемодан на его стороне.

– А коли так, – Крапленный остановил свой жесткий взгляд на Чемодане, – ты, Леха, этим делом и займешься. Помощники тебе нужны?

– Сам найду, – Чемодан недовольно хмурился. – Когда?

– Сегодня ночью. Кончай обоих. Только тихо и не наследиди.

– Кончать не буду, – упрямо мотнул головой Чемодан.

– Ты меня в "мокрушники" не записывай. Достать – достану. А там пусть будет, как решит правилка [56].

– Ты!.. – вскочил на ноги озверевший Крапленный. – Растуды твою в печенку!.. С кем

споришь?!

– Я все сказал, – отрезал Чемодан, сжав свои пудовые кулачищи и недобро посматривая на взбешенного главаря.

Казалось, что Крапленого хватит удар. Он посинел и только беззвучно глотал воздух. Перепуганный Зуб съежился на стуле, стараясь казаться как можно меньше, чтобы случайно не подвернуться под горячую руку Крапленого. Лицо Кривого было непроницаемо, но в душе он ликовал: все получилось как по писаному. После сегодняшней свары Крапленный уже не будет ходить гоголем, а значит, общаковая касса не попадет целиком в карман главаря, надумай он сбежать, потому как теперь он, Кривой, свое веское слово скажет по поводу дележа добычи, имея за плечами мощную поддержку в лице Чемодана.

Профессор сокрушенно покачивал головой, изображая страдание из-за случившейся размолвки. Он был великий артист, что часто спасало его в прошлом от многих неприятностей. Профессор понимал, чего добивался Кривой, и, конечно же, сообразил, что шайка распалась на два лагеря, и сейчас старый пройдоха мысленно взвешивал свои шансы в этом противостоянии. К кому примкнуть?

Наконец Крапленный сумел справиться с обуявшей его яростью. Он коротко выдохнул и сел.

– Лады, – сказал Чемодану. – Доставь их на Лиговку. А там решим. У нас главное другое.

Все облегченно переглянулись. Зуб даже сумел изобразить свою бесшабашную ухмылку.

– Ну, что, братва, а теперь перекусим. – Крапленный послал Зуба на кухню.

Тот долго не медлил, шустро принес две бутылки водки и немудреную закуску. Крапленный разлил водку по стаканам.

– Погоди. – Кривой прикрыл стакан ладонью. – Мы еще не все решили.

– Что тебе сегодня нейдет? – хмуро зыркнул на него Крапленный. – Не с той ноги встал?

– Я встаю на обе, – парировал Кривой. – Мы хотим знать: как будем куш [57] дуванить[58]?

К удивлению собравшихся, Крапленный отреагировал на вопрос Кривого спокойно. Он только внимательно посмотрел на лица своих подельников и сказал:

– Обсудим и решим.

Крапленный понял: если не пойдет на уступки, они ему просто перегрызут горло...

17. ПОХИЩЕНИЕ

Автобус, медленно набирая скорость, дребезжал всеми своими частями. Казалось, что вот-вот он рассыплется и вывалит припозднившихся пассажиров прямо на грязную дорогу, которая когда-то именовалась асфальтированным шоссе.

Мишка Снегирев запрыгнул в автобус уже на ходу. Двери с раздирающим душу скрежетом захлопнулись, больно прищемив локоть, Мишка чертыхнулся и принялся шарить по карманам в поисках пятака. Как назло, там бренчали только пятнашки и двугривенные.

– Слышь, друг, разменяй, а? – просительно обратился Снегирев к высокому плечистому

парню, протягивая ему двадцатикопеечную монету.

– Нету, – коротко ответил тот, мельком посмотрев на Мишку.

Снегирев обомлел – неужели?! От неожиданности он попятился и едва не свалился на колени седоусому ветерану с орденскими колодками на потертом пиджаке.

– Держи, – протянул ему пятак ветеран. – А монету свою спрячь, больше у меня все равно нет. – Он улыбнулся. – Мороженое купишь. Студент?

– Д-да... – заикаясь, выдавил из себя Мишка. – Сп-па... Сп-па-сибо...

– Не за что. Как буду на карачках ползать, гляди, когда место в автубусе уступишь или рубль добавишь на сто грамм, – не по годам бравый старик был слегка навеселе.

Еще раз поблагодарив ветерана, Мишка нажал на рычаг билетной кассы, дрожащими руками оторвал билет и стал на задней площадке таким образом, чтобы видеть высокого парня. Нет, ошибиться Мишка не мог – это был он! Снегиреву до зуда в конечностях хотелось сейчас достать из внутреннего кармана бумажник, в котором лежала фотография. Но он боялся даже лишний раз пошевелиться, чтобы не вспугнуть свою невероятную удачу. Впрочем, фотография ему не была нужна. Это лицо Мишке являлось даже в снах. Рядом с ним, облокотившись о поручень и задумчиво глядя на убегающие фонари, стоял Константин Зарубин.

Задержать! Это было первое, что пришло в голову Мишке, когда он немного пришел в себя. Но, вспомнив все, что ему было известно о Зарубине, он сразу поостыл: провести задержание этого парня без оружия было равносильно самоубийству.

Зарубин вышел на предпоследней остановке. Ни секунды не колеблясь, Мишка последовал за ним.

Где-то вдалеке проревел гудок металлургического завода. Это значило, что перевалило за полночь. Прохожих было мало, и Мишка старался держаться поближе к заборам, чтобы его не заметил Зарубин. Но как раз там-то и было настоящее болото, где грязная жижа доходила до щиколоток. У Мишки сердце обливалось кровью, когда он представлял, какой вид будут иметь его новые импортные туфли после этой вынужденной прогулки. Не говоря уже о костюме...

Неожиданно Зарубин исчез из виду, его словно проглотила обширная лужа возле новостройки. Снегирева будто прищипорили: он ринулся напрямик и одним махом забрался на дощатый забор. Но Зарубина и след простыл. Упустил! И тут ему еще раз повезло: едва не заплавав от обиды, он вдруг заметил далеко впереди, у старого кирпичного дома, знакомую фигуру, которая на миг появилась на фоне освещенного пятачка у беседки и исчезла в подъезде. Секунд через двадцать в одной из квартир затеплился за плотными занавесками неяркий огонек. Неужели он нашел квартиру неуловимого Зарубина? Мишка, пригибаясь пониже, побежал к дому, мысленно махнув рукой и на свой костюм, и на хлюпанье в туфлях, и на боль в расцарапанной гвоздем руке.

Изрядно проржавевшую табличку с названием улицы и номером дома Снегирев прочитал едва не наощупь. И сплюнул с досады: это был дом, в котором жила Лионелла Чернова, или Краля! Надо же, так нескладно получилось: в связи с подготовкой операции против банды Крапленого наружное наблюдение за Кралей было снято около месяца назад.

Раздосадованный Мишка, уже почти не таясь, зашагал к тротуару, намереваясь разыскать телефон-автомат, чтобы позвонить в дежурную часть. И едва успел спрятаться, свалившись прямо в грязь за кучей старых ящиков.

Скрипучая дверь подъезда отворилась, и несколько человек быстрым шагом направились в Мишкину сторону. Один из них, здоровенный мужичище, косая сажень в плечах, нес как соломенный куль связанного Зарубина; похоже, юноша был без памяти. Другие, грубо подталкивая и матерясь вполголоса, едва не волоком тащили Ляльку с кляпом во рту. Когда они проходили рядом, Мишка в страхе даже глаза закрыл и затаил дыхание.

Но похитителям было недосуг смотреть по сторонам. Быстро проскочив открытое пространство, они исчезли за нагромождением бетонных плит и поддонов с кирпичом. И тут же заурчал мотор грузовика.

Ошалевший от такого неожиданного поворота событий, Мишка изо всех сил припустил вслед похитителям, совершенно не соображая, что ему делать дальше. Он успел увидеть, как Ляльку запихнули в кабину, и грузовик взревел, набирая ход. Мишка в изнеможении прислонился к стене дома. От отчаяния и собственного бессилия он застонал. Удача была так близко...

И тут Мишка увидел мотоцикл! Он стоял в тени кустарника, возле одного из подъездов. Не раздумывая долго, Снегирев подбежал к мотоциклу, открыл кран бензобака, подсоединил напрямую зажигание, оборвав провода, и дернул рычаг стартера. Мотор фыркнул и завелся.

– Э-эй, ты что?! Куда?!

Из подъезда кубарем вывалился парень примерно одних лет с Мишкой. Вслед за ним выскочила и девушка.

– Ты что это, гад? – парень схватил за грудки Мишку. – Голову отвинчу!

– Послушай, дружище, я из уголовного розыска. Бандиты уходят на машине. Нужно догнать. Вот мое удостоверение... – тыкал под нос разгоряченному парню красную книжицу Мишка.

– Я тебе сейчас покажу угрозыск... – размахнулся парень.

Выхода не было: перехватив руку парня, Мишка сделал подсечку и швырнул его на землю, стараясь по возможности подстраховать, как партнера на тренировке.

– Извини, браток... – включая скорость, сказал Снегирев парню, который, матерно ругаясь, ворочался в грязи. – Правда, очень нужно. Честное слово, я из угрозыска...

Грузовик Мишка догнал уже на Лиговке. С давних времен эти места пользовались дурной славой. Еще в дореволюционное время слобода была излюбленным местом сборищ блатной братии. В послевоенные годы, когда на полную мощность заработали Лиговские соляные копи, ни дня не проходило без пьяных потасовок между шахтерами. Но самым небезопасным пунктом на территории Лиговки слыл разрушенный Бог весть когда монастырь. Если верить рассказам лиговских аборигенов, часто среди ночи на каменных осыпях, где прежде высились монастырские стены, мерцали таинственные голубые огни, а из провалов подземелий слышались стоны и крики. Как бы там ни было, но эти развалины люди старались обходить стороной даже днем, не говоря уже о ночном времени.

Спрятав мотоцикл в глубокой колдобине, Мишка ужом проскользнул через полузасыпанный вход в подземелье, где исчезли похитители, освещающие себе путь карманными фонариками. Машину остались сторожить двое, судя по загорающимся время от времени светлячкам сигарет.

Подземный ход, в котором поначалу можно было передвигаться только согнувшись в три погибели, постепенно становился просторнее, выше, и только под ногами по-прежнему валялся битый кирпич и бутовый камень. Неожиданно свет фонарей впереди, по которому

ориентировался Мишка, погас. И только впереди, по мерцающим отблескам на своде он понял, что коридор свернул направо. Туда и направились похитители.

Мишка надал ходу, для страховки все время касаясь рукой шероховатой кладки подземелья. Он уже был почти у самого поворота, как вдруг ему показалось, что перед ним разверзлась бездна, на темном дне которой кружился вихрь из огненно-жгучей алмазной пыли...

18. ОПЕРАЦИЯ

Весь взмыленный, Тесленко вошел в кабинет и буквально рухнул на стул. Последнюю неделю он забыл про сон и еду, похудел и почернел, будто обуглился. И было от чего – операция по захвату банды Крапленого близилась к завершению.

Капитан, откинувшись на спинку стула, закрыл глаза, еще и еще раз прокручивая в памяти события месячной давности...

Казалось, что могло связывать банду Крапленого со взломом помещения архива главного управления архитектуры города? Но когда в оперативной сводке капитан наткнулся на несколько скупых строчек об этом происшествии, совершенно, казалось бы, нелепом с точки зрения мотивировки и целей, он почувствовал, как сильно забилося его сердце – есть! Архив после взлома был разворошен так основательно, что привели его в порядок только через неделю. Ревизия установила пропажу нескольких архивных папок и среди них поэтажного плана здания банка и чертежей старой канализационной системы города. Тесленко понял, что именно они интересовали взломщиков, а остальные документы были взяты для отвода глаз. Значит, версия, над которой он работал уже больше трех месяцев, подтверждалась.

Дубликаты документов по банку и канализации удалось разыскать без особого труда. Правда, чертежи канализационной системы были составлены очень давно и грешили неточностями. Но главное было в другом: при наложении калек чертежей канализации и планировки подвального помещения банка оказалось, что расстояние между одним из ответвлений канализационного тоннеля и хранилищем денег составляет всего десять метров. К сожалению, проникнуть в это ответвление не удалось из-за завала тоннеля.

Тогда Тесленко решил подобраться к решению загадки взлома с другой стороны. Он решил "прокачать" Кривого, который работал грузчиком в продовольственном магазине напротив банка. Как-то не вязалась личность старого вора-рецидивиста с его весьма скромной должностью. Но Кривой почти всегда был на виду, вел себя скромно, спиртного в рот не брал и работал на совесть. "Неужто я ошибся?" – думал капитан. И только когда в магазин устроился грузчиком Зуб, старый поделщик Крапленого, Тесленко стало ясно, что он на верном пути, и вход в ответвление старой канализационной системы находится в обширных подвалах магазина. Значит, Зуб и Кривой ведут подкоп к банку. Но опять-таки: где и когда? Выяснить это смогли спустя несколько дней после появления Зуба в роли грузчика, когда подключили отдел наружного наблюдения. Оказалось, что Зуб и Кривой в основном работали в подвале, где складировалась различная тара, и контроля за ними со стороны кладовщика не было никакого. Там же был и вход в канализацию, достаточно хорошо замаскированный. "Ревизорам" из ОБХСС, которые тщательно осмотрели магазин по указанию руководства управлением, так и не удалось его найти. На большее Тесленко не отважился, чтобы не вспугнуть бандитов. Он хотел взять всю шайку с поличным. Капитан теперь знал, что Зуб и Кривой ведут подкоп попеременно: пока один крутится в подвале, стараясь за двоих, второй роется, как крот, в подземелье. Оставалось главное – не упустить момент, когда подкоп будет закончен и шайка пойдет "на дело"...

Тесленко мотнул головой, гоня сонную одурь, и включил чайник. Посмотрел на часы и озабоченно нахмурился: уже скоро сутки, как куда-то запропастился Мишка Снегирев. Капитан после обеда все телефоны оборвал, разыскивая практиканта, но тот словно сквозь землю провалился. Загулял? Ну уж это на Мишку не похоже. Тесленко посмотрел на часы – половина десятого. Время позднее. Капитан набрал номер общежития, где проживал студент Снегирев. Нет, не появлялся, ответила дежурная. Тесленко медленно положил трубку на рычаг и нахмурился: неосознанная тревога постепенно вползала в душу, заглушая все остальные чувства. Капитан подумал некоторое время, а затем решительно стал накручивать наборный диск телефона.

– Алло! Тоня, это я, – он звонил домой. – Что? Нет, сегодня не приду. Дела. Мама приехала? Передай ей привет от меня. Тонечка, честное слово не могу. Заеду утром. Ужин? У меня есть бутерброды и чай. Продержусь. Ладно, не заводись. Люблю, целую, пока...

Тесленко знал, что сегодня Кривой и Зуб на работу не вышли. Это настораживало. И если до сих пор наружники наблюдали только за банком и магазином, чтобы не спугнуть воров, то теперь они пасли и квартиры всех известных угрозыску членов шайки Крапленого. Только "малина" главаря так и не была найдена, хотя поиск ее не прекращался ни на день.

Капитан, прихлебывая чай, ждал. За банк он был спокоен – там уже четвертые сутки, сменяясь через каждые двенадцать часов, дежурили группы захвата. Его волновало только одно – как бы не прозевать момент, когда шайка Крапленого спустится в канализационную систему, и вовремя перекрыть ей пути отступления.

Попив чаю, Тесленко стал просматривать свои бумаги. И незаметно задремал, склонив голову на стол...

Разбудил его резкий, требовательный звонок дежурного по управлению:

– Товарищ капитан! Наружники сообщили – шайка в сборе. Сейчас они находятся неподалеку от продтоварного магазина.

– Предупредите группу захвата в банке! Объявите тревогу по спецподразделению! Я сейчас к ним спущусь.

– Будет сделано...

Свинцово-серые тучи повисли над городом, который утонул в сыром, тяжелом тумане. Шел дождь вперемешку с ледяной крупой. Улицы были пустынные, насторожены. Шел третий час ночи.

Тесленко, поглядывая на светящийся циферблат наручных часов, с нетерпением ждал донесений от группы наружного наблюдения. Рядом, кутаясь в плащ-палатку, топтался невозмутимый командир спецподразделения милиции, которое обычно задействовали только в исключительных случаях. За его ребят капитан был спокоен – он уже видел их в действии. Профессионалы высокого класса.

Наконец перед ними бесшумной тенью вырос связной наружников.

– Ну! – поторопил его капитан.

– Они взломали дверь подсобки и спустились в подвал. Тесленко уже был известен этот ход, который хитрый Кривой держал в запасе до последнего и никогда им не пользовался. Анализируя поступки шайки, капитан удивлялся: как смогут они ночью проникнуть в подкоп через подвал магазина, если там есть достаточно надежная сигнализация? Будут грабить банк днем? Безнадежно. Тогда что? Вывод напрашивался сам собой. И оперативники

постарались, обнаружив тайный ход в подвал под кучей хлама за полчаса.

– Сколько их?

– Трое.

– Кто?

– Чемодан, Кривой и Зуб. Кроме них на стреме еще двое, нам не известных.

Это новость. Неприятная новость. Где Крапленый? Не пошел на такое дело? В это Тесленко поверить не мог – большие деньги он без своего присмотра не оставит ни на миг, не тот человек. Значит, что-то задумал. Но что? На стреме это жошки, мелочь пузатая. Не исключено, что вооружены, но, похоже, работают, не зная конечной цели старших воров. Видимо, считают, что грабят магазин. Ладно, нужно решать...

– Вы, – обратился капитан к связному наружников, – оставайтесь на местах. Следите в оба. В любой момент может появиться Крапленый.

– Братъ?

– Да. Только наверняка и без пальбы.

– Постараемся... – связник растворился в ночи.

– Пора и вам братья за дело, – обернулся Тесленко к командиру спецподразделения.

– Давно пора, – посмотрел тот на часы. – А то у меня, браток, такая деваха в постели ждет, а я тут мокну, как бездомный пес. – Он коротко и тихо хохотнул.

– Снимите тех, кто на стреме, и спускайтесь в подвал. Фонари взяли?

– Обижаешь... – Командир спецподразделения чуть слышно посвистел; возле него тут же появился подчиненный. – Возьми Сидоренко и успокой двух гавриков возле подсобки. Только не на всю оставшуюся жизнь! Ладно, ладно, знаю вас...

А Крапленый в это время сидел в одном из ответвлений главного канализационного тоннеля, по которому должны были идти его подручные к подкопу. После сходняка он успел многое: справил одежку, соответствующую его новой легенде, перепрятал общаковые деньги и ценности в надежное место, с таким расчетом, чтобы захватить с собой в нужный момент. Вот только Михея он так и не смог отыскать, а у того осталось добра Крапленого на весьма приличную сумму. Перехитрил-таки его этот сучий потрох...

После стычки на сходняке Крапленый решил твердо: все, никаких колебаний, после завершения дела нужно прятать концы в воду, смыться подальше от этих мест и завязать с прошлым, благо дожить до старости будет с чем, и притом безбедно. Как это сделать, не вызывая подозрений, он знал.

Копаясь в архивных документах, которые добыли ему связки Чемодана, он нашел то, на что не обратили внимание остальные члены шайки, – малоприметный кусок кальки с внесенными изменениями к плану канализационной системы. И там он обнаружил еще один, неизвестный ход, который тянулся почти от подкопа до двора исторического музея. Крапленый, не медля, проверил свою находку. Подземный ход оказался в приличном состоянии, без завалов, правда, был немного узок. И тогда у него возник замысел ограбления банка, который несколько отличался от принятого ранее...

Крапленый переменял позу, помассировал затекшие ноги. Все, пора – в дальнем конце

тоннеля сверкнул огонек, затем другой, и лучи прожекторов осветили мрачные осклизлые своды и вонючие лужи, застывшие, словно расплавленная смола. Еще неделю назад, когда уточнялись последние детали будущего дела, Крапленный объявил своим подручным, что войдет в подземелье вслед за ними, для страховки. Мало того, в целях безопасности все должны были добираться к продмагу по отдельности, чтобы не вызвать подозрений и вовремя отрубить "хвосты", если они будут, что гораздо труднее совершить группой. Подельники дружно согласились с его предложением, только Кривой недоверчиво прищурился, но смолчал. И сегодня Крапленный добрался к подкопу раньше всех, спустившись в колодец во дворе исторического музея.

Наконец мимо него тяжело прошлепал Чемодан, за ним просеменил Кривой, вслед которому, наступая на пятки, шел нетерпеливый Зуб. Выждав, пока они отойдут метров на двадцать, Крапленный вышел из своего убежища и посигналил фонарем. Его подождали, облегченно вздыхая, – долгое отсутствие главаря вызывало тревогу...

Стену хранилища взломали быстро, благо она была сложена из крупного нестандартного кирпича на известковом растворе. Крапленный посветил внутрь пролома, принюхался, как легавый пес, и вдруг резко отшатнулся назад. В помещении пахло тройным одеколоном! И запах был свежий, густой. Это могло значить только одно...

– Назад! Все назад! – зашипел он, выхватывая "парабеллум".

– Почему назад? – забубнил недоумевающе Зуб. – Все на мази...

– Нышкни, дурак! Рвем когти!

Кривой первым сообразил что и почем. Круто развернувшись, он побежал по тоннелю. Вслед за ним рванул и Крапленный. Тугодум Чемодан немного замешкался, перекрывая своей тушей дорогу Зубу.

И в этот момент из пролома хлынул яркий свет мощного стационарного прожектора, высветив фигуры обезумевших от страха воров.

– Всем стоять! – проревел громкоговоритель. – Вы окружены! Сопротивление бесполезно!

Но многократно усиленное сводами тоннеля эхо только подхлестнуло Крапленного и его подельников. Бежали изо всех сил, спотыкаясь и падая в зловонную жижу, ушибая колени и раздирая в кровь руки. Крапленный, рыча, как затравленный зверь, обернулся и выпалил несколько раз прямо в центр светового пятна. Прожектор погас. И тут же раздались выстрелы со стороны пролома. Пули, высекая искры, рикошетили от стен, звонко плюхаясь в лужи.

Вдруг Кривой ойкнул и упал, схватившись за колено.

– Что с тобой? – крикнул Крапленный.

– Нога... – простонал Кривой. – Я ранен. Не могу бежать. Помогите...

Крапленный осмотрелся. Чемодан и Зуб уже опередили их. Стрельба со стороны пролома утихла, потому что воров скрыл поворот. Там мелькали лучи фонарей и слышался топот погони.

– Не бросай, Федя... – протянул к нему окровавленные руки Кривой.

– Вставай!

Кривой попытался подняться на ноги, но тут же, скуля, упал.

– Федя, не бросай...

– Давай руку, – спрятав оружие, подошел вплотную Крапленый. – Держись... – и неожиданно ударил Кривого ножом прямо в сердце. – Извини, старый кореш. Ты у меня давно поперек горла стоишь...

И Крапленый побежал дальше, на ходу окликая Чемодана и Зуба; он решил им открыть свою тайну, потому что там был единственный путь к спасению, так как подвал продмага тоже заблокировали оперативники, в этом он был уверен на все сто. Знать, не судьба сегодня свести счеты с поделщиками, как он замыслил, чтобы его никто потом не искал и не требовал своей доли в награбленном. Похоже, что они ему еще пригодятся...

Чемодан застрял в люке, и его едва вытащили на свет божий, изодрав в лохмотья одежду, а кое-где и содрав кожу. Грузовик стоял там, где его оставил Крапленый, неподалеку от исторического музея в каком-то угрюмом неухоженном дворе. Так как Крапленый не собирался после дела катать на нем своих подручных, место парковки грузовика было известно только ему.

Ошалевший с переполоху Зуб сел за руль, и грузовик, поднимая тучи брызг, помчался в сторону окраины.

19. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Снегирев застонал и открыл глаза. Кромешная тьма окружала его со всех сторон, давила сверху многопудовым грузом. Мишка в страхе дернулся, с трудом повернулся на бок. С груди свалились камни, стало легче дышать. "Где я? Что со мной?" – мучительно пытался вспомнить, поднимаясь на дрожащие ноги. Прислонился лбом к влажным и холодным камням стены – немного полегчало. Вспомни! Лиговка, старый монастырь, подземелье... А дальше? Провал памяти. Пошарил в карманах и от радости едва не закричал: спички! Чиркнул о коробок, осмотрелся. Он стоял в подземном коридоре, которому не было ни начала, ни конца. Вверху, в потолке, зияла обширная дыра, щерившаяся почерневшими зубьями раскрошенного от времени кирпича. Значит, он провалился с верхнего коридора в нижний... Интересно, который час? Мишка посмотрел на часы и разочарованно ругнулся: стекло разбилось, стрелки отвалились. Часы еще тикали, как ни странно, но толку с них было...

В какую сторону идти? Мишка размышлял недолго – куда глаза глядят. Придерживаясь за стены и время от времени зажигая драгоценные спички, он пошел по коридору в ту сторону, откуда, как ему показалось, тянуло свежим воздухом. Блуждал он долго, часто сворачивая, потому как бесчисленные коридоры заканчивались тупиками. Наконец, уже совсем отчаявшись, он наткнулся на изгрызенные столетиями ступени, которые вели куда-то вверх. Последнюю спичку он потратил в просторном коридоре, сводчатом, с многочисленными нишами. Теперь Мишка уже явственно ощущал дуновение прохладного воздуха. Медленным шагом, осторожно пробуя дорогу впереди ногой, он продвигался по коридору, который постепенно сворачивал налево.

Неожиданно впереди загорелся трепещущий огонек. Мишка едва не заорал от радости, но тут же прикусил язык. Там явно были люди, но кто? Понятно, что вовсе не сотрудники угрозыска, которые понятия не имели, где искать Снегирева.

Осторожно приблизившись к источнику своих радужных надежд, Мишка наконец разобрал, что это был обыкновенный фонарь "летучая мышь" с изрядно закопченным стеклом. Возле него, спиной к юноше, на глыбе отесанного камня сидел человек, что-то задумчиво мурлыкая

себе под нос. Сторожа оставили, понял Снегирев. Значит, остальные ушли. Но где Зарубин и Лялька? Их не было видно.

Опять бродить по подземелью в поисках выхода Мишка не желал, а путь на поверхность перекрывал этот музыкальный сторож. И Мишка решился. На цыпочках, тая дыхание, он двинулся вперед, мысленно прикидывая, может ли этот человек быть вооруженным, а если да, то как с ним справиться.

Мишка был уже шагах в пяти от сторожа, когда тот, видимо, что-то учуял. Он резко поднял голову и с беспокойством стал оглядываться по сторонам. "Была не была!" – мысленно вскричал Снегирев и ринулся в освещенный фонарем круг. Человек услышал звуки шагов, вскочил, но Мишка схватил его сзади за шею и с силой швырнул через бедро, нимало не волнуясь о последствиях. Сторож сдавленно вскрикнул и потерял сознание. Не мешкая, Мишка снял его брючный ремень и связал руки. Затем торопливо обыскал. На удивление, у сторожа в кармане не было даже ножа. Перевернув бесчувственное тело навзничь, Мишка присвистнул от удивления: перед ним лежал Профессор! "Вот так штука! Он хоть живой? – подумал Мишка, нащупывая пульс. – Нормально. Пусть позагорает..." – решил и, захватив фонарь, принялся исследовать подземелье.

Грубо сколоченную из толстенных брусков дверь он заметил рядом с грудой битого кирпича, перекрывающего вход в боковой коридор. Отодвинув массивный металлический засов, Мишка осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь сырого каменного мешка, стены которого сплошь покрывал серый мох. Неподалеку от входа, на куче гнилой соломы, лежали связанные по рукам и ногам Зарубин и Лялька.

– Привет, ребятки! – весело сказал Мишка, поднимая фонарь повыше.

– Заткнись, сволочь! – зло огрызнулась Лялька.

– Вот те раз... – удивился Мишка, поставил фонарь и опустился рядом с ними на колени. – А я думал, спасибо скажешь.

– Ты кто? – глухо спросил Зарубин, обжигая Снегирева неистовым взглядом.

– С этого и надо было начинать. Сейчас я вас рассупоню... – Мишка принялся распутывать узлы на ногах Кости и Ляльки. – Очень приятно познакомиться, Михаил, – церемонно поклонился Ляльке. – Давай руки, – обратился к девушке. – Все.

– А мне? – сделав усилие, Зарубин сел.

– Понимаешь, Костя, – да, да, я с тобой давно знаком, правда, заочно – прежде, чем я тебя развяжу, дай слово, что не будешь делать глупости. Идет?

– Как это?

– Дело в том, что я сотрудник угрозыска и знаю о тебе достаточно много. Поэтому извини, Зарубин, но мне нужны определенные гарантии. Знаешь ли, своей жизнью я дорожу, а ты парень честный, так что поверю тебе. Иного выхода нет – отсюда нужно сматываться и побыстрей.

– Ясно, – Костя нахмурился. – Обещаю. Но Крапленный мой!

– Заладил... – Мишка развязал ему руки. – Не волнуйся, от расплаты не уйдет. "Вышка" ему обеспечена.

– Крапленный мой! – Костя морщась массировал занемевшие руки. – У меня к нему свой счет...

– Ладно, поживем – увидим. А сейчас не до жиру... Профессор уже очнулся, ворочался, стелая и охая, пытался встать на ноги. Завидев Костю, он обмер.

– Это не я, не я! – вскричал он; из его глаз хлынули слезы. – Все Крапленый. Пощади! Я старый немощный человек...

– Помолчи, дед... – Мишка прислушался.

Со стороны входа в подземелье послышались неясный говор, звуки шагов, а затем показался и прыгающий фонарный луч. Времени на раздумья не оставалось.

– Помоги! – скомандовал Снегирев Косте, подхватывая Профессора под мышки. – Сюда! – показал он на черный зев камеры.

Они затащили Профессора в темницу, закрыли дверь на засов и поспешили спрятаться в одном из ответвлений коридора...

Зуб гнал машину, особо не выбирая дороги. Страшный в своей ярости Крапленый сыпал проклятиями вперемешку с бранью, кусая губы до крови. Лишь Чемодан, грузно ухая своей тушей о сиденье на каждой выбоине, казался спокойным и апатичным. Его и впрямь волновал в этот момент лишь несостоявшийся ужин, и он изредка вздыхал с сожалением, вспоминая аппетитно поджаренную курицу в холодильнике и четверть ароматного домашнего вина в погребке.

Они торопились укрыться в подземелье монастыря, план которого Крапленый изучил еще в довоенные годы. Это было самое надежное убежище, где отыскать их было практически невозможно: чрезвычайно запутанная система подземных ходов и лабиринтов соединялась с заброшенными штольнями соляных выработок, которые тянулись на десятки километров под землей и имели несколько выходов на поверхность. В тайниках подземелья у Крапленого было припасено вдоволь продуктов и хранились награбленные деньги и ценности.

"Седой... Его работа... – ярился бандит, до судорог в пальцах сжимая рукоятку "парабеллума". – Что я с ним сделаю! У-у-у... По кусочкам резать буду, кровь по капле выцежу..."

Когда Профессор сказал, что наконец вычислил виновника гибели Валета и Щуки и что это Седой, он вначале не поверил и посмотрел на него, как на сумасшедшего; спятил на старости лет, с того света еще никто не возвращался. "Ты что, того... – покрутил пальцем у виска. – Лупатому не веришь?" "Лупатого, хе-хе-хе, уже не спросишь, – рассмеялся довольно Профессор. – Кранты ему пришли, сердечко не выдержало. Пить надо было меньше. Тебе тоже советую, по старой дружбе – попридержись..." "Да пошел ты, советчик хренов!" – выверился Крапленый. "А и пойду. Понаблюдаю. Седой жив, голову даю на отсечение. Попомнишь меня. Только он один мог так..."

Да, Профессор оказался прав, что и доказал на последнем сходняке. Он сумел разыскать и рыбаков, которые спасли Костю, и даже его тайную квартиру. "То-то я заметил, что Краля запорхала. С чего бы, думаю? В гости напросился, а на вешалке курточка, хе-хе, нашего покойничка. Правда, прикрытая плащом Лялькиным, но меня-то не проведешь. На кухню не пустила, вытолкала за дверь. А я туда особо и не рвался, хе-хе..."

Грузовик на скорости загнали в глубокий отстойник на окраине Лиговки. Тяжело перевалившись через невысокую земляную насыпь, он с шумом плюхнулся с высоты пяти метров в маслянисто-черную гладь. А еще спустя десять минут они нырнули в подземелье, щедро посыпая свои следы махоркой.

Ляльки и Седого в камере не было. Только потерявший способность что-либо соображать

Профессор ерзал по соломе, нечленораздельно мыча. Во рту у него торчал кляп.

– Где?! – затряс его Крапленный, подняв, словно перышко, с пола.

– погоди, – Чемодан подхватил сухое легкое тело Профессора, вынес из камеры, положил возле фонаря, развязал. – Узнаешь? – спросил, присаживаясь на корточки.

– М-м... – округлившись глаза Профессора, казалось, вот-вот выскочат из орбит. – Б-болит... – потрогал здоровенную шишку на голове.

– Рассказывай, мать твою!.. – снова заорал Крапленный.

Они сгрудились вокруг Профессора, который никак не мог прийти в себя.

Мишка неожиданно почувствовал, как пальцы Зарубина крепко сжали его локоть. Он понял – последний шанс... Костя тенью выскользнул в главный коридор. Он передвигался какими-то странными шагами, мелкими и быстрыми, но в то же время совершенно бесшумными. "Нужно ему помочь!" – мелькнула мысль, и Мишка поспешил за Костей. Небольшой обломок кирпича попался ему на пути и, отброшенный носком, откатился в сторону.

Крапленный услышал. Он резко обернулся. Луч его фонарика осветил Костю. Крапленный ощерился, поднимая пистолет, но Зарубин уже распластался в воздухе в неистовом прыжке. Яростный крик слился с громом выстрела. Фонарик Крапленного отлетел в сторону, кто-то опрокинул "Летучую мышь", и фонарь погас. В кромешной тьме раздались звуки ударов, чей-то сдавленный крик. Мишка уже добежал к месту схватки, как раздался дикий вопль, оборвавшийся глухим стоном.

Споткнувшись о распростертое на полу тело, Мишка упал. Перекатившись на бок, он неожиданно нащупал какой-то круглый длинный предмет. Фонарик! Мишка нажал на кнопку – и яркий луч осветил картину, от которой ему едва не стало дурно. Профессор, обхватив голову руками, лежал под стеной и что-то чуть слышно бормотал, похоже, молился. Зуб валялся с неестественно повернутой головой. Из его приоткрытого рта стекала тонкая струйка крови, выпученные глаза постепенно теряли осмысленность, превращаясь в пустые стекляшки. А в двух шагах высилась громадная фигура Чемодана, который, по-медвежьи мотая головой, надвигался на Мишку.

– Алексей, не надо! – вдруг раздался требовательный голос Зарубина.

– Седой? – Чемодан неторопливо повернулся к Косте.

– Уходи отсюда, Алексей. Я на тебя зла не держу.

– Ты нас заложил ментам, Седой. – Чемодан схватил Костю за грудки. – А за это ты знаешь, что полагается.

– Я не стукач. Даю слово. У меня счет только к Крапленому.

– Не верю. – Чемодан потянул руку к горлу Кости. – Я тебя сейчас кончать буду, Седой.

Момент удара Мишка заметить не успел. Чемодан с перекошенным от дикой боли лицом сначала медленно опустился на колени, а затем мягко завалился на бок.

– Чемодан, это тебе мой последнее предупреждение! – Зарубин, тяжело дыша, отошел в сторону.

В это время позади Мишки разлилось мягкое свечение. Он оглянулся и увидел Ляльку, которая зажигала "Летучую мышь".

– Где Крапленный? – спросил Зарубин у Снегирева. Только теперь Мишка понял, что Костя ранен. Зарубин стоял, слегка покачиваясь, и прижимал ладонь к левому боку. Сквозь пальцы сочилась кровь.

– Ляд его знает, – отозвался Снегирев. – Сбежал, подлец.

– Крапленный от сявок не бегаёт! – раздался злобный голос главаря шайки.

Из темноты на освещенное пространство ступил Крапивный. В руках он держал "парабеллум".

– Все, Седой, амба. Я распорю твой живот и кишки на шею намотаю! – от бешенства Крапленный пенился.

Когда он подошел поближе, Мишка увидел, что и бандиту досталось: его правая рука висела плетью, лицо было бледным до синевы от боли, а пистолет он держал в левой.

– Да, против безоружных и слабых ты храбрец, – совершенно невозмутимо ответил Костя, глядя прямо в глаза главаря банды. – Таким я помню тебя с пятьдесят третьего года, когда ты убил мою мать и отца. Помнишь квартиру главного инженера хлебозавода?

– Стоп-стоп, вон оно что... Так это ты тот сопляк, по которому я тогда промазал? Вот это встреча. – Крапленный начал неторопливо целиться. – Сейчас я исправлю ошибку молодости...

– Не-ет! – Лялька рванулась вперед, закрывая собой Костю, и словно дикая кошка вцепилась Крапленому в лицо.

– А ты, сука! – отшвырнул ее бандит и выстрелил почти не целясь. – Получи!

Костя словно взорвался. Каким-то невероятным сальто он в мгновение ока преодолел расстояние, отделяющее его от Крапленого, и "парабеллум" выпорхнул из рук бандита. От неожиданности Крапленный едва не упал, но успел опереться о стену. И тут же он выхватил финку.

– До встречи на том свете, ублюдок... – тихо сказал ему Костя.

И остолбеневший Снегирев вдруг увидел, как нервный тик искривил черты Костиного лица, как растянулись его жесткие губы в полуоскале и возле глаз легли морщинки. Зарубин впервые за долгие годы улыбался. Но от этой улыбки веяло могильным холодом.

– Не нужно, Зарубин! – словно очнувшись, закричал Снегирев. – Остановись!!!

Но Костя уже крутил свою смертоносную "вертушку". Мишка услышал хруст височной кости Крапленого, когда стопа Зарубина достигла цели, и короткий звон клинка, выпущенного главарем банды. Крапленный умер мгновенно, даже не застонав.

Костя подошел к Ляльке, которая сидела, прислонившись к стене, бледная и окровавленная. Пуля пробила ей плечо. Костя помог девушке подняться, они обнялись и пошли к выходу из подземелья, поддерживая друг друга.

– Мент? – раздалось сзади.

Снегирев от неожиданности вздрогнул и обернулся. Разминая папиросу, рядом стоял Чемодан.

– Вроде... – осторожно ответил Мишка.

– Оставь их в покое. Вяжи меня... – Он закурил, затянулся пару раз, заложил руки за спину и вперевалку пошагал по каменному крошеву; он все слышал и все понял...

Мишка Снегирев поднял с пола "летучую мышь", еще раз посмотрел на скрюченного Крапленого и поспешил за Чемоданом. Когда он наконец выбрался наружу, то ахнул: над головой ярко голубело морозное небо, а лед на соляных прудах в лучах солнца, казалось, был покрыт сусальным золотом, таким же, как купол храма на дальнем взгорке.

[1] Рыжевье (жарг.) – золото.

[2] Башли (жарг.) – деньги.

[3] Медвежий шнифер (жарг.) – сейф.

[4] Хаза на якоре (жарг.) – квартира очень бедная.

[5] Ксива (жарг.) – паспорт.

[6] Нора (жарг.) – убежище.

[7] Мент (жарг.) – милиционер.

[8] Масть (жарг.) – здесь – воровская "профессия".

[9] Щипач (жарг.) – карманный вор.

[10] Мандраж (жарг.) – испуг.

[11] Вышка (жарг.) – высшая мера наказания.

[12] Волчара (жарг.) – опытный вор.

[13] Сявка (жарг.) – вор-подросток.

[14] Деловой (жарг.) – надежный.

[15] Общак (жарг.) – воровская касса.

[16] Карась (жарг.) – состоятельный человек.

[17] Залетный (жарг.) – приезжий вор.

[18] Фуфлом торганул (жарг.) – замешкался.

[19] Цюань-шу (кит.) – искусство кулачного боя, одна из разновидностей системы боевых единоборств.

[20] Зашухерить (жарг.) – предать.

[21] Попка – (жарг.) – контролер, надзиратель.

[22] Шамовка (жарг.) – еда.

[23] Мужик – (жарг.) – осужденный, хорошо работающий на производстве.

[24] Локшевая работа (жарг.) – неудачное дело.

[25] Шобла (жарг.) – воровская сходка.

- [26] Разборняк (жарг.) – выяснение отношений на воровской сход.
- [27] Понты гнать (жарг.) – умышленно вызвать скандал.
- [28] Шпалер (жарг.) – револьвер.
- [29] Кисет (жарг.) – карман.
- [30] Пасит (жарг.) – находиться в бегах.
- [31] Керосин (жарг.) – банкет.
- [32] Пахан (жарг.) – главарь.
- [33] Ходить на цырлах (жарг.) – лебезить, заискивать.
- [34] Загонялка (жарг.) – товар.
- [35] Куш (жарг.) – сумма.
- [36] Поц коцаный (жарг.) – дурак меченый.
- [37] Сгореть (жарг.) – попасться с поличным.
- [38] Амба, амбец (жарг.) – конец.
- [39] Варить (жарг.) – думать.
- [40] Звонить (жарг.) – рассказывать.
- [41] Понты бить (жарг.) – притворяться.
- [42] Перо (жарг.) – нож.
- [43] Базар (жарг.) – разговор.
- [44] Шестерка (жарг.) – подхалим.
- [45] Сидор (жарг.) – мешок с вещами.
- [46] Блины (жарг.) – деньги фальшивые.
- [47] Берлога (жарг.) – квартира главаря.
- [48] Щупать (жарг.) – готовить.
- [49] Понт бить (жарг.) – возмущаться, протестовать.
- [50] Мансы (жарг.) – дела.
- [51] Сходняк (жарг.) – сборище воров.
- [52] Подорвать (жарг.) – убежать.
- [53] Зехер (жарг.) – шутка, обман.
- [54] Печник (жарг.) – пассивный педераст.
- [55] Толковище (жарг.) – воровской разбор.

[56] Правилка (жарг.) – воровской самосуд.

[57] Куш (жарг.) – богатая добыча.

[58] Дуванить (жарг.) – делить.